ISSN 2500-3216

ВЕСТНИК

БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. И. КАНТА

Серия

Гуманитарные и общественные науки

№ 3

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2020

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. — 2020. — №3. — 119 с.

Редакционная коллегия серии

И.Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (главный редактор); *Г.В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора); *М.А. Анипкин*, д-р социол. наук, проф., Волгоградский государственный университет, Эссексский университет, Великобритания; *М.В. Берендеев*, канд. социол. наук, доц., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *К.Ю. Волошенко*, канд. экон. наук, директор центра моделирования социально-экономического развития региона, БФУ им. И. Канта; *Т.С. Волчецкая*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, Юридический институт, БФУ им. И. Канта; *Ю.В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта; *А. Жуковски*, д-р полит. наук, проф., президент Польской ассоциации политической науки, Польша; *О.И. Зазнаев*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет; *Ю.В. Кривошеев*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой исторического регионоведения, СПбГУ; *Н.М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., СПбГУ; *О.В. Попова*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политических институтов, СПбГУ; *Е.Р. Россинская*, д-р юр. наук, проф., директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина; *Р. Саква*, д-р полит. наук, проф., Кентский университет, Великобритания; *П. Тамаш*, д-р социологии, проф., Академия наук Венгрии, Венгрия; *А.Е. Шаститко,* д-р экон. наук, проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Адрес редакции:
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

© БФУ им. И. Канта, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

Кутузов А.В. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет в условиях противодействия экстремизму..... 5

Сунгурова Е.Д. Противодействие незаконному оказанию услуг массажа правовыми средствами 16

Актуальные проблемы современной экономики

Горочная В.В. Инновационная безопасность региона как когерентность мультициклической самоорганизации: опыт построения идеальной модели..... 24

Кузнецова Т.Ю., Горочная В.В., Ростовцев Н.Г. Приморские и западные приграничные центры в системе крупных городов современной России: социально-экономическое и инновационное развитие 37

Федоров Г.М. Развитие эксклавной Калининградской области в меняющихся геополитических и геоэкономических условиях (на основе анализа ВРП)..... 50

История. Исторические науки

Зайцева Н.В. Граф М.А. Милорадович в жизни, творчестве и судьбе Ф.Н. Глинки 65

Ходячих С.С. Свидетель обвинения. Показания Станислава Дубеля на процессе по делу Рудольфа Хесса 78

Общество и политика

Яницкий О.Н. Москва и ее регион: структурно-функциональные трансформации..... 91

Михайлов А.С., Хвалей Д.В., Сингх П., Сингх В.К. Потенциал российско-индийского научного сотрудничества (на примере регионов Западного порубежья России) 103

CONTENTS

State and law

Kutuzov A. V. Problems of legislative regulation of investigation activity on the Internet in countering extremism 5

Sungurova E.D. On countering the illegal provision of massage services by legal means 16

Current economic problems

Gorochnaya V. V. Regional innovation security as a coherence of multi-cyclic self-organizing: experience in building an ideal model..... 24

Kuznetsova T. Yu., Gorochnaya V. V., Rostovtsev N.G. Coastal and western border centers in the system of large cities of modern Russia: socio-economic and innovation development 37

Fedorov G.M. The development of the Russian exclave of Kaliningrad in changing geopolitical and geo-economic conditions (based on the GRP analysis)..... 50

History. Historical sciences

Zaytseva N. V. Count M.A. Miloradovich in life, creativity and the fate of F.N. Glinka 65

Khodyachikh S.S. A witness for the prosecution. Stanislav Dubel's testimony at the trial of Rudolf Hess 78

Society and politics

Yanitsky O.N. Moscow and its region: structural and functional transformations..... 91

Mikhaylov A.S., Hvaley D. V., Singh P., Singh V.K. Potential of Russian-Indian scientific cooperation (the case of western border regions of Russia)..... 103

УДК 343, 343.9

А. В. Кутузов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Исследуются правовые основы осуществления оперативно-розыскной деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, уделяется внимание положениям федеральных законов «О связи», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об оперативно-розыскной деятельности» в контексте противодействия экстремизму. В работе анализируются особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет с точки зрения их технической и юридической природы.

В рамках научного исследования осуществлен анализ законодательных основ проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет с целью оперативно-розыскного противодействия экстремистской преступности. Обосновано отличие оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» от иных оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет.

В ходе исследования использовались формально-логический, логико-юридический и сравнительно-правовой методы, которые применялись при исследовании правовых норм и выработке предложений по совершенствованию проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет при раскрытии преступлений экстремистской направленности.

Акцентировано внимание на отличиях оперативно-розыскных мероприятий в сетях связи и в сети Интернет как их разновидности, а также соответствующей правовой регламентации в противодействии экстремистской преступности. Для устранения противоречий в законодательных актах, регламентирующих данную деятельность, обоснованы предлагаемые автором изменения в законодательство.

In the current article, the author explores the legal basis for investigation activities on Internet, paying particular attention to the provisions set forth in the Federal Laws "On Communications," "On Information, Information Technologies and the Information Security", "On the Investigative Search activities" in the context of countering extremism. The article analyzes the technical and legal features of online investigation measures.

The author analyzes the legislation on the investigation measures on the Internet aiming at counteracting extremist. The difference of the operational-search measures "obtaining computer information" from other operational-search measures on the Internet is justified.

The research used formal-logical, logical-legal and comparative-legal methodology to study legal norms and to work out the proposals on improving the investigation measures on the Internet when dealing with extremist crimes.

© Кутузов А.В., 2020

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 5 – 15.

Particular attention is paid to the differences in investigation in telecommunication networks and the Internet as their certain kind, as well as the relevant legal regulation in countering extremist crimes. To eliminate possible contradictions in the legislative acts regulating this activity, amendments to the current legislation are proposed.

Ключевые слова: правоохранительные органы, противодействие экстремизму, сеть Интернет, оперативно-розыскная деятельность, правовая основа, оперативно-розыскные мероприятия.

Keywords: law enforcement agencies, countering extremism, the Internet, investigation activity, legal basis, investigation measures.

Эволюция социума сопровождается и советующими изменениями общественных отношений. Новые знания, умения и технологии предоставляют дополнительные возможности для удовлетворения потребностей индивидов, их защиты от внутренних и внешних угроз. Стремительное развитие информационных технологий с конца прошлого века, которое продолжается и в наши дни, существенно повлияло на жизнь каждого человека, общества и государства. Компьютерные технологии и Интернет, с одной стороны, предоставили неограниченный потенциал и ресурсы для свободного создания, распространения и хранения информации, а с другой — расширили возможности манипулирования информацией в противоправных целях. Интернет стал средой, где экстремисты, террористы, представители организованной преступности осуществляют явный или, как правило, скрытый обмен информацией, а также товарами и услугами, оборот которых запрещен на территории Российской Федерации.

Необходимость использования новейших технологий в оперативно-розыскной деятельности ранее неоднократно отражалась в научных исследованиях [1; 2]. В последнее время государственные органы предпринимают значительные усилия по усовершенствованию законодательных основ информационной деятельности в сети Интернет, что отражено в соответствующих изменениях в федеральные законы «О связи», «Об информации»; введена юридическая ответственность за использование информационной сети в деструктивных целях. Данный процесс обусловлен как широким распространением и использованием сети Интернет в экстремистской деятельности, так и значительными пробелами в правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности в информационно-телекоммуникационной сети (далее — ИТКС). Существующие методики противодействия экстремизму уже не отвечают современным требованиям и обуславливают необходимость осуществления коренных изменений, активизации усилий при проведении целого комплекса оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) в цифровой среде, что, в свою очередь, должно обеспечиваться и соответствующей правовой основой.

Проблематика законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) является одним из наиболее важных предметов для пристального научного исследования специали-

стов. Данные вопросы рассматривались в отечественной литературе в трудах В.М. Атмажитова, В.Г. Боброва, Е.А. Доли, И.А. Климова, Р.В. Кулешова, А.Г. Маркушина, Л.А. Осипенко, Л.Л. Тузова, А.Ю. Шумилова и др. Принимая во внимание значительный вклад указанных ученых в науку об ОРД и не преуменьшая его бесспорного значения, отметим, что вопросы законодательного регулирования использования сети Интернет при проведении ОРМ в силу различных причин фактически не нашли должного научного отражения. Это связано со стремительностью развития сети Интернет, а также динамическим характером содержащейся в ней информации, что обуславливает и широкий спектр сценариев поведения пользователей, которые активно меняются в зависимости от появления новых программных продуктов, способов коммуникации, ввода и получения данных. Существующая неурегулированность проведения ОРМ в сети Интернет, по мнению исследователей, также приводит к хаотичному толкованию имеющихся правовых норм [3, с. 69].

На наш взгляд, очерченные положения свидетельствуют о необходимости систематизации имеющихся подходов к пониманию правовой природы использования сети Интернет в оперативно-розыскном противодействии преступлениям экстремистского характера, в частности, при проведении ОРМ как на стадии получения первичной информации о подготавливаемых преступлениях, так и при оперативно-розыскном сопровождении уголовных дел указанных категорий.

Целью научной работы является изучение законодательных основ регулирования оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет в раскрытии преступлений экстремистской направленности для последующей выработки рекомендаций по усовершенствованию существующей правовой базы, что напрямую влияет на повышение эффективности ОРД в цифровой среде.

В широком смысле правовое регулирование ОРД представляет собой специфическую деятельность государства, его органов и должностных лиц по упорядочению общественных отношений путем установления правовых норм и принятия в необходимых случаях индивидуально-регламентирующих решений в соответствии с этими нормами по юридически значимым вопросам, которые возникают в процессе таких отношений [4, с. 80]. С позиции законодательства такое регулирование осуществляется в соответствии со ст. 4 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]. На наш взгляд, в правовую основу использования сети Интернет при проведении оперативно-розыскных мероприятий следует включать Конституцию РФ, федеральные конституционные законы, федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и другие федеральные законы, касающиеся регулирования различных сфер ОРД, а также подзаконные нормативные акты.

В свое время А.Ю. Шумилов, изучая правовое регулирование ОРД, выделял в нем 4 уровня: конституционный, международный, законодательный и подзаконный [6, с. 50—51]. Принимая во внимание значение

Конституции в соблюдении прав и свобод граждан при проведении ОРМ, считаем необходимым очертить основные положения, прямо влияющие на их проведение. Так, ст. 2 Основного закона закрепляет в качестве обязанности государства и его приоритета соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, разд. 2 Конституции Российской Федерации провозглашает основные права и свободы человека и гражданина, что ограничивает вмешательство правоохранительных органов в частную (личную) жизнь гражданина. В частности, положения ст. 23 и 25 Конституции закрепляют право на тайну переписки, телефонных разговоров, почтовой, телеграфной и другой корреспонденции, неприкосновенность жилища, личности, право передвижения и выбора места жительства и другие права и свободы. Ограничения таких прав возможно только на основании судебного решения [7].

Законность методов и средств ОРД в традиционном понимании хорошо изучена в теории ОРД, однако, на наш взгляд, определенные сложности возникают при сборе информации из сети Интернет. В большинстве случаев пользователь сам размещает личную информацию о себе, фактически разрешая любому лицу (или определенным группам в случае ограничения настроек приватности) получать информацию о его личной жизни. В то же время утечки данных граждан, размещение фото- и видеофайлов другими пользователями без согласия собственника, обнародование переписок лиц в различных мессенджерах прямо нарушают положения ст. 24 Конституции, запрещающие сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия [7].

Отметим, что согласие лица на сбор, хранение и обработку информации о нем не требуется при проведении ОРМ, дознания и следствия в соответствии с положениями ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5] и УПК РФ [8].

Вторая группа нормативно-правовых актов, составляющих основу ОРД, — нормы международно-правового характера. Базовым международно-правовым договором, регулирующим вопросы обмена электронными данными, является Конвенция о защите лиц в отношении автоматической обработки личных данных, заключенная Советом Европы в 1981 г. и вступившая в силу в 1985 г. [9]. Конвенция содержит правила сбора, обработки и передачи личных данных по компьютерным сетям. В данную группу относятся и решения Еврокомиссии, регламентирующие защиту персональных данных физических лиц и сбор таких сведений, факультативные протоколы к Конвенции, ведомственные и иные международно-правовые акты, имеющие непосредственное отношение к вопросам осуществления ОРД, функционирования ИТКС, проведения ОРМ в целях получения оперативно-значимой информации в цифровом пространстве. В рамках исследования отметим, что отдельные положения Декларации о свободе общения в сети Интернет (2003) [10], рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы №1706 (2005) «Средства массовой информации и терроризм»

[11], рекомендации №R (2001) Комитета министров Совета Европы «О вопросах регулирования виртуального содержания от 5 сентября 2001 г.» [12], также являются фундаментальной международно-правовой основой регламентацией ОРД в сети Интернет [12].

Обращает на себя внимание и тот факт, что в ряде стран сбор информации, размещенной в открытых источниках, может классифицироваться как посягательство на неприкосновенность частной жизни. В частности, Европейским судом по правам человека по делу «Сегерстедт-Виберг и другие против Швеции» [14] действия полиции по сбору информации, которая является открыто доступной для пользователей сети Интернет, квалифицированы как нарушение права на неприкосновенность частной жизни, гарантированное ст. 8 конвенции Совета Европы «О защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г. [15]. Систематический сбор информации расценивается как вмешательство в частную жизнь в связи с тем, что лицо, размещающее информацию, рассчитывает на хранение сведений и отсутствие мониторинга его профиля. Сбор сведений является допустимым только по закону и в целях борьбы с преступностью (ст. 8 (2) Конвенции).

Третий (законодательный) уровень правового регулирования ОРД включает в себя нормы, отраженные в соответствующих ординарных законах, определяющих направления и формы борьбы с преступностью экстремистской направленности как специальной сферы государственной деятельности. В данной группе следует указать федеральные законы «Об оперативно-розыскной деятельности» [5], «О связи» [17], «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [18], «О противодействии экстремистской деятельности» [19], федеральные законы, регулирующие группы общественных отношений в ОРД и их отдельные виды.

Проведение ОРМ в сети Интернет неразрывно связано с информацией, в ней размещенной. Так, федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» содержит только определение информации как таковой, не конкретизируя понятие «компьютерной информации». В 2011 г. в УК РФ законодателем была разъяснена суть данного термина: под «компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» [20]. В настоящее время в подавляющем большинстве случаев, пользователь сталкивается с общедоступной информацией (любые сведения, кроме отнесенных законом к информации с ограниченным доступом) [18]. Общедоступная информация может быть использована любым лицом по его усмотрению, однако при соблюдении ограничений или условий, установленных законодательством. Статья 7 указанного закона предусматривает, что в случае, если информация размещена правообладателем в сети Интернет в форме, предусматривающей автоматизированную обработку без предварительных изменений человеком в целях повторного ее использования, она является общедоступной информацией, размещаемой в форме открытых данных [18].

Учитывая изложенное, закономерно приходим к выводу, что оперативные работники вправе накапливать обезличенную открытую информацию, в том числе в инициативном порядке, а сбор сведений в отношении отдельных лиц допустим только в пределах и в порядке, предусмотренных соответствующими федеральными законами.

Рассмотрев виды информации, в том числе распространяемой в сети Интернет, считаем целесообразным очертить различие сетей связи и ИТКС Интернет, что прямо зависит от видов ОРМ, особенностей и порядка их проведения.

В соответствии со ст. 2 ФЗ «О связи», сетью связи является технологическая система, включающая в себя средства и линии связи и предназначенная для электросвязи или почтовой связи [18]. В свою очередь, ИТКС — технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. Интернет же является разновидностью ИТКС, представляет собой всемирную сеть и предназначен для общего пользования. Следовательно, отождествлять проведение ОРМ в сетях связи с ОРМ в сети Интернет некорректно ввиду иного порядка доступа и использования.

Так, ч. 2 ст. 64 закона «О связи» [18] предусматривает проведение ОРМ в сетях связи субъектами ОРД с соблюдением требований к установленному порядку использования сетей и средств связи, а также без разглашения организационных и тактических приемов проведения данных ОРМ. Из этого следует, что закон «О связи» предусматривает только проведение ОРМ, ограничивающих права и свободы граждан. Автор исследования приходит к мнению, что проведение иных мероприятий возможно в соответствии с законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Отметим, что приведенные положения являются довольно новыми и введены только с июля 2017 г. Фактически проведение отдельных ОРМ именно в сети Интернет четко регламентировано лишь несколько лет назад.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [5] не содержит ни одного упоминания такого понятия, как «Интернет», однако исходя из расширительного уяснения его положений можно прийти к логическому выводу о возможности осуществления ОРД в сети Интернет и ее соответствия действующему законодательству. Данный тезис обосновывает необходимость внесения изменений в положения ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», закрепляющих возможность использования не только информационных систем, но и ИТКС для решения задач ОРД.

Статья 4 Федерального закона формулирует правовую основу проведения ОРМ, включая в нее нормативные акты, регламентирующие организацию и тактику проведения ОРД, издаваемые органами, осуществляющими ОРД в пределах своих полномочий в соответствии с законодательством РФ. В ст. 6 законодатель подчеркивает, что в ходе проведения ОРМ используются в том числе информационные системы, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба

жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде. Мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан, должны проводиться только на основании судебного решения [5].

Рассматривая сеть Интернет как среду совершения преступлений, в том числе экстремистской направленности, и как современный способ распространения информации, большинство ОРМ, перечисленных в ст. 6 возможно проводить в ее условиях (опрос, наведение справок, отождествление личности и др.).

Считаем, что в цифровой среде при сборе информации в целях раскрытия преступлений экстремистской направленности целесообразно проводить следующие ОРМ:

— оперативный опрос с использованием социальных сетей, чатов, форумов и мессенджеров;

— наведение справок, имеющее черты оперативно-розыскного мониторинга сети Интернет, поиска сведений в поисковых интернет-системах (Google, Yandex, Baidu и др.), а также сбор информации с помощью иных программных продуктов и сервисов сети Интернет;

— отождествление личности, при котором используется специализированное, зачастую общедоступное программное обеспечение (например, идентификация пользователей по фотографиям, задействующая массив социальных сетей) для преодоления потенциального криминального противодействия правоохранительным органам.

Данный список не является исчерпывающим, однако приведенные примеры свидетельствуют о необходимости их более детального законодательного урегулирования в отношении используемых методов, технических средств, порядка проведения и способа фиксации полученных результатов.

Заметим, что введение в 2016 г. в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» нового вида оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» [21] не сняло вопросов о конкретизации таковых сведений и оставляет данную дефиницию на усмотрение правоприменителя. На наш взгляд, показателен тот факт, что указанное ОРМ введено для установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности. Под получением компьютерной информации, по мнению А.Л. Осипенко, следует понимать специфический способ получения сведений, как правило, с применением специальных технических средств для добывания сведений, недоступных оперативному сотруднику без использования таковых [22, с. 85].

Отсюда возникает вопрос, является ли получение сведений из сети Интернет разновидностью соответствующего ОРМ или выступает разновидностью иных ОРМ (например, наведение справок). Учитывая приведенные выше аргументы, считаем, что по своей сути указанное ОРМ может проводиться и в интернет-среде. В случае если добывание оперативной информации происходит в процессе проведения иных ОРМ (например, опрос), но используется интернет-среда, без примене-

ния специальных технических средств фиксации информации, таковое ОРМ, на наш взгляд, не является «получением компьютерной информации».

Несмотря на прямое отсутствие в законе «Об оперативно-розыскной деятельности» упоминания о проведении ОРМ в сети Интернет, федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «О связи» подразумевают проведение таковых.

В свою очередь, противодействие экстремизму в обществе также основывается на специально принятом правовом акте, относящемся к правовой основе ОРД в сети Интернет в условиях противодействия экстремизму. Так, ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определяет противодействие экстремизму как приоритетную задачу уполномоченных органов. В рамках данного исследования привлекает внимание ст. 12 упомянутого Федерального закона, запрещающая использование сетей общего доступа для осуществления экстремистской деятельности. В случае использования указанных сетей в деструктивной деятельности применяются меры, указанные в Законе [19]. Исходя из того, что в данном случае Интернет выступает местом совершения преступления, документирование противоправных действий также будет осуществляться с его использованием с учетом всех доступных средств и методов ОРД.

Рассмотрев основные вопросы законодательного регулирования использования сети Интернет в оперативно-розыскном противодействии преступлениям экстремистской направленности, целесообразно сформулировать следующие выводы.

Проанализированные нами нормативные правовые акты напрямую не предусматривают проведение ОРМ в сети Интернет, однако в широком смысле и не запрещают проведение таковых при условии соблюдения конституционных прав и свобод граждан или особого порядка получения таких данных при проведении ОРМ, определенных Федеральным законом.

Считаем, что отождествление проведения ОРМ в сети Интернет с таковыми на сетях сотовой связи или иных телекоммуникационных сетях ошибочно в силу существенных отличий их построения и функционирования. В то же время Интернет является разновидностью ИТКС ввиду своей природы и основ функционирования, что предполагает иной порядок проведения ОРМ в отличие от таковых мероприятий в сетях связи.

На наш взгляд, сеть Интернет выступает в первую очередь средой проведения таких мероприятий, требующей кардинально иного подхода к пониманию принципов получения информации, ее распространения и обработки. С учетом изложенного приходим к выводу о том, что сбор сведений в сети Интернет в целях противодействия преступности, в частности, экстремистской направленности, является допустимым и законным, а текущая правовая регламентация, несмотря на отсутствие единого подхода законодателя, достаточна для проведения соответствующих ОРМ.

В целях устранения потенциальных противоречий в правоприменительной практике при противодействии преступности, в том числе экстремистского характера, считаем целесообразным предусмотреть в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» возможность осуществления оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет. Так, В.И. Шаров предлагает дополнить ст. 6 следующим абзацем: «Оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться в сети Интернет в порядке и при соблюдении условий, определяемых настоящим Законом» [24, с. 85]. Данное предложение, на наш взгляд, является дискуссионным, так как не в полной мере учитывает специфику получения данных, их обработку и способы взаимодействия между пользователями в сети. В то же время такая формулировка очерчивает возможность проведения ОРМ в сети Интернет и не вступает в противоречие с духом и буквой Закона. Частично соглашаясь с данным мнением, считаем необходимым предусмотреть возможность проведения ОРМ не только в сети Интернет, но и в цифровой среде в целом, где Интернет выступает одним из важнейших компонентов. Таким образом, целесообразно дополнить приведенную выше статью абзацем следующего содержания: «Оперативно-розыскные мероприятия могут проводиться в цифровой среде в порядке и при соблюдении условий, определяемых настоящим Законом».

Кроме того, для конкретизации возможности использования сети Интернет в реализации задач ОРД представляется целесообразным дополнить ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и изложить абз. 3 в следующей редакции: «В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде».

Данные предложения в законодательство, на наш взгляд, с одной стороны, конкретизируют возможность использования сети Интернет при проведении устоявшихся в правоохранительной деятельности ОРМ, а с другой — открываются новые перспективы для оперативного внедрения новейших технологий в ОРД.

Список литературы

1. *Вязовец Р.Н.* Использование информационных технологий в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2010.

2. *Осипенко А.Л.* Новые технологии получения и анализа оперативно-розыскной информации: правовые проблемы и перспективы внедрения // Вестник Воронежского Института МВД России. 2015. №2. С. 10—13.

3. *Алябьев А.А., Лагуточкин А.В.* Проблемы осуществления оперативно-розыскных мероприятий в информационном пространстве сети Интернет // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. №1. С. 66—69.

4. *Кулешов Р.В.* Правовое регулирование оперативно-боевого противодействия экстремистской и террористической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. №1 (57). С. 80—83.

5. *Об оперативно-розыскной* деятельности : федер. закон от 12.08.1995 г. №144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Шумилов А.Ю.* Проблемы законодательного регулирования в оперативно-розыскной деятельности: десять лет спустя (конституционные, административные, уголовные, уголовно-процессуальные и уголовно-сыскные аспекты) : монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.

7. *Конституция* Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. №6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. №7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. №2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. №11-ФКЗ). URL: http://www.constitution.ru/ (дата обращения: 21.05.2020).

8. *Уголовно-процессуальный* кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. *Конвенция* о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28.01.1981 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. *Декларация* о свободе обмена информацией в интернете (принята Комитетом Министров Совета Европы от 28 мая 2003 г. на 840-м заседании заместителей Министров). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. *Средства* массовой информации и терроризм: Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы №1706 (2005) ; Декларация Комитета министров Совета Европы о свободе выражения мнения и информации в СМИ в контексте борьбы с терроризмом (2005) // Журналистика и СМИ против террора. М., 2009. С. 269—274.

12. *О вопросах* саморегулирования виртуального содержания (саморегулирование и охрана пользователей от противоправного или причиняющего вред содержания новых информационных и коммуникационных услуг) : рекомендация №R (2001) 8 Комитета министров Совета Европы (принята 05.09.2001 г. на 762-м заседании представителей министров). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. *Немкова Н.А.* Особенности правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий в сетях связи // Проблемы правоохранительной деятельности. 2009. №1-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-operativno-rozysknyh-meropriyatiy-v-setyah-svyazi (дата обращения: 20.05.2020).

14. *Case* of Segerstedt-Wiberg and Others v. Sweden. URL: http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=O01-75591 (дата обращения: 20.05.2020).

15. *Конвенция* о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950 г., с изм. от 13.05.2004 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. *Ташмагамбетов А.М.* Оперативно-розыскные мероприятия с использованием социальных сетей: опыт Великобритании и Республики Казахстан // Наука и бизнес: пути развития. 2013. №11 (29). С. 129—133.

17. *О связи* : федер. закон от 07.07.2003 г. №126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. *Об информации*, информационных технологиях и о защите информации : от 27.07.2006 г. №149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. *О противодействии* экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. *Уголовный* кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. *О внесении* изменений в федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : федер. закон от 06.07.2016 г. №374-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. *Осипенко А.Л.* Новое оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежский институт МВД России. 2016. №3. С. 83—90.

23. *Старичков М.В.* Понятие «Компьютерная информация» в российском уголовном праве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. №1 (68). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kompyuternaya-informatsiya-v-rossiyskom-ugolovnom-prave (дата обращения: 20.05.2020).

24. *Шаров В.И.* Оперативно-розыскные мероприятия в сети Интернет // Общество и право. 2018. №2 (64). С. 82—86.

Об авторе

Алексей Владимирович Кутузов — адъюнкт, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Россия.

E-mail: kutuzovlist@yandex.ru

The author

Alexsei V. Kutuzov, adjunct, Rostov Law Institute of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation, Russia.

E-mail: kutuzovlist@yandex.ru

УДК 343

Е. Д. Сунгурова

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОКАЗАНИЮ УСЛУГ МАССАЖА ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Рассматриваются медико-правовые проблемы, связанные с понятийным аппаратом в сфере услуг массажа. Цель исследования – проанализировать требования законодательства Российской Федерации к деятельности по оказанию услуг медицинского и бытового массажа, установить наличие или отсутствие критериев для разграничения данных услуг, необходимых для решения вопросов, возникающих при квалификации общественно опасных деяний. Методологическую основу настоящей работы составили общенаучные и частнонаучные методы исследования. В работе обосновывается вывод, что понятийный аппарат требует уточнения в целях минимизации вопросов при определении объективных и субъективных признаков преступлений, предусмотренных ст. 235, 236 и 238 Уголовного кодекса РФ.

The article deals with medical and legal issues related to the conceptual background of massage services. The purpose of the study is to analyze the legislative requirements of the Russian Federation for the medical and regular massage services, to establish the criteria for distinguishing these services when it comes to qualification of socially dangerous activity. The methodology of the research rests on the general scientific and certain scientific research methods. The paper substantiates the conclusion that the conceptual background requires clarification in order to minimize issues in determining the objective and subjective features of crimes provided for in articles 235, 236 and 238 of the Criminal code of the Russian Federation.

Ключевые слова: охрана здоровья, медицинский массаж, косметологический массаж, вред здоровью, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Keywords: health protection, medical massage, cosmetological massage, harm to health, provision of services that do not meet safety requirements.

В Конституции Российской Федерации [3] провозглашено право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41), а конкретизацию указанного права законодатель провел в федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [9] (далее — Федеральный закон №323). Именно в федеральном законе №323 среди базовых принципов охраны здоровья закреплен принцип доступности и качества медицинской помощи, реализация которого обеспечивается, с одной стороны, за счет расширения доступа участников гражданского оборота к осуществлению медицинской деятельности, с другой — ее жесткой регламентацией. Анализ данных Росстата за 2005—2016 гг. свидетельствует о стабильном приросте объема платных медицинских услуг, в том числе объема услуг медицинского массажа, на душу населения [18, с. 46—47].

© Сунгурова Е. Д., 2020
Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 16 – 23.

Отдельные же субъекты, оказывающие медицинские услуги, не только не ставят во главу угла жизнь и здоровье пациентов, но и стараются извлечь максимальную прибыль и минимизировать свои расходы на осуществление предпринимательской деятельности, пренебрегают требованиями нормативных актов, регулирующих вопросы профессиональной подготовки медицинских работников, выполнения санитарно-эпидемиологических правил, лицензирования медицинской деятельности и т. п.

Чаще всего требования законодательства нарушаются при оказании услуг медицинского массажа, под которым понимается немедикаментозный метод профилактики в целях сохранения и укрепления здоровья. Следует отметить, что медицинский массаж входит в нормативный Перечень работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность [6] (далее — Перечень), а, следовательно, является профессиональной деятельностью по оказанию медицинской помощи. Среди нарушений, допускаемых услугодателями, лидирующую позицию занимает оказание соответствующих услуг при отсутствии соответствующего медицинского образования и (или) лицензии на осуществление медицинской деятельности.

Указанные нарушения являются основанием для привлечения виновного к ответственности, в том числе и уголовной, если в действиях лица содержатся признаки состава преступления. В действующем уголовном законодательстве предусмотрен ряд составов преступлений, определяющих безопасность здоровья населения (в том числе и при оказании медицинских услуг) в качестве непосредственно объекта уголовно-правовой охраны. К ним, в частности, можно отнести деяния, предусмотренные ст. 235, 236 и 238 Уголовного кодекса РФ [20] (далее — УК РФ). При этом возможность уголовного преследования напрямую зависит от «причинения вреда здоровью человека» (ст. 235 УК РФ), выявления фактов «массового заболевания или отравления людей» (ст. 236 УК РФ), «оказания услуг, не отвечающих безопасности жизни и здоровью потребителей» (ст. 238 УК РФ).

Так или иначе, государство относит медицинский массаж к тем видам деятельности, осуществление которых может привести к причинению вреда жизни и здоровью, и обеспечение контроля за данным видом деятельности посредством определенных требований не должно осуществляться иным способом, кроме как лицензирование [7] (далее — Федеральный закон о лицензировании). Как отмечалось выше, медицинский массаж поименован в Перечне, и на него в полной мере распространяются требования Федерального закона о лицензировании и иных подзаконных актов в данной сфере.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что данная деятельность подлежит лицензированию не всегда, а только в том случае, когда эти услуги предоставляются при оказании первичной доврачебной медико-санитарной помощи в амбулаторных условиях, специализированной медицинской помощи в условиях стационара, в том числе дневного, паллиативной медицинской помощи в амбулаторных условиях, медицинской помощи при санаторно-курортном лечении [16].

В связи с этим действующее законодательство предъявляет требования к оснащению кабинета для проведения медицинского массажа и уровню квалификации специалистов, оказывающих данную медицинскую услугу [12] (далее — приказ №381н). Их соблюдение является необходимым условием как для получения лицензии на занятие соответствующим видом медицинской деятельности, так и для последующего ее осуществления.

Остановимся более подробно на данных требованиях. Так, на должность среднего медицинского персонала кабинета для проведения медицинского массажа назначаются специалисты со средним профессиональным образованием по одной из специальностей: «Лечебное дело», «Акушерское дело», «Сестринское дело» и получившие дополнительное профессиональное образование по специальности «Медицинский массаж». Лица с ограниченными возможностями здоровья допускаются к осуществлению медицинской деятельности при наличии среднего профессионального образования по специальности «Медицинский массаж» [10] (далее — приказ №83н). В то же время приказ №381н в отличие от приказа №83н допускает к оказанию медицинской деятельности в области массажа лиц, имеющих дополнительное профессиональное образование по специальности «Сестринское дело в косметологии».

В свою очередь, Министерством труда и социальной защиты России разработан профессиональный стандарт «Специалист по медицинскому массажу» [14] (далее — профессиональный стандарт). При изучении данного документы мы увидим иные требования к уровню квалификации специалистов. Так, до осуществления данной медицинской деятельности могут быть допущены лица с ограниченными возможностями здоровья при наличии среднего профессионального образования по специальности «Медицинский массаж» и лица, имеющие среднее профессиональное образование по специальности «Сестринское дело», «Лечебное дело», «Акушерское дело» и дополнительное профессиональное образование по специальности «Медицинский массаж». В соответствии с данным документом лица, имеющие высшее образование — специалитет по специальности «Лечебное дело» или «Педиатрия» и дополнительное профессиональное образование по специальности «Медицинский массаж», также могут быть допущены до оказания услуг медицинского массажа. Несмотря на то что мы видим разные требования к уровню образования и базовым направлениям подготовки, во всех случаях допускаются к осуществлению данной деятельности исключительно лица, имеющие медицинское образование.

Заметим, что профессиональный стандарт предъявляет дополнительные требования для допуска к работе, о которых ранее не упоминалось в нормативных правовых актах: это наличие сертификата специалиста по специальности «Медицинский массаж» и (или) свидетельства об аккредитации специалиста по специальности «Медицинский массаж», прохождение обязательных предварительных, периодических и внеочередных медицинских осмотров (обследований), отсутствие ограничений на занятие профессиональной деятельностью, установленных законодательством Российской Федерации.

Что касается стандарта оснащения кабинета массажа, то он также определен приказом №381н. Среди прочего кабинет в обязательном порядке должен быть оборудован медицинской мебелью и массажным столом.

Подводя итоги изучения вопроса о лицензионных требованиях к оказанию услуг медицинского массажа, отметим, что эти требования в своей основе разумны и направлены на обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан при их оказании.

Заслуживает внимания и еще один аспект вопроса. Согласно приказу №381н услуги по медицинскому массажу включают в себя медицинский массаж лица, шеи и области декольте ручной; медицинский массаж тела ручной; криомассаж, ручной массаж кожи волосистой части головы; массаж вакуумный; механотерапия (массаж автоматизированный); медицинский лимфодренажный массаж. Однако, с точки зрения действующего законодательства, массаж может рассматриваться не только как медицинская услуга, но может относиться и к бытовой косметической услуге, оказываемой населению. При этом нормативные правовые акты не прямо раскрывают основания квалификации данной услуги как медицинской или бытовой.

В этом контексте необходимо упомянуть приказ Минздрава России от 13.10.2017 №804н «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг» [11], пункт 3 которого устанавливает, что перечень медицинских услуг разделен на два раздела: «А» и «В». Деление медицинских услуг на разделы обусловлено необходимостью систематизации услуг по количественному признаку: определенный вид медицинского вмешательства или их комплекс. Для настоящего исследования интерес представляет раздел под литерой «А», выделяющий тип медицинской услуги 21: услуги по лечению с помощью простых физических воздействий на пациента, в том числе массаж.

Данные услуги имеют соответствующие индивидуальные коды. Например, А21.01.001 Общий массаж медицинский, А21.01.002 Массаж лица медицинский, А21.01.003.001 Массаж воротниковой области, А21.01.006 Пилинг-массаж, А21.01.007 Вакуумный массаж кожи, А21.30.002 Общий массаж и гимнастика у детей раннего возраста и т.д. Таким образом, осуществление вышеуказанных процедур рассматривается как медицинская услуга даже в том случае, когда в названии услуги отсутствует слово «медицинский».

Далее обратим внимание на ГОСТ Р 55321-2012 [2] и ГОСТ Р 55317-2012 [1], устанавливающие характеристики и требования к оказанию услуг по СПА-массажу. ГОСТ Р 55317-2012 приводит различные виды массажа от СПА до аюрведического с оговоркой о том, что такой массаж проводится здоровым людям и в целом нацелен на коррекцию фигуры, укрепление здоровья, коррекцию психоэмоционального состояния человека. Специфика данного акта состоит в том, что он распространяет свое действие на юридические лица и предпринимателей, которые оказывают данные услуги в СПА-салонах, СПА-центрах в отелях, клубных СПА, круизных СПА, то есть в местах, не имеющих отношения к медицине.

Кроме того, профессиональный стандарт специалиста по предоставлению бытовых косметических услуг [13] позволяет выполнять косметический массаж лица, шеи и зоны декольте, тела либо его отдельных частей, в том числе аппаратный. При этом к такому специалисту не предъявляются никакие требования относительно наличия специального медицинского образования, а также отсутствуют ограничения на занятие профессиональной деятельностью, установленные действующим законодательством (например, ст. 351.1 Трудового кодекса РФ [19]).

Изложенное актуализирует вопрос о критериях разграничения массажа как медицинской услуги, направленной на профилактику заболеваний и применяемой с целью сохранения и укрепления здоровья (ст. 2 федерального закона №323-ФЗ), и массаж как бытовая услуга.

Такой подход законодателя в регулировании данной сферы услуг (деление услуг массажа на медицинский и косметический) вызывает удивление, ведь объектом воздействия в обоих случаях является человек, его жизнь и здоровье. Налицо конкуренция отдельных положений нормативных правовых актов одного уровня. Это вызывает сложности в их применении и последующей квалификации тех отношений, которые возникают при оказании услуг ненадлежащего качества, в том числе в случае причинения вреда жизни и здоровью гражданина, создает неверные представления у потребителей данной услуги о ее безопасности. Очевидно, в такой ситуации — до внесения соответствующих изменений в нормативные правовые акты — должны бы применяться положения федерального закона №323 и подзаконные акты как наиболее удовлетворяющие интересам получателей данной услуги. Данное обстоятельство позволит применять специальную норму — ст. 235 УК РФ — в случае причинения вреда здоровью человека.

Необходимо коснуться еще одного аспекта вопроса, связанного с оказанием услуг медицинского массажа, — несоблюдения санитарно-эпидемиологических требований [15] (далее — СанПиН 2.1.3.2630-10). СанПиН 2.1.3.2630-10 устанавливает требования к площади, составу и функциональному назначению помещений медицинской организации с целью создания не только оптимальных условий проведения лечебного, диагностического и профилактического процесса, обеспечения безопасности труда медицинского и вспомогательного персонала, обеспечения безопасности пациентов и третьих лиц при оказании медицинских услуг, но и комфортного пребывания пациентов и сопровождающих их граждан. Так, п. 2.6 СанПиНа 2.1.3.2630-10 допускает размещение амбулаторно-поликлинические медицинские организации в жилых и общественных зданиях только при наличии отдельного входа и при наличии не более 100 посещений в смену. Нередко можно встретить объявления в социальных сетях и на наружной рекламе о том, что услуги массажа оказываются в домашних условиях как у пациента, так и у лица, предоставляющего данную услугу. С экономической точки зрения такие предложения выглядят крайне привлекательно, так как стоимость этих услуг всегда ниже. Это обусловлено тем, что лицо, оказывающее услугу массажа, не несет дополнительных расходов на аренду

либо содержание помещения, не проводит производственный контроль соблюдения требований санитарных норм и правил при проведении дезинфекционных и стерилизационных мероприятий, на оплату сопутствующих расходов при оказании услуг. С другой стороны, повышается риск заражения инфекционными и вирусными заболеваниями с контактным или воздушно-капельным механизмом передачи. В число таких опасных заболеваний могут входить вирусные гепатиты В и С, чесотка, грибковые инфекции, туберкулез и т.д.

Актуальность указанного положения повышается в период распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Российской Федерации. На территории отдельных субъектов введены режимы повышенной готовности в соответствии с федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [5]. В частности, на территории Архангельской области такой режим объявлен указом губернатора от 17.03.2020 г. №28-у [4] (далее — указ губернатора №28-у). В силу абз. ж пп. 2 п. 5 данного указа губернатора №28-у приостановлена деятельность массажных салонов с 28 марта по 30 апреля 2020 г. (код по общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД2): 86.90.2). Показательно, что данный код вида экономической деятельности является подгруппой общего класса «Деятельность в области медицины прочая» [17]. Это свидетельствует о том, что законодатель сам до конца не определил критерии отнесения услуги к бытовой и (или) медицинской, что свидетельствует о дефектах юридической техники.

Указанные недостатки затрудняют установление признаков состава в случаях причинения вреда жизни и здоровью гражданина и общественным интересам. Пункт 5 постановления Пленума Верховного суда РФ от 18.11.2004 г. №23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» предписывает квалифицировать действия лица, занимающегося частной медицинской практикой без соответствующего специального разрешения (лицензии), если они повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью или смерть человека, по соответствующей части ст. 235 УК РФ [8]. Если же незаконная предпринимательская деятельность была связана с оказанием услуг, не отвечающим требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 171 и ст. 238 УК РФ.

По нашему мнению, уточнение нормативной правовой базы в части закрепления понятийного аппарата, выработки признаков бытовой и медицинской услуги массажа (при необходимости такого деления), не только сориентировало правоприменителя в части определения объективных и субъективных признаков соответствующих преступных деяний, но и обеспечило бы реализацию права граждан на квалифицированную медицинскую помощь. В зависимости от уровня криминализации той или иной деятельности выстраиваются функции контролирующих и иных органов, участвующих в борьбе с преступностью, вырабатываются профилактические и воспитательные меры воздей-

ствия на население и представителей предпринимательского сообщества. Высокая латентность криминальных ятрогений, отсутствие четкой нормативной правовой базы, корпоративная солидарность медицинских работников затрудняют не только выявление и пресечение преступной деятельности лиц в рассматриваемой сфере, но и не позволяют в полной мере проводить мероприятия по правовому информированию и просвещению населения как потенциальных потребителей медицинских услуг.

Список литературы

1. *ГОСТ* Р 55317-2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги населению. СПА-услуги. Термины и определения : приказ Росстандарта от 29.11.2012 г. №1597-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *ГОСТ* Р 55321-2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги населению. СПА-услуги. Общие требования : приказ Росстандарта от 29.11.2012 г. №1605-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Конституция* Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Собр. законодательства РФ. 2014. №31. Ст. 4398.

4. *О введении* на территории Архангельской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Архангельской территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и мерах по противодействию распространению на территории Архангельской области новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) : указ Губернатора Архангельской области от 17.03.2020 г. №28-у. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *О защите* населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федер. закон от 21.12.1994 г. №68-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *О лицензировании* медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») : постановление Правительства Российской Федерации от 16.04.2012 г. №291 // Собр. законодательства РФ. 2012. №17. Ст. 1965.

7. *О лицензировании* отдельных видов деятельности : федер. закон от 04.05.2011 г. №99-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. №19. Ст. 2716.

8. *О судебной* практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 г. №23 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2005. №1.

9. *Об основах* охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 г. №323-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. №48. Ст. 6724.

10. *Об утверждении* Квалификационных требований к медицинским и фармацевтическим работникам со средним медицинским и фармацевтическим образованием : приказ Минздрава России от 10.02.2016 г. №83н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.03.2016).

11. *Об утверждении* номенклатуры медицинских услуг : приказ Минздрава России от 13.10.2017 г. №804н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 08.11.2017).

12. *Об утверждении* Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология» : приказ Минздравсоцразвития России от 18.04.2012 г. №381н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. №38.

13. *Об утверждении* профессионального стандарта «Специалист по предоставлению бытовых косметических услуг» : приказ Минтруда России от 22.12.2014 г. №1069н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.02.2015).

14. *Об утверждении* профессионального стандарта по медицинскому массажу : приказ Минтруда России от 26.11.2018 г. №744н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 12.12.2018).

15. *Об утверждении* СанПиН 2.1.3.2630-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям, осуществляющим медицинскую деятельность» : постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18.05.2010 г. №58 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. №36.

16. *Об утверждении* Требований к организации и выполнению работ (услуг) при оказании первичной медико-санитарной, специализированной (в том числе высокотехнологичной), скорой (в том числе скорой специализированной), паллиативной медицинской помощи, оказании медицинской помощи при санаторно-курортном лечении, при проведении медицинских экспертиз, медицинских осмотров, медицинских освидетельствований и санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий в рамках оказания медицинской помощи, при трансплантации (пересадке) органов и (или) тканей, обращении донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях : приказ Минздрава России от 11.03.2013 г. №121н // Российская газета. 2013. №101.

17. *О принятии* и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008) : приказ Росстандарта от 31.01.2014 г. №14-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. *Платное* обслуживание населения в России. 2017 : стат. сб. М., 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/plat17.pdf (дата обращения: 17.05.2019).

19. *Трудовой* кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2001 г. №197-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. №1 (ч. 1). Ст. 3.

20. *Уголовный* кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

Об авторе

Екатерина Дмитриевна Сунгурова — ст. преп., Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

E-mail: gavrilyuked@mail.ru

The author

Ekaterina D. Sungurova, Senior Lecturer, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia.

E-mail: gavrilyuked@mail.ru

УДК 332.1

В. В. Горочная

ИННОВАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА КАК КОГЕРЕНТНОСТЬ МУЛЬТИЦИКЛИЧЕСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ИДЕАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Отражены результаты построения идеальной модели синхронизации субциклов регионального экономического воспроизводства. Достижение когерентности через механизмы самоорганизации и саморегуляции рассматривается как средство преодоления геоэкономической нестабильности. Исследование фазовой сопряженности информационно-инновационного субцикла с производственно-инвестиционным, организационным и динамикой человеческого капитала на основе логического имитационного моделирования выполнено с целью выявления условий их наибольшей когерентности и действия саморегулятивных механизмов, призванных усилить циклическую динамику регионального воспроизводства и достичь наибольшей резистентности в отношении внешних колебаний.

В рамках построения модели также предложена гипотеза о передаче динамики циклов Китчина от инновационно-технологической сферы соответственно к другим субсистемам регионального воспроизводства. Тем самым кризисы, подверженные регулярной закономерности, объясняются периодическим нарушением когерентности субциклов меньшей длины (с учетом фазового сдвига), что аналогично эффекту биения в распространении волновых явлений в естественных средах. То же явление становится фактором уязвимости региональной системы по отношению к иррегулярно возникающим и турбулентно развертывающимся импульсам внешней среды.

Теоретическая модель и гипотеза верифицированы на эмпирическом материале по западным порубежным регионам России как наиболее уязвимой зоны в современных геотурбулентных условиях. Проведен анализ фазовой сопряженности в долгосрочной перспективе (2000 – 2018) показателей доли инновационного продукта в ВРП (характеризующего инновационный субцикл) и отношения инвестиций к ВРП (характеризующего инвестиционно-производственный субцикл). Полученные результаты позволили осуществить типологизацию западных порубежных регионов по уровню экономической безопасности в ее циклическом аспекте.

The article reflects the results of constructing an ideal synchronization model of regional economic reproduction subcycles. Achieving coherence through the mechanisms of self-organization and self-regulation is viewed to be the means of overcoming geo-economic instability. The study models the phase conjugation of information and innovation subcycle with the production and investment one, organizational one and human capital dynamics.

© Горочная В. В., 2020
Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта.
Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 24 – 36.

Based on logical imitation modeling, the research identifies the conditions of their highest coherence and self-regulation as the mechanisms to strengthen the cyclical dynamics of regional reproduction and achieve the stronger resistance to external fluctuations.

Within the model construction the research also proposes the hypothesis about the transfer of the Kitchin cycles' dynamics from the innovation and technological sphere, respectively, to other subsystems of regional reproduction. Thus, regular crises are explained by a periodic violation of the coherence between subcycles of shorter length (taking into account their phase shift), which is analogous to the acoustic beat effect in the propagation of wave phenomena in natural environments. The same phenomenon becomes a factor of vulnerability of the regional system in relation to irregularly occurring and turbulently developing impulses of the external environment.

The theoretical model and hypothesis are verified on the basis of empirical data on the Western border regions of Russia as the most vulnerable zone in modern geo-turbulent conditions. The study provides the long term (2000–2018) analysis of the phase conjugacy of the innovative product share in GRP (characterizing the innovation subcycle) and the ratio of investment to GRP (characterizing the investment and production subcycle). The results obtained made it possible to typologize the Western border regions according to the level of economic security in its cyclical aspect.

Ключевые слова: экономическая безопасность, инновационная безопасность, региональное воспроизводство, экономические циклы, самоорганизация, саморегуляция, геоэкономическая турбулентность, Западное порубежье России.

Keywords: economic security, innovation security, regional reproduction, economic cycles, self-organizing, self-regulation, geo-economic turbulence, Russian Western-border regions.

Введение

Изучение способов и механизмов противодействия теорриториально-экономических систем вызовам геоэкономической турбулентности непосредственно связано с самой природой геотурбулентной динамики. Возникая вследствие внешнего импульса либо препятствий на пути финансовых, товарно-ресурсных, кадровых и информационных потоков, а также распространяясь, усиливаясь и поддерживаясь благодаря действию самоорганизующихся автокаталитических механизмов, турбулентность в экономике имеет как пространственные, так и динамические, фазовые характеристики, формирующие ее регулярный аттрактор [8]. Соответственно, и противодействие турбулентному эффекту на региональном уровне более результативно в том случае, когда учитывает данные особенности и направлено на формирование собственного сильного воспроизводственного цикла, благодаря сопряженности звеньев не обнаруживающего большой чувствительности и критической зависимости от внешних колебаний.

Большое значение для поддержания конкурентоспособности региональной экономики имеет ее инновационно-технологическая подсистема. Следовательно, и в структуре региональной экономической безопасности инновационная безопасность является компонентой, значение которой постоянно усиливается в условиях интенсификации тер-

риториальной конкуренции. Однако изучение проблем инновационной безопасности как таковой при этом должно учитывать характер и направление связи с другими подсистемами социально-экономического пространства региона. Целью данного исследования является построение идеальной модели мультициклической самоорганизации регионального воспроизводства, отражающей такое ее состояние, при котором достигается максимальная внутренняя когерентность инновационного развития с другими подсистемами, способствующая резистентности в отношении внешних турбулентных процессов. Также исследование направлено на верификацию полученной модели на эмпирическом материале регионов Западного порубежья России с выявлением степени соответствия и отклонения реальной ситуации от идеальной модели.

Теоретические предпосылки и методология исследования

Наличие «циклического измерения» в системе экономической безопасности региона [4], и в особенности важной для нее инновационной компоненты, позволили сформировать динамический подход к оценке и мониторингу уязвимости регионального воспроизводства [7], концептуально-методические положения которого могут быть применены и к выстраиванию защиты региональной экономики от геотурбулентных потрясений.

Будучи по своей природе осцилляторным явлением с автоколебательным механизмом, геоэкономическая турбулентность суперпозиционно накладывается на циклические колебания регионального воспроизводства. Соответственно, ее воздействие будет тем меньше, чем выше уровень внутреннего резонанса между составляющими воспроизводственными субциклами, что, в свою очередь, ставит задачу поиска путей достижения их когерентности.

В целом, проблема синхронизации экономических циклов все более обращает на себя внимание в современном научном дискурсе [14; 18], однако рассматривается преимущественно в ракурсе бизнес-циклов деловой активности, а также в аспекте взаимного соответствия динамики спроса и предложения как условия противодействия циклическим кризисным явлениям. Наиболее часто феномен синхронизации экономических циклов рассматривается в глобальном и международном измерениях, в особенности в Еврозоне, где данное явление периодически проявляет себя ярко [16; 20; 27], в том числе вследствие действия кластерных механизмов [28]. Тем не менее фиксируется и внутринациональная синхронизация, носящая межрегиональный и межотраслевой характер, в первую очередь в практике Китая [19], США [25] и других крупных мировых экономик. Фиксирована существенная роль финансовой и валютной составляющей в синхронизации бизнес-циклов между собой, равно как и фазовая когерентность производственно-инвестиционного и финансового циклов, периодически нарушаемая в кризисных ситуациях [17], наряду с ЕС данное явление изучено в Турции [13; 21]. Однако наравне с наиболее очевидной фазовой взаимоза-

висимостью производственных циклов с финансовыми и торговыми [22] в зарубежной практике исследованию подвергались и циклы доверия в экономической среде [17], и миграционные колебания [15].

Применительно же к целостной и взаимообусловленной динамике воспроизводства территориальных социально-экономических систем в России в центре исследований оказывались не только собственно колебания уровня деловой активности, но и социальный цикл [1], и динамика информационного метаболизма [2; 6] и инновационного развития [3], обеспечивающего стратегическую конкурентоспособность и служащего одним из связующих звеньев в процессе взаимодействия экономики, природы и общества. Разработанная и выстроенная относительно инновационного процесса концептуально-методологическая схема мультициклического взаимодействия, служащая целям обеспечения инновационной безопасности региона [5], может быть расширена и выстроена относительно целостного обеспечения экономической безопасности. В данной работе рассмотрим возможности мультициклической синхронизации применительно к обеспечению экономической безопасности западных порубежных регионов России, служащих стратегически важными «коридорами взаимодействия» с внешней средой для всей национальной экономической системы [9; 12] и при этом испытывающих на себе вызовы геоэкономической турбулентности в системе «Россия — Запад» [10], усиливающейся в условиях пандемии.

Для реализации поставленной цели осуществим логическое имитационное моделирование регионального воспроизводства, показывающее циклическое фазовое взаимодействие его основных компонент. Для верификации полученной модели и соответствующей ей гипотезы проведем статистическое наблюдение и сравнительный экономико-статистический анализ динамических рядов доступных данных официальной российской статистики [11], характеризующих соответствующие компонентные субциклы регионального воспроизводства. В качестве таковых используем индикаторы доли инновационного продукта в ВРП, а также отношения инвестиций к ВРП. Динамика индикаторов была прослежена и подвергнута аналитике по всем регионам Западного порубежья России (как наиболее чувствительных в отношении геотурбулентных колебаний в системе «Россия — Запад») за период 2000—2018 гг., что позволяет выявить долгосрочные тренды, а также сложившиеся особенности осцилляторной динамики каждого региона, равно как и фазовые сдвиги, произошедшие с началом турбулентного периода.

Результаты моделирования

Основываясь на трехфазной модели цикла самоорганизации (инициальный импульс — нелинейная динамика — ограничения роста) и принимая во внимание 4 основных взаимно катализирующих и взаимно регулирующих цикла (производственно-инвестиционный, инфор-

мационно-инновационный, организационный и динамика человеческого капитала (ЧК) как в кадровом, так и социокультурном отношении), составим концептуальную схему мультициклической сопряженности, предусмотрев направления механизмов саморегуляции (табл. 1).

Таблица 1

Модель мультициклической зависимости субциклов регионального воспроизводства

Цикл	Фаза цикла		
	Разность потенциалов	Нелинейная динамика	Ограничения
Производственно-инвестиционный	1.1. Рыночная рентабельность. Регулируется повышением возможностей межорганизационной кооперации (3.2). Регулирует возможный масштаб экстерналий (2.3)	1.2. Инвестиционный мультипликатор. Регулируется качеством межорганизационных связей (3.3). Регулирует сопутствующую генерацию инноваций и информационных потоков (2.1)	1.3. Емкость рынка. Регулируется качеством спроса в социальном (B2C) и организационном (B2B) секторах (3.1). Регулирует потребность в интенсификации информационных процессов и диффузии инноваций (2.2)
Информационно-инновационный	2.1. Интенсификация информационных потоков; генерация инноваций. Регулируется динамикой спроса и кадров (4.2). Регулирует уровень конкурентного давления (3.3)	2.2. Качественный взаимопереход явного и неявного знания; диффузия инноваций. Регулируется социокультурными рисками (4.3). Регулирует возможности для изменения межорганизационных связей (3.1)	2.3. Экстерналии инновационного процесса и информационного обмена. Регулируется изначальным качеством спроса и кадров (4.1). Регулирует нелинейную динамику деловой среды (3.2)
Организационный	3.1. Изменение межорганизационных связей. Регулируется инвестиционным процессом (1.2). Регулирует уровень возможных социокультурных и кадровых рисков (4.3)	3.2. Рост организационной массы; кластеризация. Регулируется емкостью рынка (1.3). Регулирует качественно и количественно кадровую потребность (4.1)	3.3. Уровень рыночного конкурентного давления. Регулируется рыночной рентабельностью (1.1). Регулирует повышение качества кадров и интенсификацию работы со спросом (4.2)
Динамика ЧК	4.1. Потребность и интерес со стороны спроса; кадровая потребность предприятий. Регулируется нелинейной динамикой информационного цикла (2.2). Регулирует емкость рынка (1.3)	4.2. Повышение качества спроса и кадрового обеспечения. Регулируется экстерналиями информационного обмена (2.3). Регулирует рыночную рентабельность (1.1)	4.3. Социокультурные риски. Регулируются качеством инноваций, информационных потоков и каналов (2.1). Регулируют эффективность инвестиционной деятельности и величину мультициклического эффекта (1.2)

На основе выявленных взаимосвязей путем логического имитационного моделирования была получена идеальная модель фазовой синхронизации циклов, при которой достигается максимальная саморегуляция регионального воспроизводства (рис. 1).

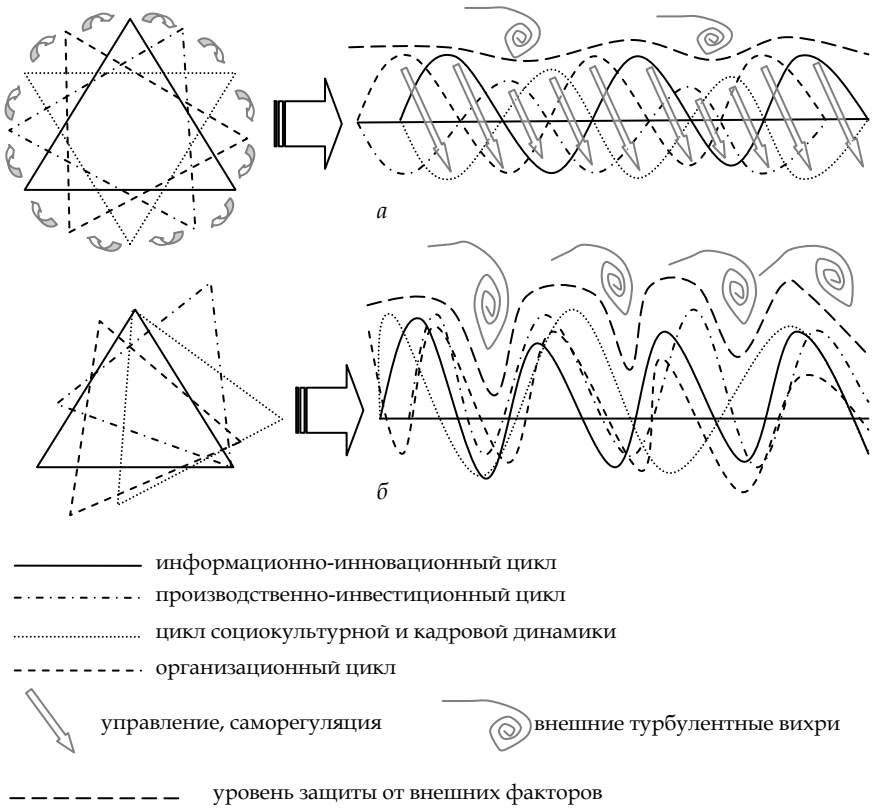


Рис. 1. Состояния регионального воспроизводственного цикла:
а — когерентно выстроенный с учетом фазовой саморегуляции;
б — несбалансированный, подверженный внешним угрозам

Разработано автором на основе [5].

Для обеспечения максимальной когерентности каждой из фаз с сопутствующими регулирующими и регулируемыми фазами инициальный запуск циклов должен происходить в следующей замкнутой последовательности: кадровый и социокультурный — производственно-инвестиционный — информационно-инновационный — организационный — кадровый и социокультурный. При соблюдении последовательности объединяющий их цикл воспроизводства может начаться со сдвига начальных условий в любом из субциклов, с дальнейшим запуском остальных. Соответственно, и результат для регионального воспроизводства будет отличаться (поскольку самоорганизующийся процесс зависит от начальных условий), однако когерентность будет достигнута.

Представленная модель позволяет поставить гипотезу о существовании циклов, аналогичных циклу Китчина [24], одновременно в разных субсистемах, составляющих региональное воспроизводство. При этом жизнеспособность социально-экономической системы региона, ее «иммунитет» по отношению к внешним потрясениям, зависит от фазового и амплитудного соответствия таковых циклов друг другу, позволяющего саморегуляторно запускать один цикл благодаря положительной либо отрицательной динамике другого (в качестве сопутствующего, либо компенсирующего соответственно). В данном отношении циклы Китчина оказываются лишь частным случаем выявления таковой динамики, задаваемой ритмикой технологического обновления. В представленной же более полной модели прослеживается их дальнейшее распространение в сферу динамики организационной массы и человеческого капитала, обеспечивающих, в свою очередь, новую потребность в инновационном развитии и запускающих новый информационно-технологический цикл. В силу естественных причин и собственных факторов лаговой инерции (в особенности институциональной), каждый из субциклов подвержен большим или меньшим отклонениям, нарушающим сложившуюся мультициклическую ритмику. В том случае, если подобные отклонения не выходят за пределы действия саморегуляторных механизмов между субциклами, происходит постепенная автокорректировка. В том же случае когда действие институциональных барьеров либо генетическая инерция ранее «сбившегося» цикла оказывается сильнее, каждый из субциклов в большей мере подвержен воздействию внешней динамики, активно вовлекается в нее, что ведет к дальнейшим нарушениям, воспроизводящимся во времени.

Таким образом, ключевыми задачами для верификации поставленной гипотизы путем эмпирического анализа являются: фиксация наличия и амплитудности соответствующих субциклов, выявление их «длины волны» по различным субциклам и условий достижения фазового резонанса между ними.

Результаты эмпирической верификации

В отношении информационного метаболизма и инновационного воспроизводства в большинстве западных порубежных регионов России (за исключением северных регионов, наименее вовлеченных в процессы генерации и диффузии инноваций) по показателям доли инновационного продукта в ВРП за период 2000—2018 гг. [11] с большими или меньшими отклонениями наблюдается устойчивая динамика 2—4-летних колебаний, задаваемая ритмикой циклов Китчина [5]. Однако не во всех регионах (даже с учетом лаговых эффектов разработки, патентования, непосредственного внедрения инноваций) фиксируется непосредственная взаимосвязь между самими стадиями инновационного процесса, что делает более уязвимыми к внешней турбулентной динамике регионы Северо-Запада [7].

Развитие инвестиционного и организационного циклов (отслеживаемых за тот же период через показатели отношения инвестиций к ВРП с учетом динамики численности малых и средних предприятий [11]) обнаруживает аналогичную по длине волны осцилляторную ди-

намику, на отклонения от которой повлияли такие факторы, как экономический кризис 2009 г., реализация масштабных государственных инвестиционных проектов в северных регионах, а также конкуренция за инвестиционные потоки, квалифицированные кадры и возможности регистрации и дислокации предприятий между южными регионами (в особенности Ростовской областью и Краснодарским краем, что способствовало противофазе их динамики вне зависимости от сокращения и «растяжения» длины цикла).

Углубленный анализ регионов на предмет синхронизации инновационного и производственно-инвестиционного циклов выявил наличие устойчивой в более чем пятнадцатилетнем периоде синхронизации как с соответствующим фазовым сдвигом (примерно в четверть цикла, что составляет 1—1,5 года), что полностью соответствует теоретической модели, так и без него, но с присутствием устойчивой «симметрии» трендов исследуемых индикаторов. Таким образом, при всей «умозрительности» созданной модели, во многих регионах ее «геометрия» явственно прослеживается. К таковым регионам в особенности относится Брянская область, где можно заметить «симметрию» трендов без фазового сдвига, нарушенную после 2015 г. (что может быть следствием соответствующей геотурбулентной динамики) (рис. 2).

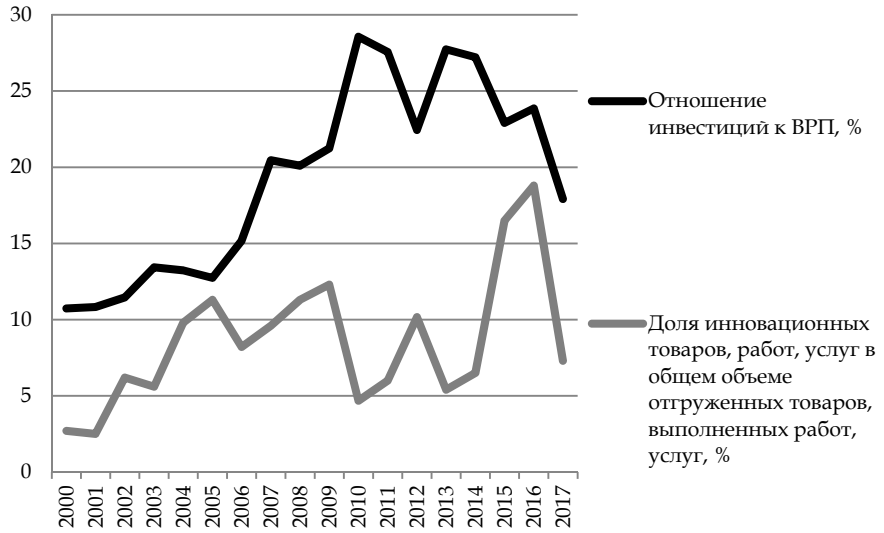


Рис. 2. Осцилляторная ритмика Брянской области

Составлено автором на основе [11].

Аналогичная симметрия, но с наличием соответствующего модели фазового лага наиболее выражена в Ростовской области в долгосрочном периоде, что говорит об устойчивости региона, в том числе за счет инерционной сопряженности субциклов (рис. 3).

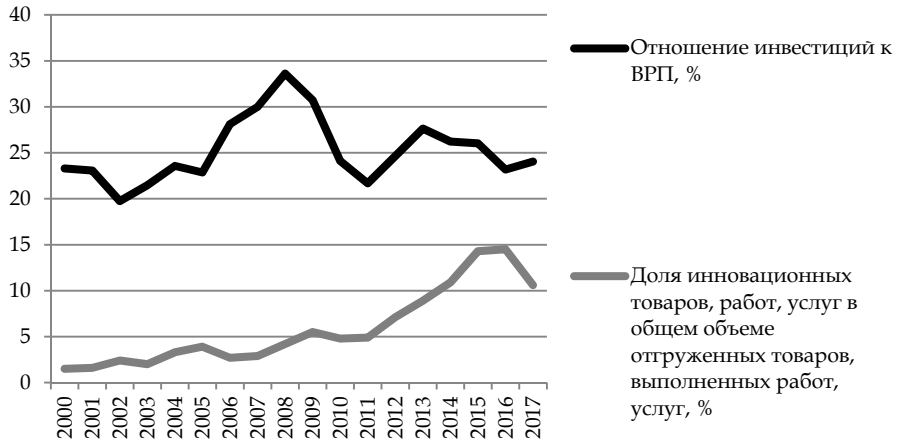


Рис. 3. Осцилляторная ритмика Ростовской области

Составлено автором на основе: [11].

Также в долгосрочном периоде были выявлены различающиеся по группам регионов отклонения от данной модели как в направлении обретения «здоровой» лаговой ритмики, так и в направлении безлаговой фазовой и противофазовой синхронности. Ряд регионов показал и крайне нестабильную динамику, в том числе переход к независимости показателей. Проведем соответствующую классификацию регионов соответственно уровню экономической безопасности (в убывающем порядке), которую маркируют соответствующие фазовые сдвиги, выделив 4 основных уровня угроз на основе циклического измерения экономической безопасности (табл. 2).

Таблица 2

Иерархия регионов Западного порубежья России по уровню циклической экономической безопасности

Уровень 1	Регионы, сохраняющие устойчивую фазовую лаговую синхронность: Ростовская область	Регионы, обретающие фазовую лаговую синхронность: Воронежская область; Белгородская область
Уровень 2	Регионы, обретающие фазовую лаговую синхронность, но склонные к независимости субциклов: Архангельская область; Республика Карелия	Регионы, обретающие фазовую лаговую синхронность, но склонные к противофазе субциклов: Смоленская область; Краснодарский край
Уровень 3	Регионы, обретающие синхронность субциклов без фазового лага: Курская область; Псковская область	Регионы, обретающие синхронность субциклов без фазового лага и периодически склонные к противофазе: Брянская область; Санкт-Петербург
Уровень 4	Регионы, утрачивающие внутреннюю связность субциклов: Калининградская область	Регионы с наиболее нестабильной зависимостью субциклов: Ленинградская область; Мурманская область

Дискуссия

Представленные в исследовании модель и методика новы и нуждаются в дальнейшей апробации на эмпирическом материале, в том числе с учетом большего количества индикаторов, характеризующих каждый из субциклов регионального воспроизводства. Дискуссионным может считаться вопрос о том, являются ли фазовые сдвиги, происходящие в период турбулентного воздействия, «сбивкой» внутренней логики воспроизводственного цикла или они вызваны естественной его перестройкой под новые условия, проявлением адаптации региональной экономической системы к новым условиям. Выявление данного момента будет проведено в дальнейшей исследовательской практике, так как требует более длительного посттурбулентного периода в качестве объекта статистического наблюдения, способного маркировать факторы и механизмы возвращения регионального воспроизводства к прежней динамике либо формирования новых принципов мультициклической когерентности, отличных от предтурбулентного этапа.

Тем не менее выдвинутая и прошедшая первичную эмпирическую апробацию в данном исследовании гипотеза о наличии более общих закономерностей существования циклов Китчина и их взаимодействия, при котором инновационная компонента ведет за собой остальные с фазовым сдвигом, может иметь и другие следствия для теории экономического цикла, наряду с ее прикладным значением для мониторинга и обеспечения региональной безопасности. Одним из следствий выдвинутых теоретических положений является тот факт, что нарушение лаговой фазовой когерентности не только может происходить в период турбулентной разбалансировки, но и способно стать следствием внутренних механизмов, обусловливающих смещение и разность в длине волны между субциклами. Это означает, что классические циклы Жюгляра [23] могут быть объяснимы как волны более высокого порядка и низкой частоты, возникающие при периодическом наложении волн высокой частоты (субциклов с длиной волны Китчина) в фазе и противофазе. Данное явление имеет прямую аналогию с эффектом биения в акустике, когда близкие, но все же различающиеся по длине волны частоты накладываются, образуя увеличения и уменьшения амплитуды суммарного сигнала [26; 29; 30]. Выявленное и объяснимое с точки зрения теории распространения волновых явлений положение нуждается в дальнейшем изучении применительно к экономическим циклом, и может иметь прикладное применение в сфере обеспечения антикризисного управления, наряду с особыми случаями необходимости усиления резистентных свойств региональной экономической системы в турбулентных условиях.

Заключение

На основе проведенного исследования на примере двух из четырех рассматриваемых субциклов регионального воспроизводства была эмпирически подтверждена гипотеза о наличии устойчивых фазовых

взаимосвязей между ними, позволившая не только осуществить верификацию построенной идеальной модели мультициклической когерентности, но и провести соответствующую диагностику отклонений от нее. Отметим также, что основными факторами смены профиля мультициклической зависимости на протяжении рассматриваемого периода стали экономический кризис 2009 г. и начало периода геоэкономической турбулентности в 2014 г. Очевидный пространственный «перекос» уровня циклической безопасности в сторону юго-западных регионов отражает, с одной стороны, наличие в них достаточно мощных механизмов экономической самоорганизации и саморегуляции, действенность которых отчасти снижается в условиях межрегиональной конкуренции, о чем свидетельствует перекрестный анализ циклической динамики между регионами. С другой стороны, данная тенденция указывает на проблемы северо-западных регионов, глубоко интегрированных в международное разделение труда и потому более зависимых от внешних циклов. Подытоживая результаты исследования, отметим, что появление геоэкономической турбулентности в системе «Россия — Запад» после 2014 г. и ее усиление в глобальных масштабах в условиях пандемии приводят к разбалансировке социально-экономических циклов, обрывают преемственность их поступательной динамики, однако одновременно с этим образуются и возможности «перезапуска» циклов, в том числе с учетом их фазовой сопряженности. Данное положение означает необходимость поддержки инвестиционной и инновационной деятельности, кластерной самоорганизации и инвестиций в человеческий капитал примерно с однолетним временным интервалом, а также с учетом сложившейся динамики и потребностей отраслевого профиля каждого из регионов.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 19-010-01083 «Проблемы инновационной безопасности и механизмы кластерного экономического развития приграничных регионов Европейской части России».

Список литературы

1. *Базуева Е.В.* Социальный цикл как результат трансформации производственной структуры социально-экономической системы // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. 2018. №4. С. 27—35.

2. *Буторина О.В., Осипова М.Ю.* Информационный цикл как фактор прогрессивного развития инновационных, технологических и производственных процессов на современном этапе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. №4. С. 221—233.

3. *Буторина О.В., Третьякова Е.А.* Методика анализа информационно-инновационно-технологического цикла на уровне региональных экономических систем // Вестник Пензенского государственного университета. Сер.: Экономика. 2019. №2. С. 289—312.

4. *Горочная В.В., Дружинин А.Г.* Индикация экономической безопасности приграничного региона в условиях геоэкономической турбулентности (на примере Ростовской области) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. №1. С. 96—106.

5. *Горочная В.В.* Инновационная безопасность и кластеризация в динамике мультициклического регионального воспроизводства: декомпозиция, модель, специфика приграничных регионов // Экономические науки. 2019. №4. С. 200—214.

6. *Горочная В.В.* Информационный метаболизм и динамика инноваций Ростовской агломерации: роль приморского фактора и экономической кластеризации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки, 2019. №3. С. 20—37.

7. *Горочная В.В., Михайлов А.С., Михайлова А.А.* Инновационная безопасность приграничного региона: динамический подход к теоретической концептуализации, оценке и мониторингу // Вопросы инновационной экономики. 2020. №1. С. 291—306.

8. *Горочная В.В.* Турбулентность в геоэкономике: методический подход к моделированию воздействия на экономическую динамику порубежного региона // Экономика устойчивого развития. 2018. №4 (36). С. 136—142.

9. *Приморские* зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации : монография. М., 2018.

10. *Проблемы* экономической безопасности регионов Западного порубежья России / под ред. Г.М. Федорова. Калининград, 2019.

11. *Фёдоров Г.М., Зверев Ю.М.* О роли регионов Западного порубежья России в формировании трансграничных связей с сопредельными странами // Пространственная организация общества: теория, методология, практика : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С. 289—295.

12. *Akar C.* Analyzing the synchronization between the financial and business cycles in Turkey // Journal of Review on Global Economics. 2016. Vol. 5. P. 25—35.

13. *Allegret J.P., Essaadi E.* Business cycles synchronization in East Asian economy: Evidences from time-varying coherence study // Economic Modelling. 2011. №28 (1—2). P. 351—365.

14. *Beck K.* Migration and business cycles: testing the OCA theory predictions in the European Union // Applied Economics Letters. 2020. P. 1—5.

15. *Bierbaumer-Polly J., Huber P., Rozmahel P.* Regional business-cycle synchronization, sector specialization and EU accession // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2016. Vol. 54, №3. P. 544—568.

16. *Bilan Y., Brychko M.M., Buriak A.V., Vasylieva T.A.* Financial, business and trust cycles: the issues of synchronization. 2019.

17. *Bilgili F.* Business cycle co-movements between renewables consumption and industrial production: A continuous wavelet coherence approach. Renewable and sustainable energy reviews, 2015. №52. P. 325—332.

18. *Cheng H., Cen L., Wang Y., Li H.* Business cycle co-movements and transmission channels: evidence from China // Journal of the Asia Pacific Economy. 2020. Vol. 25, №2. P. 289—306.

19. *Duran H.E., Ferreira-Lopes A.* Determinants of co-movement and of lead and lag behavior of business cycles in the Eurozone // InternatIonal revIew of applIed economIcs. 2017. Vol. 31, №2. P. 255—282.

20. *Gökalp B.T.* Do the Business Cycles and Financial Cycles Move Together in Turkey? // Journal of Advances in Economics and Finance. 2018. Vol. 3, №2. P. 19—26.

21. *Jeon J.K.* Trade intensity and business cycle synchronization // Journal of Korea Trade. 2018. №22. P. 36—49.

22. *Juglar C.* Des Crises commerciales et leur retour periodique en France, en Angleterre, et aux Etats-Unis. P., 1862.

23. *Kitchin J.* Cycles and Trends in Economic Factors // Review of Economics and Statistics. 1923. Vol. 5, №1. P. 10—16.

24. *Leiva-Leon D.* Measuring Business Cycles Intra-Synchronization in US: A Regime-switching Interdependence Framework // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 2017. Vol. 79, №4. P. 513—545.

25. *Levitin D.* This is Your Brain on Music: The Science of a Human Obsession. Dutton Penguin, 2006.

26. *Matesanz D., Ortega G.J.* On business cycles synchronization in Europe: A note on network analysis // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2016. Vol. 462. P. 287—296.

27. *Papageorgiou T., Michaelides P.G., Milios J.G.* Business cycles synchronization and clustering in Europe (1960—2009) // Journal of Economics and Business. 2010. Vol. 62, №5. P. 419—470.

28. *Roberts G.E.* From Music to Mathematics: Exploring the Connections. Baltimore, 2016. P. 112.

29. *Winckel F.* Music, Sound and Sensation: A Modern Exposition. Dover, 1967. P. 134.

Об авторе

Василиса Валерьевна Горочная — канд. экон. наук, Южный федеральный университет; науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tunduk@hotmail.com

The author

Dr Vasilisa V. Gorochnaya, Southern Federal University; Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: tunduk@hotmail.com

УДК 332.1

Т. Ю. Кузнецова, В. В. Горочная, Н. Г. Ростовцев

ПРИМОРСКИЕ И ЗАПАДНЫЕ ПРИГРАНИЧНЫЕ ЦЕНТРЫ В СИСТЕМЕ КРУПНЫХ ГОРОДОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Отражены результаты исследования крупных российских городов (с численностью населения более 100 тыс. человек, а также городов меньшей численности, имеющих статус региональных столиц) с акцентом на две стратегически важные группы — приморские центры и города Западного порубежья России. На основе методов экономико-статистического анализа по 6 индикаторам (среднемесячная заработанная плата и среднедушевые показатели числа организаций и предприятий, оборота розничной торговли и общественного питания, ввода в действие жилых домов и числа публикаций в рецензируемых журналах, индексируемых в БД Scopus) подтверждена гипотеза о талассоаттрактивности социально-экономического и инновационного потенциала, опережающих темпах роста приморских центров. Одновременно установлена и высокая дифференциация внутри группы приморских городов, свидетельствующая о том, что установленные закономерности действительны лишь на общенациональном уровне. Существенная дифференциация и отставание по ряду показателей фиксированы в отношении группы городов Западного порубежья России, что опровергает гипотезу об их опережающем развитии вследствие реализации внешнего контактного потенциала (за исключением функции центров торговли, ведомой логистической транзитностью). Исследование дифференциации с использованием кластеризации по методу k-средних позволило идентифицировать 5 кластеров по всем крупным городам России, а также установить степень принадлежности приморских и западных приграничных городов к выявленным кластерам. По итогам исследования акцентируются проблемы повышения качества городской среды, удержания и привлечения человеческого капитала, необходимости переосмысления центро-периферийной структуры пространства современной России в ее проекции на приморскую и приграничную зоны, в том числе каркас крупных городов и агломераций.

The article reflects the results of a study of large Russian cities (with a population of more than 100 thousand people, as well as smaller cities with the status of regional capitals), emphasizing two strategically important groups: coastal centers and cities of the Western borderlands of Russia. Having applied economic-statistical analysis for 6 indicators (average salaries and per capita measures of the number of organizations and enterprises, retail trade turnover and public catering, commissioning of houses and the number of publications in peer-reviewed journals, indexed in Scopus) the study confirmed the hypothesis on 'coastalizing' socio-economic and innovative potential and advanced growth of coastal centers. At the same time, there is also a high differentiation within the group of coastal cities, indicating that such trends are valid only at the national level. Differentiation and the gap on a number of indicators are fixed with respect to the group of Western Russian cities located in the border regions. It refutes the hypothesis on their advanced development due to external contact capacity (except the advanced indicators' values on trade, driven by the role of logistical and transit centers). The study

© Кузнецова Т. Ю., Горочная В. В., Ростовцев Н. Г., 2020
Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 37 — 49.

of differentiation using k-means clustering identified 5 clusters in all major cities of Russia. It allowed determining coastal and Western border cities belonging of to the various identified clusters. The results of research highlight the necessity for improving the urban environment quality, the need to retain and attract human capital, to rethink the center-periphery structure of the modern Russia's space in its projection on the coastal and border area, including the frame of large cities and agglomerations.

Ключевые слова: крупные города, приморские города, Западное порубежье России, экономическая безопасность, инновационная безопасность, кластерный анализ.

Keywords: large cities, coastal cities, Russian Western Borderlands, economic security, innovation security, cluster analysis.

Введение

Значение приморских и приграничных городов в национальной социально-экономической системе в настоящее время акцентируется в научно-исследовательской и управленческой практике в связи с тем, что они несут на себе контактно-барьерную функцию по отношению к национальной экономике в целом и служат проводниками инноваций вглубь территории [13], играют важную роль в диффузии инноваций [22] и метаболизме тацитного (неявного) знания [1]. Крупные центры притягивают население и влияют на формирование поселенческой структуры окружающего пространства [16; 19], во многих случаях характеризуются повышенными темпами социально-экономического роста, сосредотачивают в себе субъекты крупного предпринимательства [5], в результате обладают достаточным кадровым, финансовым, организационным потенциалом для развития в качестве инновационных центров.

В приморских городах катализации производственных и инновационных процессов в ряде случаев способствует и присутствие мореходзяйственных отраслей, дающих мультипликационный эффект и выступающих в качестве дополнительных потребителей технологий [2], что усиливается и собственно агломерационным эффектом, так как рынком и сферой применения инноваций становится сама городская среда [3]. Однако выявленный опыт отдельных крупных приморских центров России нуждается не только в систематизации и обобщении, но также в сравнении с аналогичными неприморскими городами для установления закономерностей распределения городов в соответствии с социальными, экономическими и инновационными критериями. Тезис о взаимосвязи приморского положения с уровнем социально-экономического развития и инновационной активностью нуждается в верификации, что требует сравнительно-статистического исследования крупных городов в национальных масштабах с выделением кластеров по различным признакам.

Не менее важно исследование крупных городов, находящихся на территории приграничных субъектов, в особенности составляющих Западное порубежье России в качестве контактной зоны, испытывающей неоднозначные тенденции в период геоэкономической турбулентности в системе «Россия — Запад». Таким образом, как приморские

центры в целом, так и крупные города западного порубежья составляют две стратегически важные категории для современной России, заслуживающие специального внимания, а также сравнительного анализа сильных и проблемных сторон в сравнении с общероссийскими тенденциями.

К настоящему моменту в исследовательской практике уже осуществлен общий сравнительный анализ концентрации промышленности и деловой активности в крупных городах РФ [14], в том числе в свете процессов новой индустриализации [7] и усиления дифференциации качества жизни в процессе укрупнения городов [4]. Подвергается сомнению распространенный в административной практике тезис о прямой линейной зависимости между процессами укрупнения городов и темпами их социально-экономического развития. В частности, Л.В. Мельникова проводит анализ взаимосвязи между размером городов России, эффективностью и способностью к экономическому росту [10], устанавливая сложную и неоднозначную связь на основе сравнения показателей динамики ВРП и его отраслевой структуры, производительности труда с применением кривой Ципра. И.В. Манаева проводит классификацию и типологию городов России по состоянию на 2017 г. на основе таких индикаторов, как «численность населения, отношение к государственной границе, удаленность от города-миллионника (главного города), плотность населения, вид экономики, функция города» [9, с. 1235].

В ряде исследований рассматривается и инновационная компонента в качестве основы для типологии городов. Так, А.И. Кузнецова, акцентируя проблематику активизации участия городского населения в инновационных процессах и повышении эффективности экономики, проводит соответствующую иерархию регионов. Однако она выполнена на основе данных в региональном разрезе без спецификации статистических данных непосредственно по городским центрам, их изучение оказывается косвенным через призму региональной статистики [8]. Общую картину географии инновационных центров в России воссоздает исследование В.Л. Бабурина и С.П. Земцова [15], проведен и анализ ее взаимосвязи с переменчивым вектором региональной инновационной политики [26]. Целая серия исследований, направленная на выработку и апробацию методологического аппарата наукометрического изучения инновационных процессов в городских центрах (в том числе приморских) осуществлены А.С. Михайловым, И.Ю. Пекер и другими учеными балтийской школы [11; 12; 23]. На сегодняшний день они могут быть полно или частично применены в составе более крупных и комплексных исследований в сочетании с данными, характеризующими социально-экономическое распределение городских центров.

Метод кластерного анализа (с использованием различных методик) за последние десятилетия применялся для изучения городских центров как за рубежом [20], так и в России с целью проведения структурно-экономической типологии городов [21], а также для их группировки по основным социально-экономическим показателям [25], уровню жизни и

качеству городской среды [18], инвестициям в комплексное жилищное строительство [17]. Кластерный анализ инновационной активности осуществлен на уровне регионов [24]. Также выделение кластеров российских городов проводит А. Б. Жемерикин на основе корреляционного анализа применительно к спектру социально-экономических проблем, принимая в расчет широкий спектр показателей демографических процессов, развития социальной инфраструктуры, занятости, строительства, обрабатывающих производств, инвестиционной деятельности и торговли [6]. Однако все указанные исследования специально не направлены на выявление типологических взаимосвязей между социально-экономическим и инновационным развитием приморских центров в сравнении с «континентальными», что составляет объект исследования настоящей работы.

Методология

Для сравнительной оценки влияния приморского и приграничного положения городов на их социально-экономическое развитие анализируется 182 города России. Это все населенные пункты с численностью населения свыше 100 тыс. человек (по данным за 2017 г.) и дополнительно столицы субъектов РФ с населением ниже обозначенного уровня (Магас, Анадырь, Нарьян-Мар).

Анализ социально-экономической ситуации производится за период с 2013 по 2017 г. (за исключением Севастополя, городов Республики Крым и городов Долгопрудный и Реутов, для которых средние показатели рассчитывались за трехлетний период 2015—2017 гг.). Рассматриваются средние значения за период. В основу оценки положены следующие показатели: среднемесячная заработанная плата и среднедушевые показатели числа организаций и предприятий, оборота розничной торговли и общественного питания, ввода в действие жилых домов и числа публикаций в рецензируемых журналах, индексируемых в БД Scopus. Источник данных — официальные статистические сборники российского и украинского статистических агентств, БД Scopus.

Выполняется сопоставление двух групп городов: приморских и континентальных. К приморским относятся города, находящиеся на расстоянии 50-километрового удаления от береговой линии внутренних и окраинных морей. Это 27 городов.

Кластеризация городов по социально-экономическим показателям произведена методом k-средних с использованием программного обеспечения SPSS. Анализ социально-экономического положения российских городов производится по 6 показателям, отражающим уровень жизни населения (среднемесячная номинальная заработная плата и интенсивность ввода в действие жилых домов), активность предпринимательской сферы (среднедушевые значения числа предприятий и организаций, оборота розничной торговли и общественного питания), инновационный потенциал (число публикаций в международных изданиях на 1000 жителей).

Приморские города

Несмотря на то что приморские города составляют менее 15 % от общего числа анализируемых населенных пунктов, их представленность в десятке городов с наиболее высоким значением показателей социально-экономического развития значительная (табл. 1).

Таблица 1

Города с наиболее высокими социально-экономическими показателями, 2013 – 2017 гг.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	Число предприятий и организаций на 1000 жителей	Число публикаций в международных журналах на 1000 жителей
1. Анадырь 2. Новый Уренгой 3. Салехард **4. Южно-Сахалинск** 5. Норильск 6. Сургут 7. Ноябрьск **8. Магадан** **9. Нарьян-Мар** 10. Ханты-Мансийск	1. Новосибирск 2. Москва ***3. Калининград*** 4. Екатеринбург 5. Нижний Новгород **6. Владивосток** *7. Санкт-Петербург* 8. Вологда *9. Краснодар* 10. Мытищи	1. Долгопрудный 2. Томск 3. Новосибирск 4. Москва **5. Владивосток** 6. Казань 7. Обнинск 8. Екатеринбург ***9. Санкт-Петербург*** 10. Иркутск
Оборот розничной торговли на 1000 жителей	**Оборот общественного питания на 1000 жителей**	**Ввод в действие жилых домов на 1000000 жителей**
1. Мытищи 2. Москва 3. Химки 4. Домодедово ***5. Санкт-Петербург*** 6. Реутов 7. Красногорск 8. Ногинск *9. Краснодар* 10. Щелково	1. Химки 2. Домодедово **3. Нарьян-Мар** **4. Новый Уренгой** 5. Москва 6. Красногорск ***7. Санкт-Петербург*** *8. Севастополь* 9. Реутов ***10. Сочи***	1. Магас 2. Домодедово 3. Красногорск 4. Одинцово 5. Реутов *6. Краснодар* 7. Химки 8. Долгопрудный 9. Люберцы 10. Мытищи

Примечание: жирным шрифтом выделены города, расположенные на удалении не более 50 км от береговой линии; курсивом выделены города, расположенные на территории западных приграничных регионов России.

Высокой заработной платой отмечены северные и дальневосточные города, 4 из которых являются приморскими. Активный сектор среднего и малого предпринимательства, отражающийся в среднедушевом числе предприятий и организаций, высоко развит в Калининграде, Санкт-Петербурге и Владивостоке. Последние характеризуются и интенсивной научной деятельностью. По обороту общественного питания половина городов топ-10 являются приморскими. Слабо представлены или не представлены совсем приморские города среди лидеров по значению оборота розничной торговли и вводу в действие жилых домов. Наиболее высокое значение данных показателей характерно для городов Московской области, находящихся в зоне влияния столицы.

Среди городов Западного порубежья России по всем исследуемым показателям в десятке лидеров оказываются, главным образом, те, для которых совпадают приграничное и приморское положение (Санкт-Петербург, Калининград, Сочи, Севастополь). Единственное исключение составляет Краснодар как неприморский центр приморского региона (табл. 1).

С целью выявить влияние географического положения на социально-экономическое развитие городов произведен сравнительный анализ средних значений социально-экономических показателей для приморских и континентальных городов, а также для городов Западного порубежья (табл. 2).

Таблица 2

Среднегодовое значение социально-экономических показателей городов России, 2013 — 2017 гг.

Показатель	Приморские города		Континентальные города		Города Западного порубежья	
	Среднее взвешенное	Медиана	Среднее взвешенное	Медиана	Среднее взвешенное	Медиана
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	40 991	36 514	35 616	31 547	30 380,1	27 911,4
Число организаций и предприятий на 1000 жителей	52,2	30,3	50,6	31,1	55,3	28,4
Число публикаций в международных журналах на 1000 жителей	5,9	1,3	5,7	0,9	2	0,9
Оборот розничной торговли, млн руб. на 1000 жителей	132,6	56,8	143,2	73,5	155,4	90
Оборот общественного питания, млн руб. на 1000 жителей	6,9	3,1	5,0	2,0	6,8	1,9
Ввод в действие жилых домов, м^2 на 1000 жителей	619,9	518,0	594,7	554,4	390,4	136,7

Приморские города характеризуются более высоким значением всех социально-экономических показателей (кроме среднедушевого оборота розничной торговли) в сравнении с континентальными центрами, что подтверждает эффект талассоаттрактивности деловой активности, населения и инноваций. В группе городов, относящихся к Западному порубежью России, значения индикаторов показывают неоднозначную картину: большинство показателей принимают значения существенно ниже средних не только в сравнении с приморскими городами, но и в сравнении с континентальными центрами в целом. Исключения составляют оборот розничной торговли, средний показатель плотности организационной среды, а показатель оборота обще-

ственного питания сближается по значению с приморскими центрами. При этом более существенное расхождение между медианой и средневзвешенным свидетельствует о большей вариации показателей между городами, в ряде случаев наблюдается поляризация значений.

На характер социально-экономического развития города оказывает влияние разнообразные факторы. Это географическое положение (близость к морю, столице или другим крупным городам, климатическая зона), его размер, структура хозяйственной деятельности, исторические особенности и т.д. В этой связи важно изучить не только соотношение в уровне развития того или иного показателя у приморских и континентальных населенных пунктах, но и выделить качественно однородные группы городов и оценить влияние приморского фактора в кластере.

Итак, методом экспертного анализа была определена оптимальной кластеризация городов на 5 групп. Первый и второй кластеры являются наиболее многочисленным — 58 и 89 городов соответственно. Три города входят в третий кластер, 19 — в четвертый, 13 — в пятый. В каждом из выделенных кластеров представлены приморские города (табл. 3, рис.).

Таблица 3

Кластеризация городов РФ по показателям социально-экономического развития*

Кластер	Состав кластера
1	Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Альметьевск, Нижнекамск, Челябинск, Магнитогорск, Самара, Новокуйбышевск, ***Ростов-на-Дону,*** Уфа, Салават, Красноярск, Пермь, Березники, *Краснодар,* ***Новороссийск, Сочи,*** Иркутск, Ангарск, Братск, Комсомольск-на-Амуре, Ярославль, Томск, Оренбург, Кемерово, Новокузнецк, Липецк, Коломна, Ногинск, Орехово-Зуево, Пушкино, Раменское, Сергиев Посад, Серпухов, Электросталь, ***Калининград,*** Тула, Улан-Удэ, Тверь, Чита, **Архангельск,** Калуга, Череповец, Вологда, *Петрозаводск,* Сыктывкар, Благовещенск, Великий Новгород, **Артем, Находка,** Уссурийск, Обнинск, Кызыл, Тобольск, Биробиджан, Магас
2	Бердск, Каменск-Уральский, Нижний Тагил, Первоуральск, Серов, Арзамас, Дзержинск, Набережные Челны, Златоуст, Копейск, Миасс, Омск, Сызрань, Тольятти, ***Батайск,*** *Волгодонск, Новочеркасск, Новошахтинск,* ***Таганрог,*** *Шахты,* Нефтекамск, Октябрьский, Стерлитамак, Ачинск, *Воронеж,* Волгоград, Волжский, Камышин, *Армавир,* Саратов, Балаково, Энгельс, Ижевск, Барнаул, Бийск, Рубцовск, Ульяновск, Димитровград, **Махачкала, Дербент, Каспийск,** Хасавюрт, Орск, Прокопьевск, Рязань, Астрахань, Пенза, Киров, Чебоксары, Новочебоксарск, *Курск,* ***Севастополь,*** Ставрополь, Иваново, *Брянск, Белгород,* Владимир, ***Симферополь, Керчь, Евпатория, Ялта, Феодосия,*** *Смоленск,* Саранск, Курган, Орёл, Владикавказ, Грозный, Тамбов, Кострома, Йошкар-Ола, Нальчик, Старый Оскол, *Псков,* Рыбинск, Абакан, Невинномысск, Пятигорск, Майкоп, Ковров, Ессентуки, Кисловодск, Новомосковск, Черкесск, Назрань, Муром, Елец, Элиста, Железногорск

Окончание табл. 3

Кластер	Состав кластера
3	Салехард, Новый Уренгой, **Анадырь**
4	***Санкт-Петербург,*** Хабаровск, Балашиха, Домодедово, Жуковский, Королёв, Красногорск, Люберцы, Мытищи, Одинцово, Подольск, Щёлково, Реутов, Якутск, ***Мурманск,*** **Северодвинск, Владивосток,** Тюмень, Ухта
5	Москва, Норильск, Химки, Долгопрудный, **Южно-Сахалинск, Петропавловск-Камчатский,** Ноябрьск, Ханты-Мансийск, Нефтеюганск, Нижневартовск, Сургут, **Магадан, Нарьян-Мар**

Примечание: жирным шрифтом выделены города, расположенные на удалении не более 50 км от береговой линии, курсивом выделены города, расположенные на территории западных приграничных регионов России.

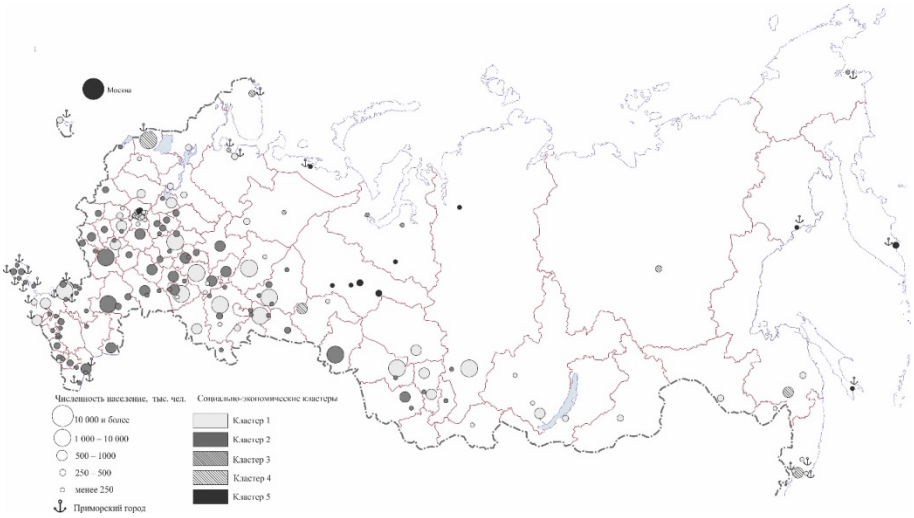


Рис. Кластеризация городов РФ
по показателям социально-экономического развития

Кластер 1 наиболее разнообразный в географическом отношении кластер. Значение показателей варьирует от среднего до выше среднего. Из городов Западного порубежья в данном кластере оказываются все крупные города Краснодарского края, а также Ростов-на-Дону, Калининград и Петрозаводск.

Кластер 2 является наиболее многочисленным и включает города Центральной и Южной части России, Поволжья и Сибири. Среди приморских в его состав вошли города Крыма, Республики Дагестан и Ростовской области (за исключением Ростова-на-Дону). Данная группа характеризуется наименьшим уровнем предпринимательской активности, среднемесячной заработной платы, оборота розничной торговли и общественного питания. В данном кластере сосредоточено и большин-

ство городов Западного порубежья: от крымских центров и периферии Ростовской агломерации до Воронежа, Белгорода, Курска, Брянска, Смоленска и Пскова.

Кластер 3 включает только 3 города, один из которых приморский. Все они находятся в зонах со сложными природными условиям. Для них характерен высокий уровень заработной платы и минимальный уровень научной активности. Города Западного порубежья отсутствуют.

Кластер 4 объединяет преимущественно города Московской области. Среди приморских в кластере представлен Санкт-Петербург, северные (в том числе относящийся к Западному порубежью Мурманск) и дальневосточные города. Для данного кластера характерны наибольшие показатели оборота общественного питания и объемы ввода жилых домов (табл. 4).

Таблица 4

Центры кластеров в кластеризации городов России по показателям социально-экономического развития

Показатель	Кластер				
	1	2	3	4	5
Среднемесячная заработанная плата, руб.	36 816,2	26 815,1	91 266,3	49 677,9	68 290,2
Число организаций и предприятий на 1000 жителей	39,0	27,1	30,6	44,2	38,3
Оборот розничной торговли, млн руб. на 1000 жителей	85,8	61,2	63,7	152,1	113,0
Оборот общественного питания, млн руб. на 1000 жителей	3,0	1,4	7,8	8,4	12,0
Ввод в действие жилых домов, м^2 на 1000 жителей	745,5	521,6	363,8	1128,8	726,2
Число публикаций в международных журналах на 1000 жителей	3,2	1,1	0,7	2,8	6,4

Кластер 5 включает города с наибольшей интенсивностью научной деятельности и оборота общественного питания (табл. 4). Значение показателей социального развития выше среднего. Города Западного порубежья в данном кластере отсутствуют.

Обсуждение и выводы

Настоящее исследование подтверждает тезис об опережающем социально-экономическом развитии приморских центров, талассоаттрактивности социально-экономического потенциала, деловой активности и научной деятельности. Показатели социально-экономического развития приморских городов в среднем имеют более высокое значение, чем у континентальных. Многие из них занимают лидирующие позиции по рассматриваемым показателям. Однако при этом важен и вывод о том,

что данное правило действует в отношении дихотомии приморских и континентальных центров в целом, на уровне действия «закона больших чисел». При этом в группе приморских городов прослеживается значительная дифференциация по уровню развития. Это иллюстрирует и проведенная кластеризация с последующим анализом состава групп. Приморские города, представленные во всех пяти группах, соседствуют в них, в том числе и с континентальными городами, географически близко расположенными или находящимися в аналогичных условиях (регионах с суровыми климатическими условиями, сходным природно-ресурсным потенциалом). Так, города бассейна Черного и Каспийского моря входят только в первый и второй (в большей степени) кластер. Города, расположенные на берегах морей Тихого океана, включены во все кластеры, кроме второго (характеризующегося наиболее низкими значениями показателей по большинству рассматриваемых параметров), то есть они более разнообразны в особенностях социально-экономического развития. Таким образом, приморские города в целом занимают более выгодную позицию, обеспечивающую положительные тенденции социально-экономического развития, однако при этом выгоды приморского положения остаются недоиспользованными во многих случаях, что означает наличие системных проблем, которые должны стать стратегическим объектом региональной экономической политики.

В отношении городов Западного порубежья не менее необходим специальный стратегический подход, направленный на их социально-экономическое укрепление и инновационное развитие. В отличие от категории приморских центров города Западных приграничных регионов не обнаруживают существенного опережения, несмотря на сорасположенность и контакты с европейским пространством, а также выгоды контактно-барьерной зоны за счет логистического удобства и весомого присутствия оборонного сектора (по аналогии с «морскими» отраслями в приморских регионах). Отставание городов приграничного ареала по показателям инновационного и социально-экономического развития, а также их существенная дифференциация (в том числе вызванная частичным присутствием «приморского» градиента) свидетельствуют о внутренних структурных проблемах, недоиспользовании выгод приграничного положения, что также может быть следствием зависимости от внешних центров (как внутрироссийских столичных, так и зарубежных) в плане притока инвестиций, кадров, идей и технологий. Оставаясь преимущественно развитыми в плане торговли (что во многом обусловлено их транзитной функцией в национальном хозяйстве), а также в ряде случаев — в плане плотности организационной среды (что способно дать кластерный эффект), города Западного порубежья существенно отстают по уровню оплаты труда, социально-экономических условий для жизни населения, в результате чего многие из них теряют свою привлекательность для высококвалифицированных кадров и трудовых ресурсов в целом. Отчасти данный тренд сказывается и на пониженных значениях показателя вовлеченности в научный процесс.

При этом соответственно выявленным кластерам важен дифференцированный подход к содействию развития крупных городов. Если городские центры Крымского полуострова находятся в стадии адаптации к национальной экономической системе, устанавливают деловые контакты и развивают инфраструктуру, то в остальных южных приморских и приграничных центрах, входящих во второй кластер, имеет место очевидное отставание по уровню деловой активности, инфраструктуры и жизни населения. В особенности это относится к приморским городам прикаспийского региона, а также входящим в Ростовскую агломерацию. Их отставание вызвано тенденциями периферизации как во внутриагломерационном пространстве, так и в общероссийской многоуровневой центро-периферийной модели. Входящие в первый кластер относительно благополучные города требуют избирательной поддержки по отдельным проблемным направлениям, а также сбалансированной агломерационной политики, направленной на сглаживание различий между агломерационным ядром и его периферией, попадающей в другие кластеры, несмотря на эффект сорасположенности и прочные социально-экономические связи с центром агломерации. В особенности данный вектор представляется важным в отношении наиболее крупных Ростовской и Санкт-Петербургской агломераций, совмещающих в себе функции приморских и приграничных узлов в национальном социально-экономическом, логистическом, инновационном каркасе национального хозяйства.

Соответственно, стратегические акценты в формировании опорного территориального каркаса российского социально-экономического пространства должны быть расставлены в пользу стимулирования деловой активности и повышения качества человеческого капитала (в том числе высококвалифицированных специалистов и управленческих кадров), повышения привлекательности и комфорта городской среды для них. Сами приморская и приграничная зона должны быть переосмыслены из периферии, нуждающейся в поддержании социально-экономического потенциала для функционирования объектов морской экономики либо создания «буферной» внешне-контактной зоны, в ареал, где сосредоточены действующие и потенциальные центры опережающего роста, многие из которых нуждаются в дополнительном импульсе для того, чтобы были запущены самоорганизующиеся механизмы развития, аттракции деловой среды и населения.

Т.Ю. Кузнецова выполнила свою часть исследования при финансовой поддержке в рамках научного проекта №18-310-2016 «Приморские города в инновационном пространстве Европейской части России».

В.В. Горочная выполнила свою часть исследования при финансовой поддержке в рамках научного проекта №19-010-01083 «Проблемы инновационной безопасности и механизмы кластерного экономического развития приграничных регионов Европейской части России».

Список литературы

1. *Горочная В.В.* Информационный метаболизм и динамика инноваций Ростовской агломерации: роль приморского фактора и экономической кластеризации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. №3. С. 20—37.

2. *Горочная В.В.* Морехозяйственный комплекс и инновации: взаимная катализация в регионах российской Балтики и Причерноморья // Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона : матер. III Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. 2020. С. 48—51.

3. *Горочная В.В.* Циклические взаимосвязи инновационного и агломерационного развития территории (на примере Ростовской агломерации) // Псковский регионологический журнал. 2020. №1 (41). С. 18—37.

4. *Диков Я.А.* Тенденции развития городских агломераций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. №7. С. 24—28.

5. *Дружинин А.Г.* Крупный бизнес в приморских зонах России: факторы и особенности локализации // Балтийский регион. 2019. №4. С. 136—151.

6. *Жемерикин А.Б.* Корреляционный анализ социальных проблем развития городов // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2017. №2. С. 83—86.

7. *Кайбичева Е.И.* Процессы новой индустриализации в пространстве крупных и крупнейших городов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. №42. С. 61—72.

8. *Кузнецова А.И.* Инновационная активность городского населения как фактор эффективного функционирования региональной экономики // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2016. №1 (16). С. 77—87.

9. *Манаева И.В.* Города России: Классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. 2018. №7 (454). С. 1235—1249.

10. *Мельникова Л.В.* Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. 2017. №7 (517). С. 5—19.

11. *Михайлов А.С., Пекер И.Ю.* Современные наукометрические технологии в общественно-географическом анализе географии знания // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования : матер. междунар. науч. конф. в рамках X научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). 2019. С. 108—111.

12. *Михайлов А.С., Пекер И.Ю.* Территориальное распределение интеллектуального капитала России // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, №6. С. 28—39.

13. *Михайлов А.С.* Приморские агломерации в трансформации национального инновационного пространства // Балтийский регион. 2019. №1. С. 29—42.

14. *Михайлова Т.Н.* Трансформация географии промышленности Российской Федерации // Российское предпринимательство. 2016. №3. С. 351—358.

15. *Baburin V., Zemtsov S.* Innovation geography of Russia // 2012 International Conference on Research Challenges in Social and Human Sciences, South Korea 2012. Jun 11.

16. *Druzhinin A.G.* The coastalisation of population in today's Russia: a sociogeographical explication // Baltic Region. 2017. №2. P. 19—30.

17. *Ershova S., Orlovskaya T.* Differentiation of Russian megacities by level of investment in comprehensive residential development // IOP Conference Series : Materials Science and Engineering. 2019. Vol. 687, №5. P. 055069.

18. *Ershova S., Orlovskaya T., Panfilova E.* Study of Life Quality and Urban Environment Quality in Russian Megapolises // IOP Conference Series : Materials Science and Engineering. 2018. Vol. 463, №4. P. 042040.

19. *Fedorov G.M., Mikhailov A.S., Kuznetsova T. Yu.* The influence of the Sea on the economic development and settlement structure in the Baltic Sea region // Baltic Region. 2017. №2. P. 4—18.

20. *Huang J., Lu X.X., Sellers J.M.* A global comparative analysis of urban form: Applying spatial metrics and remote sensing // Landscape and urban planning. 2007. №82 (4). P. 184—97.

21. *Limonov L.E., Nesena M.V.* Structural and economic typology of large Russian cities // Regional Research of Russia. 2016. №6 (2). P. 144—155.

22. *Mikhaylova A.A., Gorochnaya V.V.* Innovation diffusion in coastal agglomerations of Western Russia // The 13th International Days of Statistics and Economics : conference proceedings. Prague, 2019. P. 1105—1114.

23. *Mikhaylov A.S., Kuznetsova T. Yu., Peker I. Yu.* Knowledge geography: human geography approach to measuring regional divergence of knowledge capital // Proceedings of the European Conference on Knowledge Management. 2019. C. 738—745.

24. *Pushkarev A.A.* Cluster analysis of regional innovation activity in Russia in 2010—2015 // R-Economy. 2018. №4 (1). P. 10—17.

25. *Rusetskaya O.* Grouping cities based of their socio-economic indicators // Electronic Notes in Discrete Mathematics. 2017. №58. P. 223—230.

26. *Zemtsov S., Barinova V.* The paradigm changing of regional innovation policy in Russia: From equalization to smart specialization // Voprosy Ekonomiki. 2016. №10. P. 65—81. doi: org/10.32609/0042-8736-2016-10-65-81.

Об авторах

Татьяна Юрьевна Кузнецова — канд. геогр. наук, ведущ. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия
E-mail: tikuznetsova@kantiana.ru

Василиса Валерьевна Горочная — канд. экон. наук, Южный федеральный университет; науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: tunduk@hotmail.com

Николай Георгиевич Ростовцев — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: n.rostovtsev96@gmail.com

The authors

Dr Tatyana Yu. Kuznetsova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: tikuznetsova@kantiana.ru

Dr Vasilisa V. Gorochnaya, Southern Federal University; Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: tunduk@hotmail.com

Nikolay G. Rostovtsev, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: n.rostovtsev96@gmail.com

УДК 911.3(470.26)

Г. М. Федоров

РАЗВИТИЕ ЭКСКЛАВНОЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В МЕНЯЮЩИХСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ВРП)

Развитие российского эксклава на Балтике – Калининградской области – сильно зависит от действия внешнеполитических факторов. Ухудшение взаимоотношений России со странами Запада привело к сокращению экономических связей области с соседними странами Балтийского региона. Развиваются внешнеторговые отношения с государствами Восточной Азии и Латинской Америки, что стало возможным благодаря приморскому положению региона. Диверсификация связей и федеральная поддержка обеспечили динамичное развитие области. В региональной экономике происходят отраслевые сдвиги, которые анализируются в статье на основе изучения динамики и структурных изменений валового регионального продукта. Использованы данные официальной статистики (прежде всего, базы данных Росстата ЕМИСС), обработанные с помощью известных статистических методов. Сделаны выводы о перспективных направлениях дальнейшей реструктуризации отраслевой структуры экономики региона и необходимости этого.

The development of the Kaliningrad region, Russian exclave in the Baltic, is significantly influenced by foreign policy factors. The deterioration of relations between Russia and the West has led to a reduction in the region's economic ties with the neighbouring Baltic States. The coastal position of the region has enabled the development of foreign trade relations with East Asian and Latin American States. Diversification of ties and federal support ensured sufficiently dynamic regional development. The article analyzes the sectoral shifts in the regional economy through the study of dynamics and structural changes in the gross regional product (GRP). The data of official statistics (primarily, the Databases of the Federal Service for State Statistics (Rosstat) EMISS), processed by known statistical methods, were used. The conclusions about the necessity and perspective directions of further restructuring of the sectoral structure of the regional economy are presented.

Ключевые слова: Калининградская область, российский эксклав, валовой региональный продукт, геополитическая турбулентность, экономическое развитие.

Keywords: the Kaliningrad region, Russian exclave, gross regional product, geopolitical turbulence, economic development.

Введение

Географическое положение эксклавной Калининградской области, отделенной от основной территории России зарубежными странами, кажется, предопределяет ее развитие в тесном взаимодействии с зарубежными соседями. И, действительно, большинство концепций и стра-

© Федоров Г.М., 2020
Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 50 – 64.

тегий ее развития как разработанных российскими учеными и специалистами, так и предлагаемых зарубежными экспертами исходят из данного положения. Они предполагает экспортную или импортозамещающую ориентацию экономики при активном развитии трансграничных связей [14; 28]. На это был ориентирован механизм Свободной экономической зоны «Янтарь» [18]. Развитие международных экономических связей стимулирует закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» в редакциях как 1996 г. [15], так и 2006 г. [16] (с последующими дополнениями и изменениями [25]).

В 2003 г. была принята к реализации Стратегия социально-экономического развития Калининградской области как «региона сотрудничества» [24]. В дальнейшем, после принятия Закона об ОЭЗ 2006 г., была утверждена новая стратегия [19], скорректированная в 2019 г. [17].

Автор уже рассматривал изменения ВРП региона в постсоветский период вплоть до 2016 г. [26]. Сделаны выводы, что после кризисных 1990-х гг. экономика области развивалась более успешно, чем в среднем по РФ, но 2015 и 2016 гг. стали менее благоприятными, чем для экономики большинства регионов страны. В частности, сократился ее удельный вес в производстве добавленной стоимости обрабатывающими производствами. Это было объяснено приграничным положением региона, его соседством со странами ЕС и НАТО, отношения с которыми в 2014 г. ухудшились.

В данной статье на основе данных Росстата (база данных ЕМИСС, опубликованные статистические сборники) продлен временной лаг анализа: рассмотрены также 2017 и 2018 гг. Оценивается динамика ВРП и его структуры за 2010—2018 гг.: сравниваются 2010—2013 гг., непосредственно предшествовавшие введению в 2014 г. странами Запада антироссийских санкций и принятию Россией ответных мер, и последующие изменения ВРП в 2014—2018 гг. Рассмотрены изменения структуры ВРП из-за неодинаковых темпов развития разных видов экономической деятельности. Оценена степень устойчивости различных видов экономической деятельности и обрабатывающих производств и сделаны некоторые предположения о развитии экономической ситуации в регионе в связи с последствиями пандемии коронавируса и потребностями обеспечения экономической безопасности области, развивающейся в усложнившихся геополитических условиях.

Изменения ВРП в течение 2010—2018 гг.

После катастрофического спада производства в 1992—1998 гг., когда почти вся прежняя промышленность прекратила существование, сельскохозяйственное производство снизилось более чем вдвое, а душевой ВРП снизился до уровня 57 % от среднего по стране (рис.), экономика области стала постепенно восстанавливаться [5; 6; 8; 26; 28]. Большую роль в этом сыграли механизм Особой экономической зоны, финансовая поддержка региона со стороны Центра через Федеральную целевую программу социально-экономического развития Калининградской области и другие формы стимулирования регионального развития.

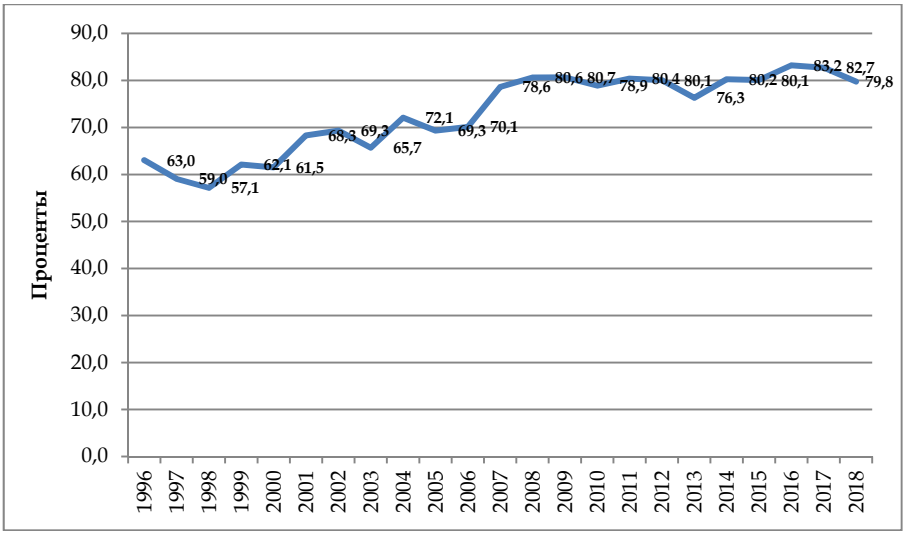


Рис. Изменение отношения душевого ВРП Калининградской области в процентах к среднему показателю по субъектам РФ, 1996—2018 гг.

Составлено автором на основе данных: [2].

К 2008 г. душевой ВРП области превысил 80 % от среднего по РФ показателя и в последующие годы был близок к этому уровню. Это означает, что темпы экономического развития области стали соответствовать показателям, характерным для большинства субъектов РФ.

В период с 2010 по 2013 г. прирост ВРП Калининградской области равнялся среднему по субъектам РФ и составлял 3,4 % в среднем в год. В среднем за 2014—2018 гг. соответствующие среднегодовые показатели в РФ составляли 1,2 %, а в Калининградской области — 2,1 %[1]. Но даже в первом случае, в период 2010—2013 гг., когда темпы роста совпадали, существовали большие различия в разрезе видов экономической деятельности между Калининградской областью и средними общероссийскими показателями. Они остались значительными и в 2014—2018 гг., когда снизились темпы роста ВРП и в Калининградской области, и в среднем по регионам России. При этом, несмотря на эксклавное положение области, во многом благодаря федеральной поддержке ее ВРП возрастал более высокими темпами.

Таблица 1 отражает изменения в течение 2010—2016 гг. структуры ВРП и динамики объемов добавленной стоимости, создаваемой различными видами экономической деятельности. Как можно заметить, к 2010 г. более половины объема ВРП Калининградской области приходились на три вида экономической деятельности, занимавшие места в порядке убывания удельного веса в ВРП: 1) торговля; 2) обрабатываю-

[1] Расчеты автора с использованием метода цепных индексов по данным Росстата о ежегодных изменениях ВРП: [20, с. 466, 478].

щие производства; 3) операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг. В таком же порядке располагались виды экономической деятельности и в РФ в целом. Четвертое, пятое места в России занимали транспорт и связь, а также добыча полезных ископаемых. В Калининградской области на четвертом месте тоже находились транспорт и связь, но удельный вес добычи полезных ископаемых был намного меньше по сравнению со среднероссийским показателем, и пятое место оказалось за видом экономической деятельности «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное страхование».

Таблица 1

Динамика добавленной стоимости и структуры ВРП по видам экономической деятельности в сопоставимых ценах

Вид экономической деятельности	Доля добавленной стоимости в ВРП, %, 2010 г.		Добавленная стоимость в 2013 г., % к 2010 г.	Добавленная стоимость в 2016 г., % к 2013 г.	Доля добавленной стоимости в ВРП, %, 2016 г.	
	Калининградская область	Россия			Калининградская область	Россия
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,1	4,2	106,1	115,1	4,8	5,1
Рыболовство, рыбоводство	2,1	0,3	72,1	168,6	1,8	0,3
Добыча полезных ископаемых	2,9	10,5	74,2	85,5	3,1	10,9
Обрабатывающие производства	16,9	17,7	134,5	110,0	23,5	17,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,6	4,5	135,9	101,9	3,5	3,9
Строительство	6,5	6,9	96,7	101,7	6,0	6,3
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	21,8	19,3	105,7	106,6	12,7	16,9
Гостиницы и рестораны	0,9	1,0	98,6	110,0	0,9	1,1
Транспорт и связь	9,6	10,5	133,2	126,1	10,6	9,5
Финансовая деятельность	0,1	0,6	230,6	112,8	0,4	0,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	12,4	11,2	118,8	96,4	17,1	14,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное страхование	7,5	5,0	97,9	88,7	6,5	4,9
Образование	3,1	3,1	99,9	101,3	3,1	3,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,2	3,8	101,1	99,5	4,4	4,0

Окончание табл. 1

Вид экономической деятельности	Доля добавленной стоимости в ВРП, %, 2010 г.		Добавленная стоимость в 2013 г., % к 2010 г.	Добавленная стоимость в 2016 г., % к 2013 г.	Доля добавленной стоимости в ВРП, %, 2016 г.	
	Калининградская область	Россия			Калининградская область	Россия
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,3	1,4	99,4	100,9	1,6	1,7
Итого валовая добавленная стоимость в основных ценах	100	100	110,6	105,3	100	100

Составлено автором на основе данных: [11, с. 70, 73; 12, с. 69; 20, с. 466, 478].

По темпам роста в 2014—2016 гг. в Калининградской области первое место занимала финансовая деятельность, но она имеет в ВРП невысокий удельный вес, и ее высокие темпы роста мало сказались на динамике ВРП в целом. Второе пришлось на производство и распределение электроэнергии, газа и воды; третье — на обрабатывающие производства; четвертое — транспорт и связь, причем показатели во всех трех случаях были близкими. Семь видов экономической деятельности снизили производство добавленной стоимости, причем наиболее значительно — рыболовство, рыбоводство и добыча полезных ископаемых (из-за снижения объемов добычи нефти).

В 2014—2016 гг. темпы роста ВРП в области снизились вдвое. Наибольшее влияние на сокращение темпов роста оказало их снижение в обрабатывающей промышленности и по виду деятельности «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», где объем созданной добавленной стоимости даже сократился. Продолжилось сокращение в добыче полезных ископаемых.

В структуре ВРП произошли существенные изменения. Значительно возрос удельный вес обрабатывающих производств, а также операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставление услуг. Сильно сократилась доля оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования.

В 2017—2018 гг. темпы роста ВРП еще более снизились (за два года прирост ВРП оказался таким же, как и за предыдущие три года). Из 19 приведенных в таблице 2 видов экономической деятельности 9 име-

ли более высокие темпы роста, а 10 — менее благоприятные показатели, причем у 5 из них имело место снижение. В динамике обрабатывающих производств наметилось отставание темпов роста по сравнению со средними по РФ показателями. Сократились объемы услуг, в том числе по виду экономической деятельности, которая часто рассматривается как одна из отраслей специализации региона — «транспортировка и хранение». Сокращение произошло во многом из-за снижения производства в обрабатывающей промышленности, которая получает сырье и комплектующие для сборки в основном из-за рубежа, куда направляется и значимая часть производимой в области продукции.

Таблица 2

Динамика добавленной стоимости по видам экономической деятельности, 2017—2018 гг.

Виды экономической деятельности	2018 в % к 2016	
	КО*	РФ
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	**111,8**	104,2
Добыча полезных ископаемых	102,7	108,3
Обрабатывающие производства	104,3	106,8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	**127,1**	95,9
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	88,6	105,6
Строительство	**121,8**	96,6
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	101,8	104,7
Транспортировка и хранение	99,7	102,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	**121,6**	108,2
Деятельность в области информации и связи	109,3	110,1
Деятельность финансовая и страховая	94,1	117,6
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	98,4	110,4
Деятельность профессиональная и научно-техническая	**116,2**	99,5
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	97,0	106,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	**104,4**	102,0
Образование	**103,4**	103,0
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	**102,3**	99,6
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	**123,3**	112,8
Предоставление прочих видов услуг	101,8	112,7
Всего	**105,4**	104,6

Составлено автором на основе данных: [10; 11].

Примечание: * КО — Калининградская область.

Основной прирост ВРП обеспечили три вида экономической деятельности. Во-первых, благоприятные погодные условия обусловили в 2018 г. значительный рост продукции растениеводства (зерновых, картофеля и овощей), что объясняет сравнительно высокие темпы роста производства сельскохозяйственной продукции. Во-вторых, ввод в действие двух небольших новых тепловых электростанций (третья вошла в строй в 2019 г., четвертая продолжает строиться) повлиял на рост показателей по виду деятельности «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха». Эти электростанции создают резервные мощности и должны обеспечить энергетическую безопасность региона, энергосистема которого была изолирована в связи с выходом Литвы из созданной в советский период общей с РФ энергосистемы. В-третьих, значительно возросли объемы строительных работ в связи с подготовкой к Чемпионату мира по футболу (лето 2018 г.), включая строительство нового стадиона. Отметим также серьезный рост показателей по виду «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания», отразившая развитие в области туризма. Более высокие, чем среднем по РФ, темпы роста были характерны и для большинства видов экономической деятельности, относящихся к социальной сфере.

По сравнению с РФ в целом темпы роста ВРП в Калининградской области в 2017 и 2018 гг. были более высокими. В целом за пять лет (2014—2018 гг.) по РФ прирост составил 6,2 %, а в Калининградской области 10,9 %[2]. Поэтому ее удельный вес в совокупном ВРП российских регионов возрос. Калининградская область находится в верхней половине регионов, ранжированных по душевому ВРП (от большего к меньшему), занимая 31 место из 85. Фактором, позволившим достичь более высоким темпов экономического роста в условиях сокращения экономических связей со странами Запада, стало приморское положение региона, позволившее переориентировать товарные потоки на страны Восточной Азии и Латинской Америки. Китай, Республика Корея, Бразилия стали главными торговыми партнерами Калининградской области вместо Германии, Польши и Литвы[3].

ВРП Калининградской области в 2018 г.

К 2018 г. в Калининградской области сложилась структура экономики значительно отличающаяся от среднероссийской (табл. 3). Во-первых, как и в большинстве регионов средней полосы России, здесь сравнительно небольшую роль играет добыча полезных ископаемых. И на суше, и (в меньшей мере) на шельфе уже добыта легко извлекаемая нефть, и объемы добычи сокращаются. Добываемый в области янтарь в основном отправляется на экспорт в виде полуфабрикатов, что дает

[2] Расчеты цепных индексов на основе данных: [9].
[3] Подробнее см.: [27; 28].

меньшие доходы по сравнению с изготовлением ювелирных украшений. Другие полезные ископаемые: песчано-гравийные материалы, глины, торф, минеральные воды и лечебные грязи имеют местное значение; освоение месторождений калийной и поваренной соли еще только начинается.

Таблица 3

Структура добавленной стоимости по видам экономической деятельности, 2018 г.

Виды экономической деятельности	Доля в ВРП, %	
	КО*	РФ
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	6,3	4,3
Добыча полезных ископаемых	3,3	14,8
Обрабатывающие производства	22,7	18
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	4,5	3,1
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,8	0,6
Строительство	8,1	5,6
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	11,9	15,8
Транспортировка и хранение	8,6	7,6
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1,1	1
Деятельность в области информации и связи	1,9	3
Деятельность финансовая и страховая	0,3	0,6
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	9,8	6,1
Деятельность профессиональная и научно-техническая	3,1	4,1
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,8	2,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	6	4,5
Образование	3,1	3
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	4,4	4,1
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,8	0,9
Предоставление прочих видов услуг	0,5	0,5
Всего	100	100

Составлено автором на основе данных: [1].
Примечание: * КО — Калининградская область.

Значительно уступает среднему по РФ удельный вес торговли. Это объясняется, главным образом, более низким уровнем доходов населения, который в IV квартале и 2018, и 2019 гг. составил 80 % от среднего по стране [23]. Но удельный вес торговли в ВРП Калининградской области составил только 75 % от уровня РФ в целом. Видимо, сказывается

соседство Литвы и, особенно, Польши, где калининградцы приобретают часть товаров благодаря развитым трансграничным шоп-турам. Значение интернет-торговли, которое могло бы частично объяснить отставание региональной торговли, в области пока невелико. По данным Росстата, через нее в 2018 г. реализовано только 0,2 % товаров (против 1,7 % в РФ и 2,5 % в СЗФО) [7]. Но роль интернет-торговли возрастает. Так, по данным электронного журнала «Инвест-Форсайт», Калининградская область занимает среди регионов России 28 место по приросту в 2014—2018 гг. доли электронной продажи продукции в общем объеме товарооборота [3].

Меньше, чем в среднем по РФ, в Калининградской области удельный вес видов экономической деятельности, каждая из которых создает сравнительно небольшие объемы добавленной стоимости. Это виды деятельности в области информации и связи; финансов и страхования; профессиональной и научно-технической сфере; в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

Более высокий удельный вес в ВРП региона имеют все виды экономической деятельности по производству товаров, за исключением добычи полезных ископаемых. Благодаря размещению в регионе нескольких крупных животноводческих агрохолдингов и рыбодобывающих предприятий, ведущих промысел как в Балтийском море, так и в Северной Атлантике, более высокий показатель по сравнению со средним по РФ имеет сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство. Механизм Особой экономической зоны обусловил развитие ряда импортозамещающих и экспортных предприятий, что объясняет повышенный удельный вес обрабатывающих производств. Активно ведется строительство (особенно жилищное и дорожное), также имеющее повышенный удельный вес в ВРП. Необходимость транспортировки больших объемов сырья (в основном импортного) и готовой продукции обрабатывающих производств обусловливает высокую долю вида деятельности «Транспортировка и хранение». В полтора раза выше, чем в среднем в РФ, удельный вес деятельности по операциям с недвижимым имуществом. Эксклавность и выдвинутость на запад региона требует повышенной роли государственного управления и обеспечения военной безопасности. Отметим также более высокую долю в структуре ВРП образования и здравоохранения.

Продолжая анализ отраслевой структуры ВРП Калининградской области, рассмотрим различия между ведущими (по объему производства) видами экономической деятельности Калининградской области по уровню добавленной стоимости на душу населения и на одного занятого в экономике, а также между этими и аналогичными показателями, рассчитанными по Российской Федерации в целом (табл. 4). Добавленная стоимость на душу населения отражает уровень развития соответствующего вида экономической деятельности в регионе, а в расчете на одного занятого — производительность труда.

Таблица 4

Добавленная стоимость по видам экономической деятельности на душу населения и на одного занятого, 2018 г.

Виды экономической деятельности	Добавленная стоимость, тыс. руб.				Добавленная стоимость, КО*, % к РФ	
	На душу населения		На 1 занятого			
	КО	РФ	КО	РФ	На душу населения	На 1 занятого
Производство товаров						
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	29,2	25	1132	743	117	152
Добыча полезных ископаемых	15,3	85,4	5914	10980	18	54
Обрабатывающие производства	104,5	104,7	1514	1527	100	99
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	20,8	17,8	2465	1610	117	153
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	3,8	3,6	755	737	106	102
Строительство	37,5	32,2	756	739	116	102
Итого	211,1	268,7	12536	16336	79	77
Производство рыночных услуг						
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	55,1	91,8	563	986	60	57
Транспортировка и хранение	39,5	44,2	968	1212	89	80
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	4,9	6	315	515	82	61
Деятельность в области информации и связи	8,9	17,1	1126	1720	52	65
Деятельность финансовая и страховая	1,5	3,3	224	355	45	63
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	45,4	35,4	3448	2700	128	128
Итого	155,3	197,8	6644	7488	79	89
Производство нерыночных услуг						
Деятельность профессиональная и научно-техническая	14,1	23,7	831	1209	59	69
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	12,8	13,7	861	1062	93	81

Окончание табл. 4

Виды экономической деятельности	Добавленная стоимость, тыс. руб.				Добавленная стоимость, КО*, % к РФ	
	На душу населения		На 1 занятого			
	КО	РФ	КО	РФ	На душу населения	На 1 занятого
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	27,6	25,9	847	1041	107	81
Образование	14,4	17,5	500	471	82	106
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	20,2	23,5	694	783	86	89
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	3,7	5	539	634	74	85
Предоставление прочих видов услуг	2,4	2,9	276	255	83	108
Итого	95,2	112,2	4548	5455	85	83
Всего	461,6	578,7	960	1187	80	81

Составлено автором на основе данных: [1; 22; 29].
Примечание: * КО — Калининградская область.

Больше всего добавленной стоимости на душу населения производит обрабатывающая промышленность, причем почти одинаково в Калининградской области (на 104,5 тыс. руб.) и в РФ (104,7 тыс. руб.). И в расчете на одного занятого показатели также очень близки: 1514 тыс. руб. и 1527 тыс. руб. соответственно. На втором месте в расчете на душу населения в обоих случаях торговля, но в РФ и на душу населения, и на одного занятого показатели намного выше. Третье место в среднем по России добавленная стоимость в расчете на душу населения занимает в добыче полезных ископаемых (где на одного занятого производится больше всего добавленной стоимости). А в Калининградской области на третьем месте — транспортировка и хранение (хотя их показатели существенно ниже, чем в РФ). В целом выше, чем в среднем по РФ, оба показателя Калининградской области (и на душу населения, и на одного занятого) в следующих видах экономической деятельности:

— сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство;

— обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха;

— водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений;

— строительство;

— операции с недвижимым имуществом.

В обрабатывающих производствах рассматриваемые показатели примерно одинаковые. Однако отраслевая структура обрабатывающих производств Калининградской области и Российской Федерации также имеет много сходства. Первое место по числу занятых в обоих случаях занимает производство пищевых продуктов. Но в Калининградской области в нем занято 28 % работающих в обрабатывающей промышленности, а в РФ — существенно меньше, 17 %. Развитию предприятий обрабатывающей промышленности в области способствовали льготы механизма Особой экономической зоны.

Значительный удельный вес и в области, и в России в целом имеет производство транспортных средств, в том числе автомобилей, а также готовых металлических изделий, компьютеров. Развита деревообработка. В Российской Федерации выше удельный вес химического и металлургического производства, одежды; в Калининградской области — мебели [1].

По объему выпускаемой продукции в Калининградской области выделяются только автосборочная и пищевая (прежде всего мясная, а также рыбная, молочная, кондитерская) промышленность. На производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов в 2018 г. пришлось 44,4 % объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами. На пищевую промышленность — 29,5 %. Производство химических веществ и продуктов составило 3,6 %, компьютеров, электронных и оптических изделий — 3,3 %, прочих транспортных средств и оборудования — 3,1 %, мебели — 2,5 % [13]. Остальные производства обеспечили 13,6 %.

Готовая продукция в обрабатывающей промышленности области производится в основном из импортного сырья и полуфабрикатов, поэтому зависит от стабильности их поставок из-за рубежа, которая не может быть обеспечена в условиях постоянного нарушения партнерами заключенных соглашений и договоренностей под влиянием внешнеполитических факторов. Иллюстрацией сказанного служат непредсказуемые изменения объемов выпускаемой продукции предприятиями, работающими с использованием импортного сырья и полуфабрикатов. Так, объемы отгруженных автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов собственного производства в 2015 г. составили только 56,8 % от уровня 2014 г., а в 2016 г. увеличились на 18,2 %, в 2017 г. — на 40,3 %, в 2018 г. — на 28 % [13]. Сходная динамика наблюдается и в других импортозамещающих производствах, основанных на поставках из-за рубежа.

Невозможность воздействовать на внешние факторы развития в современных нестабильных условиях убедительно показали трудности, возникшие в связи с пандемией коронавируса в 2020 г. Полностью парализованной оказалась такая отрасль специализации области как туризм. Большой ущерб, размеры которого еще придется подсчитать, был нанесен и всем другим видам экономической деятельности. Происходящие события наглядно показывают неустойчивость экономики, зависящей от зонального механизма и непредсказуемых внешнеполитических факторов. Все более очевидной становится задача разработки

и, главное, реализации стратегии устойчивого социально-экономического развития региона, опирающейся на внутренние природные, трудовые и интеллектуальные ресурсы.

Заключение

Анализ развития экономики Калининградской области, который проводится учеными, показывает необходимость упрочения внутренних связей между структурными компонентами хозяйственного комплекса, обеспечения их сбалансированности, совершенствования и даже изменения структуры ее экономики в соответствии с меняющимися геополитическими и геоэкономическими условиями [4; 21; 27]. Однако необходимо доведение этих исследований до разработки новой стратегии социально-экономического развития региона, обеспечивающей экономическую безопасность и устойчивое развитие эксклавной российской области в условиях геополитической турбулентности.

Необходимо более полно использовать возможности, предоставляемые приморским положением области и ее природными ресурсами, а также научно-техническим и образовательным потенциалом, который обусловлен наличием в регионе вузов (включая федеральный университет) и научно-исследовательских (в том числе академических) учреждений. Немаловажное значение для развития экономики области имеет и выполнение регионом важных оборонных функций.

Помимо совершенствования специализации области в рамках общероссийского и международного разделения труда, следует обратить внимание на низкие значения, характеризующие душевые показатели производства добавленной стоимости в сфере услуг — как рыночных, так и нерыночных (см.: табл. 4). Низкая производительность труда, которую отражают невысокие показатели производства добавленной стоимости в указанной сфере на одного занятого, во многом влияет на невысокий уровень душевого ВРП в регионе. Необходимость упрочения производственной и социальной инфраструктуры тем более необходима в связи с эксклавным географическим положением региона, который в большей мере, чем внутренние субъекты РФ, должен, с одной стороны, полагаться на использование своих внутренних ресурсов, а с другой — активнее развивать межрегиональные связи.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-05-00399 «Теоретическое обоснование концепции и стратегии развития Калининградской области как приоритетной геостратегической территории Российской Федерации».

Список литературы

1. *Валовая* добавленная стоимость в основных ценах в соответствии с методологией СНС 2008 (ОКВЭД 2) // ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/indicator/58250 (дата обращения: 21.10.2020).

2. *Валовой* региональный продукт на душу населения // ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/indicator/42928 (дата обращения: 23.10.2020).

3. *В каких* регионах быстрее развивается интернет-торговля // Инвест-Форсайт. URL: https://www.if24.ru/regiony-internet-torgovlya/ (дата обращения: 15.11.2020).

4. *Гареев Т.Р., Волошенко К.Ю.* Особенности построения балансовой модели эксклавного региона // Экономика региона. 2015. №2 (42). С. 113—124.

5. *Гареев Т.Р., Елисеева Н.А.* Модель товарных потоков эксклавного региона: в поисках рента «переходного периода» эксклавного региона // Балтийский регион. 2014. №1 (19). С. 72—90.

6. *Гимбицкий К.К., Кузнецова А.Л., Федоров Г.М.* Развитие экономики Калининградской области: этапы реструктуризации // Балтийский регион. 2014. №1 (19). С. 56—71.

7. *Доля* продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли // ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/indicator/50236 (дата обращения: 02.09. 2020).

8. *Зверев Ю.М., Федоров Г.М.* Эффекты функционирования Особой экономической зоны Калининградской области // Особые экономические зоны. Зарубежный и отечественный опыт. Кн. 2. М., 2017. С. 219—227.

9. *Индексы* физического объема валового регионального продукта в 1998—2018 гг. // ЕМИСС. URL: https://mrd.gks.ru/folder/27963 (дата обращения: 05.10.2020).

10. *Индексы* физического объема валового регионального продукта (ОКВЭД 2) // ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/indicator/59449 (дата обращения: 08.09.2020).

11. *Калининградская* область в цифрах. Краткий статистический сборник. 2014. Калининград, 2014.

12. *Калининградская* область в цифрах. Краткий статистический сборник. 2018. Калининград, 2018. Т. 2.

13. *Калининградская* область в цифрах, 2019. Калининград, 2019. Т. 2.

14. *Клемешев А.П., Лапин Ф.Ф., Гутник А.П. и др.* Стратегии развития Калининградской области. Калининград, 2007.

15. *Об Особой* экономической зоне в Калининградской области : федер. закон от 22.01.1996 г. №13-ФЗ. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/8782 (дата обращения: 14.11.2020).

16. *Об Особой* экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 10.01.2006 г. №16-ФЗ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/23363 (дата обращения: 18.12.2020).

17. *О внесении* изменений в Стратегию социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу : постановление Правительства Калининградской области от 5 июня 2019 г. №412. URL: http://docs.cntd.ru/document/561472412 (дата обращения: 10.08.2020).

18. *Положение* о Свободной экономической зоне в Калининградской области (СЭЗ «Янтарь»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. *О Стратегии* социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу : постановление Правительства Калининградской области от 02.08.2012 г. №583. URL: https://economy.gov39.ru/DEP-strateg/strategicheskoe-razvitie- (дата обращения: 17.07.2019).

20. *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2018. М., 2018.

21. *Руус Н.Й.А., Волошенко К.Ю., Дрок Т.Е., Фарафонова Ю.Ю.* Анализ экономической сложности Калининградской области — выбор отраслевых приоритетов в новой парадигме создания ценностей // Балтийский регион. 2020. Т. 12, №1. С. 156—180.

22. *Среднегодовая* численность занятых в экономике с 2017 г. // ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/indicator/58995 (дата обращения: 17.07.2020).

23. *Среднедушевые* денежные доходы населения // ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/indicator/57039 (дата обращения: 19.07.2020).

24. *Стратегия* социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года. Калининград, 2003.

25. *О внесении* изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области : федер. закон от 05.12.2017 г. №393-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. *Федоров Г.М.* Оценка изменений валового регионального продукта эксклавного российского региона на Балтике (1995—2016) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. №4. С. 32—42.

27. *Федоров Г.М.* Проект «Большая Евразия» среди факторов развития эксклавной Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. №3. С. 35—48.

28. *Федоров Г.М.* Три стратегии развития Калининградской области (1991—2018 годы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. №3. С. 5—19.

29. *Численность* постоянного населения в среднем за год // ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/indicator/31556 (дата обращения: 11.10.2020).

Об авторе

Геннадий Михайлович Федоров — д-р геогр. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: GFedorov@kantiana.ru

The author

Prof. Gennady M. Fedorov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: GFedorov@kantiana.ru

ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81(091)

Н. В. Зайцева

ГРАФ М. А. МИЛОРАДОВИЧ В ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВЕ И СУДЬБЕ Ф. Н. ГЛИНКИ

Рассматриваются взаимоотношения Ф. Н. Глинки с М. А. Милорадовичем, значительно повлиявшие на судьбу и жизнь Глинки. Федор Николаевич Глинка сформировался как личность под непосредственным влиянием событий, связанных с антинаполеоновской кампанией 1805 – 1806 гг., Отечественной войной 1812 г. и заграничными походами русской армии 1813 – 1815 гг. Офицер Апшеронского пехотного полка, начинавший с прапорщика и завершивший военную карьеру полковником, писатель и поэт, летописец трех войн, редактор первого «Военного журнала» и организатор военной библиотеки, декабрист и благотворитель – вот далеко не полный «послужной список» Глинки до декабрьского восстания 1825 г., и во всех разносторонних деяниях Ф. Н. Глинки М. А. Милорадович играл значимую роль.

В статье уточняются факты, касающиеся военной службы Ф. Н. Глинки и его личных отношений с М. А. Милорадовичем. Это позволило скорректировать биографические данные Глинки, на которые опираются исследователи его общественной и литературной деятельности. Автор статьи придерживается точки зрения историка А. Г. Тартаковского, считающего, что «Письма русского офицера» не являются строгими мемуарами. Автор полагает, что «Письма» представляют собой сложную жанровую конструкцию, где документальный материал вплетен в фактуру художественно-публицистического очерка, а субъективное повествование соседствует с объективным при отсутствии между ними порой четкой границы. Кроме того, автобиография Глинки, написанная им в весьма преклонном возрасте, грешит авторскими неточностями и домыслами, которые становятся очевидными лишь в контексте сопоставления конкретных фактов, изложенных в автобиографии Глинки, его воспоминаниях и в «Письмах русского офицера», с привлечением архивных документов.

The purpose of the article is to consider the relationship between F. N. Glinka and M. A. Miloradovich, and the impact on Glinka's fate and life. As a person, Fyodor Glinka was directly influenced by the events related to the anti-Napoleonic campaign of 1805 – 1806, the Patriotic war of 1812, and the foreign campaigns of the Russian army of 1813 – 1815. An officer of the Apsheron infantry regiment, he began as an ensign and ended his military career as a Colonel, a writer and poet, a chronicler of three wars, editor of the first «Military magazine» and organizer of the military library, a Decembrist and philanthropist. This is not a complete «service record» of Glinka before the December uprising of 1825. M. A. Miloradovich played a visible role in this various acts and functions of F. N. Glinka.

© Зайцева Н. В., 2020

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 65 – 77.

The article clarifies the facts concerning the military service of F. N. Glinka and his personal relations with M. A. Miloradovich. This allowed us to correct the biographical data of Glinka, which are based on the research of his social and literary activities. The author of the article adheres to the point of view of the historian A. G. Tartakovsky, who believes that «Letters of a Russian officer» are not simply memoirs. The author believes that «Letters» have a complex genre structure, where the documentary material is woven into the texture of artistic and journalistic essay, and the subjective narrative is adjacent to the objective in the absence of a clear border between them. In addition, Glinka's autobiography, written at a fairly old age, is full of author's inaccuracies and conjectures, which become apparent only in the context of comparing the specific facts set out in the autobiography and in the «Letters of a Russian officer», with the involvement of archival documents.

Ключевые слова: Ф. Н. Глинка, М. А. Милорадович, «Письма русского офицера», адъютант, декабрист, формулярный список.

Keywords: F. N. Glinka, M. A. Miloradovich, «Russian Letters officer», the adjutant, the Decembrist, the record of service.

Федор Николаевич Глинка — оригинальный русский поэт, публицист, прославленный боевой офицер, яркий представитель раннего декабризма, активный общественный деятель с высокой гражданской позицией и своеобразный мыслитель XIX в. — относится к той когорте русских офицеров, для которых 1812 г. стал поворотным в развитии их самосознания, в силу чего они часто называли себя «детьми 1812 года». Важную роль в его жизни и судьбе сыграл М. А. Милорадович, выдающийся полководец, генерал от инфантерии, военный генерал-губернатор Петербурга и член Государственного совета при российском императоре.

К моменту личного знакомства Ф. Н. Глинки с Милорадовичем за плечами 35-летнего генерала было участие в Шведско-русской войне, в Итальянском и Швейцарском походах. Начав свою военную карьеру с прапорщика, генеральский чин любимец Суворова получил в 27 лет. Одновременно он был назначен шефом Апшеронского 81-го пехотного полка, который по распоряжению Павла I получил название «мушкетерский генерал-майора Милорадовича». В него после окончания Первого кадетского корпуса в чине прапорщика был определен Федор Глинка.

Два взаимосвязанных события на момент формирования личности Глинки в стенах кадетского корпуса и по выходе из него оказали огромное влияние на его жизнь. Об этом Глинка пишет в своих воспоминаниях, подчеркивая их основополагающее значение. Первое событие связано с появлением на последнем курсе кадетского корпуса нового катехизатора (учителя закона Божьего) Михаила. По свидетельству Федора Николаевича, семена, брошенные красноречивым оратором в его душу, «пришлись по земле и скоро дали росток. В течение нескольких месяцев поведение многих кадет стало принимать совсем особый характер» [6, с. 41]. Прощаясь с кадетским корпусом, Глинка, как и другие кадеты-выпускники, под воздействием бесед Михаила дал обет «не

кривить никогда душою, говорить всегда правду» [6, с. 41, 42]. Характерно, что именно на признании этих условий Ф.Н. Глинка согласился впоследствии стать адъютантом генерала М. А. Милорадовича. Встреча с ним стала для Глинки вторым событием, которое существенно повлияло на его судьбу.

Согласно формулярному списку Ф.Н. Глинки, его зачисление в Апшеронский пехотный полк «по личному распоряжению Его Императорского Высочества Цесаревича Константина Павловича» состоялось в 10 июня 1802 г. [26, л. 12 об. — л. 13] после завершения учебы в Первом кадетском корпусе, который на то время квартировался в Волыни. В своих воспоминаниях Глинка пишет, что впервые о графе Милорадовиче он со своими сотоварищами — пятью прапорщиками, такими же выпускниками-кадетами — услышал в Киеве. Через него они ехали к месту своего назначения. «Там знали этого молодого генерала, — вспоминал Глинка, — одного из русских героев в Италии — обвешанного крестами (тогда это было редко!), пылкого на войне, любезного и даже пленительного в обхождении с прекрасным полом. Но еще более подробностей узнали мы о нем, проезжая Волынь. Там гремели обе его славы — военная и разгульная. <…> Много было патриархального в тогдашней военной жизни. Офицеры любили Милорадовича, а солдаты — обожали». «Новоприбывших» представили Милорадовичу, а затем разместили по ротам [5, с. 373—374].

Личным «полковым адъютантом» Милорадовича с одновременным производством в чин поручика Глинка был назначен 11 сентября 1806 г. [26, л. 12 об. — л. 13][1]. За четыре года пребывания в полку в жизни юного офицера много чего произошло. Первый год Глинка прожил «в степи», в хате волынского крестьянина, без книг и без общества, «сущим анахоретом». Именно тогда, намекает Глинка, случились некоторые обстоятельства, «и мелочные и важные, сблизившие его с Милорадовичем». Но Глинка не стал «описывать» всех этих обстоятельств, остановившись на одном, самом важном, — визите к Милорадовичу, который случился ранней осенью 1803 г.

Инициатива исходила от самого генерала, потребовавшего Глинку к себе прямо с несения караула. Милорадович принял его в своем кабинете, пожелав с ним лично познакомиться по рекомендации полковника Инзова. Он попросил Глинку почитать ему книгу на французском языке, сославшись на больные глаза, простуженные в горах Италии. Чтение Глинки Милорадович временами прерывал, заводя разговор. «При сей верной оказии, — пишет Глинка, — я выгружал все, чем наделило меня корпусное ученье, по части истории и географии. Мы говорили также о войне и политике, касались даже предметов философии. Школьные познания тогда еще были свежи в памяти моей. <…>

[1] А.К. Жизневский в биографии Глинки указал 11 сентября 1806 г. как день, в который Глинка вышел в отставку. Но это утверждение противоречит записи в формулярном списке. Согласно этому списку, Глинка уволился из армии 18 сентября 1806 г., то есть личным адъютантом Милорадовича («полковым адъютантом») в военной кампании 1805—1806 гг. он пробыл всего лишь неделю.

"Я очень вами доволен, — сказал генерал. — Приходите завтра обедать; мы познакомимся короче"» [5, с. 383—384]. Очевидно, именно с этого момента Глинка с Милорадовичем стали сближаться.

Спустя два года началась антинаполеоновская военная кампания 1805—1806 гг. Ф.Н. Глинка, принимавший в военных событиях самое непосредственное участие, «в мимолетные часы досуга» записывает свои впечатления «от трудного, почти безостановочного похода». Эти «походные записки» потом легли в основу «Писем русского офицера о Польше, Австрийских владениях и Венгрии: С подробным описанием похода россиян противу французов, в 1805 и 1806 годах». В составе Апшероновского полка Глинка принял свой первый бой в битве при Браунау 24 октября 1805 г., где, находясь на передовой, чуть не погиб. Милорадович выделил храброго подпоручика (в этот чин Глинка был переведен в 1803 г.), взяв его с собой посмотреть защиту переправы через реку Энс во время «ретирады» русских войск от Браунау до Кремса [11, с. 12]. Глинка со своими сотоварищами по полку, прорвавшими передовую оборону французов и доставшими «победу концом своего штыка», 30 октября принимал участие в следующем бою. А 31 октября он записывает: «Вчерашний день был я окружен тысячью различных смертей, видел беспрестанно лиющуюся кровь, слышал свисты пуль — и остался жив» [11, с. 13]. Ходил Глинка в штыковую атаку и в сражении при Аустерлице.

Очевидно, Милорадовичу не мог не импонировать храбрый молодой офицер, прямой и честный в своих высказываниях, интересный собеседник. Сам генерал был человеком образованным. Милорадович отучился четыре года в Кёнигсбергском университете под руководством Канта, два — в Гёттингентском, после чего в Страсбурге и Меце он закреплял свои военные знания по фортификации и артиллерии. Спустя без малого сорок лет, Глинка в своих воспоминаниях поведал о том, почему Милорадович проявил настолько большую заинтересованность в нем, двадцатилетнем подпоручике, что настойчиво предложил стать ему его личным адъютантом.

Это важное для судьбы Глинки событие произошло в одном из городов Польши, где стояли русские войска. В своих воспоминаниях, посвященных Милорадовичу (третий отрывок), он пишет о балах в «редутах» («так назывались дома собрания в городе», — объясняет Глинка), где русские офицеры, погруженные в «обаятельную стихию беспечности», «с молодостью в жилах… плясали до утренней зари, потом шли на развод, на парад, и делали свое дело». На одном их таких балов, «откружась в вальсе», Милорадович, завидя Глинку, стал его ловить, и, прижав к стене, «начал зазывать к себе в адъютанты». Глинка стал решительно отговариваться и отнекиваться. Милорадовича это удивило и даже немного рассердило, он потребовал объяснений. «Ваше Превосходительство! — стал объяснять Глинка, — в полку носится молва, что вы требуете от своих адъютантов, чтобы они забавляли вас рассказами о том, что говорится и делается в застольных и вечерних беседах офицерских; говорят, что вы любите приветное слово на счет ваш и колкое

насчет других… Меня в короткое время полюбили в полку и признаюсь, не хотелось бы мне сделаться вдруг человеком, перед которым станут дичиться товарищи!» В ответ он услышал от генерала: «“Те, которые сами напрашивались ко мне, не зная, чем занять меня, приносили всякие дрязги и делали из себя полковую газету. Мне гораздо интереснее, когда мне что-нибудь интересное читают; я люблю слушать книгу и говорить о деле. Я сам люблю правду”. Так я был назначен полковым адъютантом» [6, с. 45—46].

Глинка подал в отставку 18 сентября 1806 г. Болезненный от природы, он серьезно расстроил свое здоровье «тридцатисуточным денно-ночным походом от Браунау до Аустерлица, ночлегами на сырой земле, к которой примерзала одежда, недостатком в пище» [10, с. 7]. «За службу» Милорадович подписал ему «одобрительный аттестат» [2]. Федор Николаевич отправился в свое родовое имение, располагавшееся в Сутоках Духовщинского уезда Смоленской губернии, где обустроился на 6 лет. Местным сословием дворян 30 января 1807 г. он был избран сотенным начальником смоленского ополчения [26, л. 12. об. — л. 13].

Еще будучи на военной службе, Глинка неожиданно почувствовал тягу к творчеству, но только выйдя в отставку он начал пробовать писать. Первым его стихотворным опытом стало стихотворение «Глас патриота», напечатанное в Смоленске «по случаю народного ополчения 1807 года» [10, с. 6]. Далее Глинка публиковал в журнале своего брата С.Н. Глинки «Русский вестник» несколько стихотворений патриотического содержания, среди которых были пространные «Стихи Его Превосходительству Михайле Андреевичу Милорадовичу» (1808). В них в духе «бурных» ломоносовских од Глинка не только воспел «героя отечества», но и набросал краткий очерк военных подвигов генерала, разъясняя в сносках поэтически зашифрованные места. В этих стихах он выразил также личную признательность Милорадовичу за его «благость» по отношению к нему и «ласки», которыми он его «ободрял» [9]. Михайлу Андреевичу Милорадовичу он посвящает и свою трагедию «Вельзен, или Освобожденная Голландия», которую он завершил все в том же 1808 г. (под посвящением Милорадовичу стоит дата 15 сентября 1808 г., что дало право исследователям атрибутировать окончание написания трагедии указанным годом). В 1810 г. трагедия «Вельзен» была издана, если судить по предисловию, в количестве 600 экземпляров, из которых на благотворительные цели предназначалось 500 экземпляров [4, с. 311].

Советскими исследователями глинковский «Вельзен» был признан ранним памятником декабристской литературы [1, с. 92; 4, с. 306; 15, с. 89; 17, с. 214]. В подобном определении видится идеологическая установка, так как эта пьеса Глинки не содержит декабристских идей — на их становление и формирование оказали определяющее влияние события Отечественной войны 1812 г. и заграничные походы русских войск 1813—1814 гг. А эти события были еще впереди. Трагедия Глинки по своему содержанию и проблематике в полной мере вписывается в контекст просветительской политической трагедии конца последней трети XVIII в., где борьба с тираном, узурпатором власти является «общим

местом» («Димитрий Самозванец» А.П. Сумарокова, 1770; «Сорена и Замир» Н.П. Николева, 1785; «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжнина, 1789). При этом авторы тираноборческой трагедии ни в коей мере не посягают на «священность» самодержавной власти как таковой. Речь в их произведениях идет именно о тирании как нарушении «разумной нормы».

«Вельзен» Глинки заряжен теми же идеями, что и трагедии его предшественников, по отношению к которым он, начинающий писатель, выступил учеником. Это борьба истинного патриота Голландии, воплощенного в вожде восстания Вельзене, с тиранией, которую в пьесе представляет «похититель голландского престола» злодей Флоран. Аллюзионность, присущая политической трагедии ощущалась современниками и в «Вельзене». Образ тирана Флорана наводил на мысль о современном «узурпаторе» Европы Бонапарте, а посвящение Милорадовичу, герою недавних битв против Наполеона, проводило отчетливую параллель между русским генералом и патриотом Вельзеном, борющимся за правое дело.

Пребывая в отставке, Глинка начинает приводить в порядок свой дневник походных впечатлений, навеянных событиями 1805—1806 гг. Он оформляет его в виде «писем» — жанра, получившего в России огромную популярность благодаря «Письмам русского путешественника» Н.М. Карамзина. В 1808 г. в Москве выходят первые три части «Писем русского офицера», имевшие ошеломляющий успех у читателей и получившие благожелательные отзывы у критики. Среди почитателей литературного таланта был и сам М.А. Милорадович. В декабре 1809 г. Глинка получает от него теплое письмо (генерал в это время служил в Бухаресте, что не мешало ему следить за отечественными книжными новинками). Это письмо послано Милорадовичем в ответ на послание Глинки: «Я с наичувствительнейшей благодарностью читал дружеское письмо Ваше и с большим восхищением. Поведение ваше касательно меня столь редкое, что только одному Вам, любезному нраву Вашему может быть свойственно. Я чувствую всю цену сему, почитая и любя Вас с давнего уже времени. Письма русского офицера столь же милы, как их сочинитель, я читал их с сугубым удовольствием, припоминая прошедшее и приятного моего сотоварища» [22, л. 1].

Война застает Глинку в родовом имении. В гражданском платье, без документов (они сгорели вместе с отцовским домом, который захватили французы), он присоединяется к отступающим русским войскам. В своей краткой автобиографии, написанной спустя 50 лет, он отметил, что его отъезд из Суток был связан с тем, что Милорадович лично вызвал его «собственноручным письмом, по нарочной эстафете… на службу» [10, с. 7]. В это время генерал под Калугой формировал полк для действующей армии.

Между тем, версия о «личном вызове» Глинки к Милорадовичу опровергается самим же Глинкой в его «Письмах русского офицера», написанных по горячим следам событий. В записи от 1 октября, которую он сделал, уже находясь в Тарутинском лагере, он сообщает: «Я приехал сюда также с тем, чтоб непременно определиться в полк. Но мне

надо было найти генерала, который, зная прежнюю мою службу, принял бы бедного поручика хотя тем же чином, несмотря на то что все свидетельства и все аттестаты его остались в руках неприятеля и что на нем ничего более не было, кроме синей куртки, сделанной из бывшего синего фрака, у которого от кочевой жизни при полевых огнях полы обгорели. Я пошел к генералу от инфантерии Милорадовичу, живущему в авангарде впереди Тарутинской позиции. Он узнал меня, пригласил в службу; и я уже в службе — тем же чином, каким служил перед отставкой и каким отставлен, то есть поручиком, имею честь находиться в авангарде, о котором теперь гремит слава по всей армии» [8, с. 40].

«Письма русского офицера» также опровергают и утверждения некоторых исследователей о том, что Глинка по пути в Тарутино, куда он следует «волонтером» вместе с отступающими войсками, рядом с простыми солдатами выполняя «все солдатские обязанности и ходит в бой как рядовой. <…> В этом звании он участвует и в Бородинском сражении» [16, с. 313—314; 19, с. 166; 28, с. 35—36]. Но ни в «Письмах…», ни «Автобиографии» Глинка не сообщает о своем участии в боевых действиях до того момента, пока он не прибывает в Тарутино. А до этого момента он пока еще не участник боев, а зритель, летописец событий. В «Автобиографии», где он о себе пишет в третьем лице, Глинка прямо говорит: «Он видел и описал отражение и пожар города Смоленска», а на поле Бородина, «находясь на главной батарее подле Кутузова, видел и описал картину исполинской битвы Бородинской» [10, с. 7]. Все это вполне соответствует дневниковым записям «Писем русского офицера», где он подробно описывает, как он добирался в Тарутино. И только здесь он принимает свой первый бой после военной кампании 1805—1806 гг. Об этом он сообщает в записи от 7 октября: «После шести мирных лет я опять был в сражении, опять слышал шум ядер и свист пуль» [8, с. 41]. Речь здесь идет об участии Глинки в удачной для русских войск масштабной «ночной экспедиции при разбитии авангарда короля Неаполитанского» [26, л. 13—14], руководимой генералом Бенигсеном, в которой «генерал Милорадович командовал частию пехоты, почти всею кавалерию и гвардиею» [8, с. 41].

Согласно формулярному списку, 1 октября 1812 г. Ф.Н. Глинка «по случаю Отечественной войны вступил паки в военную службу» и был назначен в Апшеронский пехотный полк «шефским адъютантом» [26, л. 13. об.-л. 14], то есть личным адъютантом Милорадовича. Скорее всего, эта запись была сделана задним числом. Это подтверждают два рапорта, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве. Первый рапорт Ф.Н. Глинки от 5 октября 1812 г. составлен им на имя Александра I, в нем он просит государя вновь определить его в Апшеронский мушкетерский полк [12, с. 148—149]. Второй рапорт М.А. Милорадовича от 10 октября 1812 г. адресован генерал-фельдмаршалу М.И. Кутузову, где генерал поддерживает прошение Глинки и дает ему блестящую аттестацию как «отличному и достойному офицеру» [20, с. 149]. Вполне возможно, что именно участие Глинки в «ночной экспедиции» в ночь с 6 на 7 октября сыграло определяющую роль в

том, что Милорадович ходатайствует за восстановление Глинки в качестве его личного адъютанта. С этого момента Глинка находится в авангарде полка Милорадовича, где «кроме повседневных сшибок» с врагом участвует в сражениях при Вязьме (22 октября) и Дорогобуже (26 октября). После чего в преследовании неприятеля «фланговым маршем до города Красного» он принимает бой с противником при деревне Ржавке (3 ноября), селах Аверлине и Уварове (4 и 5 ноября), 6 ноября участвует в сражении за город Красное, а далее в составе полка преследует неприятеля через Борисов до рек Березина и Неман [26, л. 14]. Потом будут Польша, Силезия, Саксония, участие в генеральном сражении при городе Баутцене (7—8 мая 1813 г.).

Изложение глинковедами биографических данных Федора Николаевича, фиксирующих его участие в заграничном походе русских войск, весьма противоречиво. И связано это с тем, что многие исследователи рассматривают «Письма русского офицера» как сугубо мемуарный документальный источник, а потому выстраивают биографию Глинки, следуя канве повествования «Писем». Исходя из этого, ряд биографов и исследователей творчества Ф. Н. Глинки утверждает, что в зарубежном освободительном походе он вместе с М. А. Милорадовичем дошел до Парижа [13, с. 181; 14, с. 5; 18, с. 7; 23, с. 157].

Между тем Тартаковский, погрузившийся в текстологическое изучение глинковских «Писем», первым обратил внимание на то, что они не являются мемуарами в строгом смысле этого слова, а являют собой очень сложную структуру, что нивелирует их тотальную документальность [25, с. 197—201]. Опираясь, в первую очередь, на письма Ф. Н. Глинки к А. И. Михайловскому-Данилевскому (от 3 ноября 1813 г.) и А. Я. Булгакову (от 18 февраля 1814 г.), а также на письмо Михайловского-Данилевского к Глинке (от 25 июня 1814 г.), исследователь приходит к выводу, что «Глинка проделал только зимне-весеннюю кампанию 1813 г. и еще до окончания перемирия, в июле, отправился из Рейхенбаха на родину. В начале сентября он прибыл в Смоленск, поселившись в своем имении, и оттуда наезжал в Москву… <…> И лишь во второй половине марта 1814 г., уже после заключения Парижского мира, Глинка выехал из России в европейские страны, к тому времени освобожденные от наполеоновского господства, в июне 1814 г. добрался до Парижа, где застал русские войска готовящимися к возвращению на родину, пробыл здесь несколько недель, двинулся в обратный путь, вернувшись снова в Россию летом 1814 г. <…> …В летние месяцы 1815 г., в связи с открытием военных действий против Наполеона, Глинка снова в рядах армии, участвуя в кратковременном походе гвардейского корпуса, двинутого из Петербурга на помощь союзным войскам, но остановленного в Вильне» [25, с. 192]. Это подтверждается и формулярным списком, где зафиксировано, что Глинка «Из города Рейхенбаха во время перемирия с неприятелем командирован был в Россию вследствие предписания данного от начальника штаба Авангардных войск от 19 июня 1813 года за номером 451. <…> …И при вторичном походе с Гвардиею доходил чрез Литву до города Вильны и обратно до С. Петербурга» [26, л. 17, 18].

В это время Глинка продолжал состоять на военной службе. Он получил чин штабс-капитана 10 августа 1815 г., а 1 февраля 1816 г. его перевели в «лейб-гвардии Измайловский полк, с назначением состоять при гвардейском штабе», который после заграничного похода с октября 1815 г. располагался в Петербурге. Чин капитана ему дают 30 июня 1816 г., а через полтора года, 20 января 1818 г., — полковника. Непосредственным начальником Глинки на тот момент являлся командир полка генерал-лейтенант М. Е. Храповицкий.

Слава Глинки-литератора росла. В 1815—1816 гг. выходят 8 частей его «Писем русского офицера», диапазон которых значительно расширен за счет «мирных» и «военных» впечатлений автора от событий «Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год». Материалы первой книги, вышедшей в 1808 г., уложились здесь меньше, чем в одну часть. Многие военные и мирные события поданы Глинкой в «Письмах» сквозь призму деяний М.А. Милорадовича[2]. В 1818 г. журнал «Сын Отечества» (ч. 45, 46) напечатал подборку военных стихотворений Глинки, среди них «Авангардные песни», героем которых выступил Милорадович, летящий перед строем «вихрем на коне» и ведущий русских воинов к победе. Эти песни, положенные на известные мотивы, распевали не только среди простого народа, но и в петербургских салонах. Сам Глинка «сверх обыкновенных занятий по службе» исполнял в Измайловском полку «особенные поручения», среди которых — издание «Военного журнала», учрежденное «Обществом военных людей» при штабе Гвардейского корпуса, действительным членом которого он является.

М.А. Милорадович 19 августа 1818 г. был назначен военным генерал-губернатором Санкт-Петербурга с обязанностью «ведать» политическим сыском в столице. Спустя семь месяцев, 11 марта 1819 г., по «высочайшему повелению» Ф.Н. Глинка был переведен (с сохранением звания, оклада и права ношения прежнего мундира) в распоряжение военного генерал-губернатора и стал заведующим его канцелярией, а также чиновником по особым поручениям. О новых деликатных обязанностях Глинки в формулярном списке записано следующее: «Сверх того употребляем был с сведением и по повелению Государя Императора к производству исследований по предметам заключающим в себе важность и тайну, и был Старшим с Высочайшего следователем в особенной следственной комиссии; также находился у приема прошений» [26, л. 14 об. — л. 15].

За «высочайшим повелением», конечно, стояло личное ходатайство Милорадовича, который хотел видеть Глинку возле себя в качестве собеседника, помощника и сотрудника. После того как в «заграничной» войне 1813—1814 гг. их пути разошлись, оба они вели активную пере-

---

[2] В 1814 г. Глинка также издал книжку «Подвиги графа Михаила Андреевича Милорадовича в Отечественную войну 1812 года, с присовокуплением некоторых писем разных особ», в которой он воспел военные доблести генерала. В 1818 г. он опубликовал, «сочиненное» им же «Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича».

писку; Глинка выполнял какие-то личные поручения Милорадовича вроде покупки и пересылки картин и книг. Зная о стесненном финансовом положении Глинки и желая его личного присутствия в своей жизни, Милорадович из Санкт-Петербурга написал 11 декабря 1814 г. к Ф.Н. Глинке большое письмо, в котором, помимо всего прочего, сообщил, что «нанял здесь прекрасный и обширный дом, в котором и для вас квартира готова» [22, л. 3]. Когда в 1818 г. Глинка перешел на службу к Милорадовичу, ему была по распоряжению генерала предоставлена бесплатная квартира на Театральной и дрожки из придворных конюшен для разъездов, хотя по служебному положению все это ему не полагалось.

Период пребывания Глинки на службе у генерал-губернатора Милорадовича являлся одним из самых изученных в его биографии и, вместе с тем, одним из самых запутанных и непроясненных. Сам Глинка обычно избегал рассказывать об этом этапе своей жизни, связанной с деятельностью декабристов. «В то время он, — пишет В.Ф. Шубин, — активный участник чуть ли не всех столичных обществ: "Зеленой лампы", Ланкастерского, "соревнователей", масонской ложи "Избранный Михаил". В 1818 г. он стал фактическим руководителем Общества соревнователей и, можно сказать, его душой» [27, с. 121]. На этом поприще Глинка активно занимался благотворительностью и филантропической деятельностью. Известно, что настойчивое заступничество Глинки перед Милорадовичем за попавшего в опалу Пушкина, подвигло генерал-губернатора лично просить Александра I за опального поэта, и ссылка Пушкина на Соловки или в Сибирь была заменена его переводом по службе на Юг.

В.Г. Базанов, изучивший объемный корпус материалов по декабристскому движению и по деятельности Ф.Н. Глинки, выдвинул предположение, что «чиновник по особым поручениям» Глинка был при Милорадовиче «организатором декабристской "контрразведки"» [3, с. 207—208, 321]. «Контрразведывательная» деятельность Ф.Н. Глинки, по мнению исследователя, выражалась в выявлении и нейтрализации (с помощью М.А. Милорадовича) доносов и действий доносчиков (А.Н. Ронова, В.Н. Каразина, М.К. Грибовского и др.) и в своевременной информации своих коллег по «Обществу» о грозящей им опасности. В своем утверждении исследователь ссылается на воспоминания М.А. Фонвизина, а также на показания С.П. Трубецкого, В.И. Штейнгеля и К.Ф. Рылеева, данные ими во время следствия. Сам же Глинка, давая в Следственном комитете показания, настаивал на том, что его «сношения» с подследственными осуществлялись лишь по линии «словесности, а с некоторыми по встречам в домах». Свою же неосведомленность о «тайном обществе» и намерениях его членов он связал с тем, «что они считали меня принадлежащим полиции по частым моим сношениям с графом Милорадовичем» [24, с. 96].

Ища в Милорадовиче союзника, Глинка не всегда получал его поддержку. Так случилось, например, в его столкновении с правителем канцелярии Милорадовича В.Н. Геттуном, взяточником и продажным

чиновником, которому, тем не менее, генерал-губернатор благоволил и верил, по его словам, «как пророку». Шубин отмечает, что «по-видимому, неудачная попытка разоблачения Геттуна привела к ухудшению отношений Глинки и Милорадовича осенью 1820 года» [23, с. 158]. Очевидно, уже тогда Глинка предпринял первую попытку уйти от Милорадовича, который на тот раз сумел его уговорить остаться. Об этом, в частности, А.И. Тургенев из Петербурга сообщает князю Вяземскому в своих письмах: «…Милорадович грозит ему (Глинке. — *Н.З.*) за то, что не хотел служить при нем» (от 8 сентября 1820 г.); «Он опять при графе Милорадовиче, который ласками, извинениями, но более всего пользою службы убедил его остаться при нем» (от 6 октября 1820 г.) [21, с. 62, 84].

Спустя год произошла очередная размолвка. Внешним поводом послужили дрожки, которые были отобраны у Глинки под предлогом того, что по его недогляду они были сломаны. Это «неправое обвинение» он принял как личное оскорбление. В своем полном обиды послании Глинка попросил отставки от должности и перевода его армейским полковником, что позволило бы ему, по его словам, отправиться «в такую губернию, где можно жить дешево и поправить здоровье» [23, с. 161]. Глинка согласно его «прошению» 5 июня 1822 г. был переведен из гвардии в армию с «с сохранением жалованья и прочего по чину полковника» [26, л. 15 об. — л. 16]. При этом он лишался служебной квартиры и других привилегий «чиновника по особым поручениям» при Милорадовиче.

Но расстался ли по службе Глинка с Милорадовичем? Этот вопрос остается открытым. Шубин считает, что Глинка продолжал выполнять отдельные поручения Милорадовича, среди которых, в частности, была разработка «Проекта Записки о смягчении наказаний за воровство во всех его видах», которую Шубин обнаружил в архиве Н.С. Мордвинова с припиской «Сия записка составлена по воле высшего начальства бывшим гвардии полковником Ф. Глинкою в 1822 г.». Опираясь на архивный материал, исследователь указывает на то, что сохранились и личные отношения Глинки и Милорадовича [23, с. 159—160]. Также из следственного дела известно, что Глинка утром 14 декабря 1825 г. в 9 часов был у графа Милорадовича, «от коего услышал, что вся гвардия присягнула и что все спокойно», потом после 12 часов пешком отправился к Дворцовой площади, где узнал о ранении Милорадовича. Остаток дня он провел в конногвардейской казарме, куда отнесли смертельно раненого генерала. Туда же Глинка поспешил рано утром на следующий день, где узнал, что Милорадович скончался, и что тело его перенесли на его квартиру. Глинка поспешил туда, чтобы отдать дань памяти погибшему генералу. На следствии он плача говорил: «Я… вошел в траурную комнату. Покойный уже лежал на столе, как живой. Я подошел, поклонился, поцеловал руку и зарыдал… Мне вспомянулись те счастливейшие минуты его цветущей жизни и моего детства, когда я, придя к нему еще мальчиком (из корпусу по 14-му году), возрастал при нем постепенно, как и его слава… Когда я видел сего героя, сего верного слугу, который служил и прямил государю, блестящим в

лучших обществах Польши, бесстрашным на войне, с умом, который не всегда показывал, но которому иногда очень удивлялись, с детским сердцем, веселым на волшебных празднествах, которые давал среди оружия и в поле, и с той безоблачной душою, каковой уже не видала в нем столица сия…» [24, с. 96, 129].

Спустя много лет Н.Ф. Глинка в воспоминаниях, опубликованных на страницах «Московитянина», именно таким и представил «своего знаменитого генерала»[3]. «Золотая старина» из дальних сороковых годов превращалась в «свиток, исписанный радужными чернилами» [6, с. 42], а молодой генерал Милорадович на фоне этой «золотой старины» представал перед читателями во всем своем дружелюбном обаянии, пылкости и душевной предрасположенности к людям, которых он любил и ценил.

Список источников и литературы

1. *Архипова А.В.* Литературное дело декабристов. Л., 1987.

2. *Аттестат*, выданный М.А. Милорадовичем отставному Апшеронского мушкетерского полка поручику Ф.Н. Глинке. 26 ноября 1806 // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 472. Л. 1.

3. *Базанов В.Г.* Ученая республика. М. ; Л., 1964.

4. *Бочкарев В.А.* Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1825) // Ученые записки Куйбышевского педагогического института. Куйбышев, 1959. Вып. 25. С. 306—324.

5. *Глинка Ф.* Мои воспоминания о графе Михайле Андреевиче Милорадовиче // Московитянин. 1841. Ч. 2, №4. С. 372—384.

6. *Глинка Ф.Н.* Взгляд на прошедшее. 1-й кадетский корпус. Волынь и дальнейшие сношения мои с Милорадовичем // Московитянин. 1846. Ч. 2, №2. С. 33—46.

7. *Глинка Ф.Н.* Письмо к Блудовой Антонине Дмитриевне 1854 г. // НИОР РГБ. Шифр: Ф-359.М-8228—20

8. *Глинка Ф.* Письма русского офицера, о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и Заграничной войны с 1812—1815 год : в пяти частях. М., 1870.

9. *Глинка Ф.Н.* Стихи его Превосходительству Михайле Андреевичу Милорадовичу // Собрание стихотворений о графе Милорадовиче. Киев, 1870. С. 9—11.

10. *Глинка Ф.* Избранное. Петрозаводск, 1949.

11. *Глинка Ф.* Письма русского офицера (извлечения) // Декабристы. Проза. Литературная критика. Т. 2. Л., 1975. С. 7—74.

12. *Глинка Ф.Н.* Прошение отставного поручика Ф. Н. Глинки на имя Императора Александра I // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. : альманах. Т. 7. М., 1996. С. 148—149.

13. *Греков В.Н.* Глинка Федор Николаевич // Русские писатели : биобиблиографический словарь : в 2 ч. Ч. 1. М., 1990. С. 181—182.

---

[3] «Знаменитым генералом моим» назвал Глинка Милорадовича в своем письме к А.Д. Блудовой, в котором он просит ее 100 экземпляров стихотворения «Ура!», написанном на подвиги русских солдат в Крымской войне, послать сербам; в их судьбе графиня, по словам Глинки, принимала «благородное, деятельное и теплое участие». Этот порыв Глинки был связан с памятью о Милорадовиче, который «был родом серб» [7].

14. *Жизневский А.К.* Федор Николаевич Глинка. Тверь, 1890.

15. *История* русского драматического театра : в 7 т. М., 1977. Т. 2.

16. *Карпец В.* «И мне равны и миг, и век…» // Глинка Ф. Сочинения. М., 1986. С. 309—328.

17. *Королева Н.* Декабристы и театр. Л., 1975.

18. *Кошелев В.А.* Рассуждение о необходимости деятельной жизни // Литература в школе. 1997. №4. С. 4—18.

19. *Максимов Е.* «Вот мчится тройка удалая…» // Русь. 1992. №3. С. 163—173.

20. *Милорадович М.А.* Рапорт генерала от инфантерии М.А. Милорадовича генерал-фельдмаршалу Кутузову М.И. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. : альманах. Т. 7. М., 1996.

21. *Остафьевский* архив: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1820—1823. Т. 2. СПб., 1899.

22. *Письма* М.А. Милорадовича к Ф.Н. Глинке. На русском и французском языках. 13 декабря 1809 — 11 апреля 1822 <1810—1820-е> // РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 330. Л. 19.

23. *Письмо* Ф.Н Глинки к М.А. Милорадовичу (публикация и вступительная статья В.Ф. Шубина) // Русская литература. 1986. №2. С. 156—164.

24. *Следственное* дело Ф.Н. Глинки // Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. 20. М., 2001. С. 93—508.

25. *Тартаковский А.Г.* К изучению текста «Писем русского офицера» // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. 1981. М., 1982. С. 190—208.

26. *Формулярный* список о службе и достоинстве Советника Олонецкого губернского правления, Коллежского Советника и Кавалера Федора Николаева сына Глинки. 1830 года. Копия // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 754. Архив Ивана Александровича Иванова. Л. 12—20.

27. *Шубин В.Ф.* Поэты пушкинского Петербурга. Л., 1985.

28. *Ястребова Н.Г.* Народно-поэтические истоки творческой индивидуальности Ф.Н. Глинки : дис. … канд. филол. наук. Чебоксары, 2005.

Об авторе

Наталья Валерьевна Зайцева — учитель истории, школа №402 им. Алии Молдагуловой г. Москвы, Россия.

E-mail: zajtseva2019@mail.ru

The author

Nataly V. Zaytseva, teacher of history, Aliya Moldagulova school №402, Moscow, Russia.

E-mail: zajtseva2019@mail.ru

УДК 9:94(4)

С. С. Ходячих

СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ. ПОКАЗАНИЯ СТАНИСЛАВА ДУБЕЛЯ НА ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ РУДОЛЬФА ХЕССА

Анализируется жизненный путь бывшего польского заключенного нацистского концентрационного лагеря Аушвиц Станислава Дубеля (1910 – ?), который в период с 1942 по 1944 гг. работал садовником на вилле коменданта Аушвица Рудольфа Хесса и впоследствии стал одним из главных свидетелей обвинения на процессе по его делу. Процесс состоялся в Варшаве в марте 1947 г. и продлился 18 дней. Помимо Дубеля, на нем выступили другие поляки – бывшие узники Аушвица, однако именно показания Станислава были наиболее полными и содержали много важных подробностей. Пройдя все круги аушвицкого ада, Дубель после освобождения из концлагеря вернулся к нормальной жизни и в 1947 г. выступил против Хесса. Именно благодаря показаниям Дубеля, которые являются не только важным юридическим, но и историческим источником, удалось восстановить часть его биографии. В настоящей статье поставлена задача проанализировать показания Дубеля на процессе по делу Хесса, оценить степень их достоверности и показать, какую роль они играют в реконструкции повседневной жизни и быта заключенных, коменданта Хесса и его семьи, а также других эсэсовцев, работавших в концлагере Аушвиц.

The article analyzes the life of former Polish prisoner of the Nazi concentration camp Auschwitz Stanislaw Dubiel (1910 – ?), who between 1942 and 1944 worked as a gardener at the villa of the Auschwitz commandant Rudolf Höss, and subsequently became one of the main prosecution witnesses at his trial. The trial took place in Warsaw in March 1947 and lasted 18 days. In addition to Dubiel, other Poles – former Auschwitz prisoners testified there, but Dubiel's testimony was the most complete and contained many important details. Having gone through all the circles of the Auschwitz hell, Dubiel after his release returned to normal life and in 1947 opposed Höss. Dubiel's testimony is not only an important legal source but also a historical source, that helps historians partly restore his biography. This article aims to analyze Dubiel's testimony in the Höss's trial, evaluate its authenticity, and determine what role it plays in the reconstruction of the daily life of Auschwitz inmates, commandant Höss and his family, as well as other SS-men who worked in Auschwitz.

Ключевые слова: концентрационный лагерь Аушвиц, заключенные, нацизм, история Германии, история Польши, Вторая мировая война.

Keywords: Auschwitz concentration camp, prisoners, Nazism, history of Germany, history of Poland, World War II.

После окончания Второй мировой войны многие государства, оккупированные немецкими войсками в период с 1939 по 1945 г. или сотрудничавшие с ними в преследовании мирного населения, проводили

© Ходячих С.С., 2020
Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 78 – 90.

народные трибуналы. Одной из самых активных стран стала Польша, на территории которой размещался концентрационный лагерь Аушвиц, впоследствии один из главных символов Холокоста. Начиная с 1946 г., польские судебные власти рассмотрели сотни дел подсудимых — немцев и местных коллаборационистов.

Наиболее известное послевоенное слушание дел нацистских преступников на территории Польши состоялось в Варшаве с 11 по 29 марта 1947 г. Это был уже четвертый процесс созданного в феврале 1946 г. Верховного национального трибунала Польши. На этот раз он был направлен против бывшего коменданта концлагеря Аушвиц Рудольфа Хесса.

На процессе по делу Хесса выступили многие свидетели — бывшие заключенные, работавшие в Аушвице на разных должностях. Одним из свидетелей обвинения стал участник польского Сопротивления в 1939—1940-х гг. Станислав Дубель, исполнявший обязанности личного садовника семьи Хессов во время их пребывания в Аушвице. Это были уже вторые показания Дубеля против Хесса, ранее его вызывали в Освенцим 7 августа 1946 г., где в присутствии окружного следственного судьи Яна Зена он рассказал о своей работе на комендантской вилле [30]. Эти показания стали не только важнейшим документом по делу Рудольфа Хесса, но и неоценимым источником, позволяющим восстановить биографию самого Дубеля.

Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии показания Дубеля не становились предметом специального исследования, не говоря уже о личности самого Станислава. Западноевропейские и американские историки в основном упоминали Дубеля в контексте его заключения в Аушвице и работы в качестве садовника семьи Хессов [6, p. 143—144; 12, p. 104; 14, p. 41, 308, 309—312, 463; 16, p. 67; 17, p. 124—125; 18, p. 372; 19, p. 144—145], при этом не рассматривали его показания на процессе по делу Рудольфа Хесса, хотя они проливают свет не только на события из жизни Дубеля, но и частично способствуют реконструкции лагерного быта в целом. Удивительно, но в новейшей монографии 2018 г. «Правосудие за “железным занавесом”: нацисты на суде в коммунистической Польше» американского историка Г. Н. Файндера и его украинского коллеги А. В. Прусина о Дубеле вообще не упомянуто ни слова [11], хотя он был одной из ключевых фигур на варшавском процессе. Эти обстоятельства повышают значимость настоящей работы и актуализируют изучаемую проблему.

Анализируя протоколы свидетельских показаний Станислава Дубеля, оригиналы которых хранятся в архиве варшавского Института национальной памяти [29; 30], необходимо сделать ряд пояснений. Во-первых, Дубель отвечал только на те вопросы, которые задавали следователи и представители защиты. Во-вторых, даже когда у него была возможность обстоятельно рассказать о том, что он видел собственными глазами в доме Хесса, то говорил только то, что считал нужным. Также в его показаниях есть хронологические ошибки, связанные с банальной забывчивостью, поэтому они нуждаются в дополнительной проверке.

Наконец ключевые свидетельства, направленные против Хесса (15 марта 1947 г.), по решению суда он давал без присяги, хотя был проинформирован об ответственности за дачу ложных показаний [29, s. 77]. Эти обстоятельства препятствуют восстановлению жизненного пути Дубеля и образуют дополнительные лакуны в его биографии.

Впервые показания Дубеля были опубликованы в 1972 г. сотрудниками Государственного музея в Освенциме на английском языке в сборнике «Концлагерь Аушвиц глазами СС» [13, p. 287—292], где, помимо выдержек из воспоминаний Рудольфа Хесса, мемуаров бывшего сотрудника политического отдела лагеря Пери Броада и дневника врача Иоганна Кремера, также содержатся показания Станислава Дубеля и швеи жены Хесса Янины Щурек [Ibid., p. 293—294]. Перевод сборника на русский язык был сделан в 1975 г. [1, с. 265—272].

Показания Станислава Дубеля имеют важное значение и были включены в сборник «Концлагерь Аушвиц глазами СС» неслучайно. Дубель имел доступ в дом Хессов и был частым свидетелем того, что в этом доме происходило. К примеру, он дважды видел рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера во время его посещения Аушвица в 1943 г. и даже был участником бесед рейхсминистра внутренних дел Германии с комендантом лагеря, о чем впоследствии расскажет на следствии по делу Хесса. Более того, позднее многие свидетели обвинения, вызванные для дачи показаний против Хесса, будут ссылаться именно на Дубеля как непосредственного очевидца событий, связанных с комендантом Аушвица, так как он мог предоставить «больше информации о сотрудниках лагеря» [23, s. 362; 24, s. 310; 25, s. 245].

Станислав Дубель родился 13 ноября 1910 г. в польском городе Хожув, расположенном в Силезском воеводстве. По национальности он поляк. Его родители Клеменс и Анна Петржак были католиками и привили религиозность своему сыну. Первого сентября 1939 г., в день начала Второй мировой войны, Хожув был захвачен немецкими войсками, которым на протяжении нескольких дней давали отпор силезские ветераны. Вскоре город стал административной единицей Третьего рейха и вошел в состав Германской Силезии под названием Кёнигсхютте. На протяжении войны здесь располагалось несколько принудительных трудовых лагерей, в том числе два филиала Аушвица. Как только в Хожув вторглись немцы, в нем была создана подпольная организация, направленная на борьбу с фашистами.

С первых дней оккупации Хожува в деятельности польских партизан активное участие стал принимать Дубель. Позднее он заявил, что в его личном деле, хранившемся в политическом отделе Аушвица, отмечен факт принадлежности к некой тайной польской организации [30, s. 57], за что позднее его едва не расстреляли. В составе одного из отрядов польских партизан, действовавших на территории Верхней Силезии, Дубель воевал более девяти месяцев, пока 11 июня 1940 г. его не арестовали немецкие войска.

В период с 11 июня по начало ноября 1940 г. Дубель содержался в одной из тюрем города Катовице, который расположен всего в несколь-

ких километрах от Хожува. Оттуда его транспортировали в Аушвиц, и 6 ноября 1940 г. он оказался в одноименном концлагере, где ему присвоили номер 6059 [3]. Неизвестно точно, чем он занимался на протяжении четырех месяцев после прибытия в лагерь и на каких работах был задействован, так как, по его собственным словам, лишь в начале марта 1941 г. его назначили садовником лагерфюрера Карла Фрича и то лишь потому, что он знал немецкий язык. Проработав у Фрича до поздней осени и испытав немало унижений, в том числе побоев за малейшие провинности, в начале января 1942 г. Дубель переведен к Хансу Аумейеру, который сменил Фрича в должности заместителя коменданта Аушвица. В доме Аумейера Дубель работал до начала апреля 1942 г., затем его направили в качестве садовника-огородника к коменданту Аушвица Рудольфу Хессу.

Это был шанс, за который можно и нужно было зацепиться, и Дубель этим шансом воспользовался. Место личного садовника главного человека в концлагере Станислав получил по протекции одной из подруг семьи Фрич, которую очень впечатлила его работа в саду, после чего Дубеля к себе затребовал лично Хесс. Предшественник Дубеля был расстрелян за день до его назначения. Это был поляк родом из Кракова [29, s. 77], имя которого, к сожалению, осталось неизвестным.

К исполнению привычных обязанностей Дубель приступил 6 апреля 1942 г. По сути, это была та же работа, но в новой обстановке и с совершенно другим уровнем ответственности. Ему надлежало не просто быть внимательным и осмотрительным, но постараться любой ценой завоевать расположение Рудольфа Хесса и его супруги Хедвиг, которая активно интересовалась политикой и была в курсе всего, что происходило в Аушвице. И Дубелю снова повезло. Ему не только удалось подтвердить репутацию хорошего садовника, но и войти в доверие к Хессам. Об этом красноречивее всего говорит тот факт, что во время визитов Генриха Гиммлера в Аушвиц Рудольф Хесс, прогуливаясь по саду, беседовал с рейхсфюрером СС в присутствии Дубеля, причем предметами разговоров были далеко не праздные вещи. Также жена Хесса неоднократно ловила Станислава на краже продуктов, но всякий раз прощала, потому что сама была замешана в воровстве, о чем, в свою очередь, знал Дубель. Более того, со временем он стал действовать по прямому указанию Хедвиг, тайком брал продукты с продовольственного склада для узников и нес их прямо в дом Хессов. Позднее Дубель говорил: «Всего лишь за один год я отнес к Хессам три мешка сахара по 85 кг каждый. Жена Хесса ясно дала мне понять, что никто из эсэсовцев не должен знать об этих поручениях. Я заверил ее, что все это делаю со своим другом» [30, s. 53].

В обеспечении семейства Хессов продовольствием Станислав Дубель играл ключевую роль. Поначалу лучшие и свежие продукты с продовольственного склада садовник носил в корзине, однако со временем аппетиты жены коменданта Аушвица и ее многочисленных гостей стали расти, и Дубелю пришлось использовать тележку. Со склада в дом Хессов попадало все самое необходимое: мука, сахар, маргарин,

горох, манная крупа, макароны, какао, овсяные хлопья, различные приправы для супов, кондитерские изделия, но Хедвиг редко была довольна и постоянно говорила Станиславу, чего ей еще не хватает. Это был прямой намек на то, что он еще должен достать. «Эти продукты она использовала не только на своей кухне, но некоторые из них посылала своим родственникам в Германию, — вспоминал Дубель. — Таким же способом я снабжал кухню Хесса мясом, которое брал прямо с бойни, а также молоком» [29, s. 91, 98; 30, s. 53—54]. И если по продовольственным карточкам Хессам полагался литр с четвертью молока в день, то Дубель ежедневно брал с лагерного молочного пункта по пять литров, а по особым случаям приносил сметану. При этом молочный пункт получал деньги только за ту норму молока, которая полагалась коменданту лагеря, за остальные продукты Хессы не платили. Заключенные Аушвица отмечали, что жена Хесса часто лично приходила на молокозавод, где, помимо молока, ей давали «также овощи и другие продукты» [21, s. 139]. При этом она была болтлива и хвасталась наградами своего мужа.

Разумеется, осуществить в одиночку доставку продуктов со склада на виллу Хессов, да еще и в таких масштабах, Дубелю было не под силу. И он пошел на хитрость. Поскольку Хедвиг Хесс не давала ему ни денег, ни карточек, Станислав через своего друга Адольфа Мацейовского, работавшего на складе капо, установил тесные контакты с начальником склада унтершарфюрером СС Францем Шебеком и сыграл на его самолюбии. Дубель намекнул ему, что подслушал разговор Рудольфа Хесса, в котором комендант Аушвица вел речь о продвижении Шебека по службе. Будучи карьеристом по натуре, Шебек понял, что это его шанс сделать карьеру, поэтому стал помогать Дубелю [19, p. 144—145]. С этого времени на кухне Хессов всегда были свежие продукты.

«Служебное» положение Дубель использовал и в личных целях. Схема, придуманная находчивым садовником для снабжения семейства Хессов, работала и в отношении помощи заключенным концлагеря. Станислав брал у начальника продсклада Шебека побольше продуктов якобы лично для Рудольфа Хесса, а позднее передавал их в лагерь для узников, которые наиболее остро нуждались в еде. Также Дубель с другими поляками способствовал побегам нескольких узников Аушвица. Правда, неизвестно, насколько успешными они были. Австрийский историк Херманн Лангбейн провидит историю о том, как Дубель буквально выпросил у Хедвиг Хесс теплую куртку для новорожденного ребенка одной из заключенных Аушвица, вероятно, солгав, что именно он являлся его отцом [14, p. 463].

Иногда Дубель шел на откровенные риски. Известен случай, когда он взял на себя вину другого заключенного, обвиненного в воровстве. Работавший парикмахером в лагере поляк Юзеф Пачиньский был соседом Дубеля по бараку. Однажды он спросил своего земляка, можно ли взять несколько помидоров из огорода Хесса, на что Станислав дал утвердительный ответ. Дубель подсказал Пачиньскому, что в огород лучше попасть через расшатанную планку в заборе, отделявшую сад

Хесса от крематория, и Юзеф отправился за помидорами в одиночку. В условленном месте он нашел спрятанные ведра с луком и помидорами, но как только Пачиньский собрался уходить, появилась жена Хесса с неизвестной женщиной. Они заметили заключенного, который поклонился им и молча прошел мимо с полными ведрами овощей, но при этом ничего не сказали. Напуганный до смерти парикмахер ждал, что его в тот же вечер уведут в блок №11, или «блок смерти», где умерщвляли узников, но за ним никто не пришел. Станислав во всем признался жене Хесса и сказал, что Пачиньский забрал ведра с овощами с его согласия, то есть, по сути, всю вину за воровство взял на себя. Этот случай еще раз доказывает то, что между Хедвиг Хесс и Станиславом Дубелем установились особые рабочие отношения, и жена коменданта Аушвица не тронула садовника только потому, что он еще какое-то время был ей нужен. По словам историка Л. Риса, она «не потребовала наказать безымянного заключенного, которого поймала на воровстве, — а она легко могла это сделать — чтобы не наказали того, с кем она какое-то время имела дело» [17, p. 125]. Эпизод был исчерпан и забыт, но стал хорошим уроком и для Пачиньского, и для Дубеля, ведь «подобный опыт для многих заключенных был ключом к выживанию: если нацисты считали тебя полезными для них, ты продолжал жить, по крайней мере, еще какое-то время» [16, p. 67].

Работа в саду коменданта лагеря открывала Дубелю новые возможности. Имея практически неограниченный доступ к продуктам, он мог себе позволить взять что-то из еды лично для себя, что стало ключевым фактором выживания в аушвицком аду. Рудольфу Хессу нужен был здоровый и физически сильный садовник, который выполнял бы все его поручения и, помимо основной занятости в огороде, делал различную работу по дому. Это было особенно важно, так как дети коменданта часто гуляли на улице, где они могли столкнуться с заключенным поляком, поэтому у Хесса не должно было возникнуть даже малейших подозрений на какую-либо физическую неполноценность своего работника. По словам Дубеля, Хесс требовал от него чистоты, «дважды в неделю менять нижнее белье и иметь больше вещей», так как «волновался не о моем здоровье, а только чтобы я не принес его детям тиф или другую лагерную болезнь». Из-за боязни заразиться тифом комендант лагеря даже запретил Станиславу «навещать коллег» [29, s. 105].

«Разные работы по дому», о которых Дубель говорил в своих показаниях, сделали его очевидцем того, как была утроена жизнь семьи Хессов. «Я имел возможность близко наблюдать как самого Хесса, так и его семью» [30, s. 51], — отмечал Дубель. Очевидно, комендант Аушвица был не очень занятым человеком, так как днем часто заходил домой, где подписывал разные документы, которые ему приносили подчиненные из канцелярии. По территории лагеря он редко передвигался пешком, предпочитая ездить верхом или на автомобиле. Нередко на своей вилле Хессы устраивали «великолепные приемы», продукты и алкоголь для которых Дубель доставал после подробных «инструкций» Хедвиг. Станислав называет имена трех высокопоставленных эсэсовцев, посетивших в разное время комендантский дом: помимо уже упомянутого

Генриха Гиммлера, это командующий юго-восточным округом СС во Вроцлаве обергруппенфюрер СС Эрнст-Генрих Шмаузер, которого Дубель по ошибке называет инспектором концентрационных лагерей (им был группенфюрер СС Рихард Глюкс), а также начальник Главного административно-хозяйственного управления СС обергруппенфюрер СС Освальд Поль.

Помимо продуктов питания, Дубелю приходилось «организовывать» для Хессов и другие, «даже самые мелкие предметы, нужные в домашнем хозяйстве» [29, s. 79; 30, s. 55], такие как крем и щетки для обуви, нижнее белье, кожаные вещи. Хесс часто получал лучшую кожу и различные кожаные изделия от бывшего заключенного Эриха Гренке, который был обязан коменданту Аушвица своим освобождением. По ходатайству Хесса Гренке устроился на кожевенную фабрику, где руководил мастерской и навещал виллу коменданта едва ли не каждый день, привозя с собой галантерейные изделия и обувь. Одежду по специальным заказам Хесса для всей его семьи шили на фабрике лучшие портные из числа заключенных евреев, а в доме коменданта на протяжении полутора лет работали две портнихи-еврейки, «шившие для жены Хесса и его дочерей из материалов, доставленных Гренке со складов» [30, s. 55—56].

Специально для Хедвиг Хесс Дубель выращивал в саду и парниках редкие цветы, причем семена и рассаду жена коменданта заказывала отдельно. Позднее Рудольф Хесс в своей автобиографии вспоминал: «По правде говоря, в Аушвице моя семья была очень хорошо обеспечена. Каждое желание, возникавшее у моей жены или у детей, исполнялось… У жены был настоящий цветочный рай» [7, p. 173]. Этот «рай» жене Хесса обеспечил в том числе Станислав Дубель, который контролировал доставку на виллу «тысяч горшков с цветами, семян, рассады, а осенью особенно много овощей на зимние запасы» [30, s. 56—57]. Хедвиг настолько нравился Аушвиц, что, даже когда к территории Польши начали приближаться советские войска, она в присутствии Дубеля абсолютно искренне сказала: «Здесь хочу жить до самой смерти» [29, s. 87; 30, s. 56].

Поздним летом и иногда ранней осенью Дубель занимался заготовкой кокса для отопления огромного дома коменданта лагеря. С этой целью он с другими заключенными «организовывал» 70 т коксующегося угля, большая часть которого шла для поддержания необходимого микроклимата в парниках.

Со временем хозяйство Хессов разрослось настолько, что, когда в ноябре 1943 г. Рудольфа Хесса перевели на должность инспектора концентрационных лагерей и ему нужно было покинуть Аушвиц, понадобилось четыре железнодорожных вагона, чтобы вместить все его вещи, хотя в 1940 г. на новое место работы он переезжал на небольшом фургоне [29, s. 102]. Комендант Аушвица этому переводу совсем не обрадовался, несмотря на повышение по службе и возможность оказаться поближе к Берлину. Устроенная жизнь, привычный быт и возможность руководить целой лагерной империей стали причиной того, что он «очень хотел остаться в Аушвице» [30, s. 57].

Хесс ценил своего садовника и был доволен тем, как он делает свою работу. Об этом комендант концлагеря говорил Генриху Гиммлеру во время его визита в Аушвиц летом 1943 г., когда на вопрос рейхсфюрера СС, за что Дубель арестован и как себя ведет, Хесс ответил, что он «работает аккуратно» и «положительно». При этом Гиммлер рекомендовал Станиславу продолжать трудиться в том же духе, и он когда-нибудь получит свободу [29, s. 79, 117]. Несколько раз Хесс спасал садовника от неминуемой гибели и переводов в другие концлагеря на более тяжелые работы (по словам Хесса, это были Маутхаузен и Флоссенбюрг, где практиковался труд заключенных в каменоломнях). Дубель вспоминал, что его фамилию трижды вносили в списки лиц, приговоренных к расстрелу, но всякий раз комендант лагеря его отстаивал. Позднее эту информацию на процессах по делам других нацистских преступников подтвердили некоторые бывшие заключенные Аушвица [20, s. 305—306; 22, s. 382—383; 24, s. 310; 25, s. 243—244; 26, s. 312—313; 27, s. 202].

Двенадцатого июня 1942 г. во дворе блока №11 у «стены смерти» произошел массовый расстрел 60 польских политических заключенных, которых обвиняли в подпольной борьбе против Германии. В этот день Дубеля и еще 172 человека вывели из блока и отправили на казнь, однако против расстрела своего садовника выступил Хесс, который потребовал его освобождения и возвращения на работу. Начальнику политического отдела Аушвица Эрнесту Грабнеру, который находился не в очень хороших отношениях с Хессом, это не понравилось. После обеда он приехал на виллу коменданта и потребовал вернуть Дубеля в расстрельные списки, но Хесс ответил отказом. За садовника вступилась прежде всего Хедвиг Хесс, для которой Дубель представлял особую ценность [24, s. 310], ведь в случае его расстрела она теряла надежный канал поставки продовольствия и других товаров в свой дом. Позднее на процессе по делу Хесса Дубель скажет, что это решение было сугубо прагматичным, поскольку у жены Хесса «не было никаких моральных сомнений и никаких других причин», «это было сделано потому, что я был принят в так называемую организацию дома Хесса» [29, s. 80].

Во второй раз попытку расстрелять Дубеля начальник политического отдела Аушвица предпринял 14 июля 1942 г., но казнь вновь была отменена. В третий раз Хесс спас своего садовника в октябре того же года, когда Станислав был приговорен к смертной казни вместе с 280 заключенными из Люблинского воеводства и все по той же политической статье за подпольную деятельность. Постоянное балансирование на грани жизни и смерти и неопределенность доставили Дубелю много моральных страданий, о чем он позднее заявил на процессе. Впоследствии жена Хесса неоднократно напоминала Дубелю о том, что его спас ее супруг, «заставляя как можно старательнее выполнять все то, что она мне приказывала» [30, s. 58]. Сам комендант Аушвица никогда об этих инцидентах не вспоминал. И вновь это были исключительно рабочие отношения, так как Хессов интересовали только деловые черты Дубеля и его трудовая этика, а не национальность. Хедвиг часто говорила, что поляки «существуют только для того, чтобы работать, пока не подох-

нут», а для евреев видела лишь одну участь — массовое уничтожение: «Они должны исчезнуть с земного шара до самого последнего, включая английских евреев» [30, s. 58].

Несмотря на то что заключенные лагеря жили в условиях настоящего ада, Дубелю удавалось проявлять редкую наблюдательность и быть в курсе последних событий, чему, безусловно, способствовала работа в комендантском саду. Согласно его показаниям, в преступлениях против поляков, евреев, чехов, венгров и других национальностей повинен не только Хесс, но и его жена Хедвиг, причем степень ее вины не меньше, чем у ее супруга. Он открыто заявил о ее причастности ко всем злодеяниям, происходивших в Аушвице, и отметил, что Хедвиг знала обо всем, что случалось в концлагере. Более того, когда комендант уезжал, она, вероятно обладая факсимиле, подписывала от его имени многочисленные документы, находившиеся на рабочем столе Хесса, причем большая часть этих бумаг была постановлениями о вынесении смертных приговоров [29, s. 81]. Однако это лишь предположение Дубеля, о чем он заявит на процессе по делу Хесса 15 марта 1947 г. Сам Хесс подтвердил наличие у него одного факсимильного аппарата, который хранился в сейфе его адъютанта. В отношении того, что жена подписывала документы в его отсутствие, он сказал, что «таких вещей не знает» [Ibid., s. 108].

При первой возможности заключенные, работавшие на комендантской вилле, передавали последние новости в лагерь. Иногда это спасало десятки и сотни жизней. Однажды Дубель подслушал разговор Гиммлера и Хесса, из которого стало понятно, что лагерной администрации известно о существовании подпольной организации на территории Аушвица, в связи с чем эсэсовцы хотели устроить диверсию и пустить в бараки сотрудников гестапо, «чтобы они жили в нашей форме» [Ibid., s. 82—84]. В сложившейся обстановке нужно было как можно скорее предупредить лагерь об опасности. Через друзей и знакомых Дубель донес эту информацию до других заключенных, и идея с провокацией эсэсовцев провалилась.

Ноябрь 1943 г. должен был стать своего рода водоразделом в лагерной жизни Дубеля, но обстоятельства снова сложились в пользу садовника. Казалось бы, с отъездом Рудольфа Хесса и без того хрупкий мир Станислава разрушится окончательно, и он вернется к прежнему существованию, однако в дело вновь вмешалась Хедвиг, и Дубель продолжил работать на комендантской вилле вплоть до отъезда семьи Хесса летом 1944 г. Сменивший Хесса в должности коменданта Аушвица Артур Либехеншель пробыл в лагере меньше года — до 19 мая 1944 г. — и не стал обращать внимания на существовавший в доме своего предшественника порядок, сосредоточив все усилия на «улучшении» жизни заключенных.

В связи со сменой руководства лагеря у Дубеля практически не осталось свободного времени, он вынужден был работать не только до позднего вечера, но зачастую и ночью. При этом жена Хесса требовала от садовника рассказывать ей обо всех новостях, происходивших в Ауш-

вице, но Станиславу удавалось «извиваться и плакать», за что Хедвиг осыпала его новыми проклятьями. Примерно раз в шесть недель Хесс навещал супругу и детей и привозил с собой огромные коробки с дорогим вином, ликером и фруктами, которые Хедвиг заботливо прятала в подвал «до лучших времен».

Немалый интерес представляет характеристика, которую Дубель дал коменданту Аушвица. В представлении Станислава Рудольф Хесс — концентрированное выражение зла и насилия, символ горя и страданий, главный разрушитель шаткого микромира заключенного. Отношение садовника к бывшему хозяину ярче всего выражается во фразе: «Он был нашим ужасом», и эти слова в целом применимы ко всем узникам концлагеря. При этом Дубель не наговаривает на Хесса, а говорит только о том, что видел лично: «Я никогда не видел, чтобы Хесс ударил кого-то из заключенных или чтобы в кого-то стрелял». С другой стороны, за все, что происходило в Аушвице, комендант нес персональную ответственность, так как «знал обо всем» и «ничего не могло делаться за его спиной» [29, s. 93, 99].

Несмотря на неимоверно тяжелые условия существования и стремление выжить любой ценой, Дубель не забывал о вере. Станислав ничего не говорит о своем отношении к религии, но судя по тому, с каким неприятием он обрушился на семейство Хессов в вопросе их «неправильного нравственного воспитания» детей и отправления культа, можно сделать вывод, что он был глубоко верующим человеком и любое проявление неуважения к какой-либо религии его искренне оскорбляло. Убежденные национал-социалисты, Хессы совсем не признавали «религиозного поклонения», а из дней рождения детей делали настоящие представления и торжественно их отмечали. При этом «смеялись над верой» и обо всех отзывались «в оскорбительной форме», что вызывало искреннюю радость у Хедвиг. Детям было позволено абсолютно все. И если пятилетний сын Хесса Ханс-Юрген открыто богохульствовал, получая одобрение со стороны родителей, то старший ребенок, четырнадцатилетний Клаус, был «очень амбициозным, играл с пистолетом и карабином и стрелял прямо в сад», приговаривая: «Я пристрелю польскую свинью» [Ibid., s. 95—97]. Испугавшийся за свою жизнь Дубель завернул в тряпку лежавшие в саду пистолеты, положил их в мешок и отнес коменданту, посоветовав хранить подальше от эсэсовцев и заключенных, которые могли их взять, с чем Хесс согласился.

Дубель был свидетелем массового сжигания трупов в крематориях Аушвица I и Аушвица II Биркенау. Вид огня, черный пепел и запах, выходивший из трубы, сводил с ума не только заключенных, но и семью Хессов. Когда работала «фабрика смерти», все окна в комендантском доме были закрыты. По иронии судьбы первый крематорий Аушвица I располагался всего в сорока метрах от виллы Хесса, а невысокий дымоход даже «влезал» в комнаты. В один из дней обычно спокойный Рудольф Хесс был подавленным и взволнованным, так как над лагерем пролетел самолет, хотя все полеты над Аушвицем были категорически запрещены. Несмотря на то что самолет оказался немецким,

комендант осыпал пилота проклятьями, из чего Дубель сделал следующий вывод: «Теперь я точно знал, что эти вещи против собственной армии и народа хотели скрыть, поэтому старались, как могли, чтобы не было много новостей» [29, s. 99].

Летом 1944 г. семья Хесса покинула Аушвиц, и Дубель столкнулся с новой проблемой. У него больше не осталось покровителей, поэтому нужно было перестроиться психологически и продолжить борьбу за выживание. Он неоднократно говорил, что ему повезло выжить в аушвицком аду, при этом неизвестно, чем именно он занимался и как жил в период с лета 1944 г. по январь 1945 г. Очевидно, эти полгода были самыми тяжелыми в лагерной жизни бывшего садовника Рудольфа Хесса, и можно лишь представить, через какие испытания он прошел.

В день освобождения Аушвица советскими войсками, 27 января 1945 г., Дубеля в списке выживших не оказалось. В архиве Государственного музея Аушвиц-Биркенау содержится лишь информация о том, что Дубель находился в концлагере до 18 января 1945 г., пережил войну и выступил свидетелем на процессе по делу бывшего коменданта лагеря Рудольфа Хесса, о чем автору статьи любезно рассказала сотрудница Бюро информации о бывших узниках Государственного музея Аушвиц-Биркенау Сара Раногаец. Поиски в архивах других концлагерей привели нас к выводу, что Дубель стал одним из участников так называемого «марша смерти» и вместе с частью трудоспособных заключенных был транспортирован в Маутхаузен, куда прибыл на поезде 25 января 1945 г. [5] и где находился вплоть до начала мая 1945 г. [2; 10], причем последние несколько недель до освобождения содержался в филиале Маутхаузена Эбензее [15].

Маутхаузенские документы дают дополнительные сведения о личной жизни Дубеля и его внешности. В частности, в личной карте заключенного указано, что он был женат и его супругу звали Гертруда. Станислав был светловолосым мужчиной невысокого роста (168 см) среднего телосложения, помимо польского говорил на немецком языке. Там же отмечалось, что его основная специальность в лагере — садовник. В 1973 г. Дубель направил запрос в крупнейший центр документации о преследованиях национал-социалистическим режимом Архивы Арользен с просьбой найти документы, подтверждающие факт его пребывания в концлагере Маутхаузен [9].

После освобождения Дубель вернулся в Хожув, где проживал по своему довоенному адресу: ул. Повстанцев, 49 [30, s. 51]. Он стал вести привычную жизнь. Неизвестно, выжила ли его первая супруга или он снова женился после освобождения, однако в начале февраля 1951 г. у него родился сын Маркус, который в последние годы проживал в баварском городе Ландсхут. К сожалению, связаться с Маркусом Дубелем и получить у него хоть какие-то сведения о послевоенной жизни его отца не удалось. Известно, что в феврале 1982 г. Маркус Дубель обратился в Архивы Арользен с целью подтвердить факт пребывания его отца в концлагере Маутхаузен, и в этом документе зафиксирована дата его рождения — 03.02.1951 г. [8].

Подведем итоги. Станислав Дубель — человек одновременно и необычной, и типичной для миллионов заключенных немецких концлагерей судьбы. Он прошел через многие круги аушвицкого ада, вынес нечеловеческие страдания, испытал унижение, неоднократно находился на краю гибели, однако всякий раз ему сопутствовала удача, и он остался в живых. Долгое нахождение в лагере сказалось на его психологическом здоровье, поскольку постоянное пребывание на грани жизни и смерти не могло не отразиться на его психике. Тем не менее ему удалось, по терминологии австрийского психолога, также бывшего узника Аушвица Виктора Франкла, проявить невероятное «упрямство духа» и сохранить «возможность оградить себя от влияния той среды» [4, с. 143]. В результате он нашел в себе внутренние силы, преодолел все препятствия и испытал ни с чем не сравнимый и такой долгожданный момент освобождения, чтобы позднее стать одним из главных свидетелей обвинения на процессе по делу бывшего коменданта концлагеря Аушвиц Рудольфа Хесса, а его показания по сей день имеют большое историческое значение и являются важным источником сведений по истории Второй мировой войны.

Список источников и литературы

1. *Освенцим* в глазах СС. Гесс, Броад, Кремер. Освенцим, 1975.

2. *Станислав* Дубель, заключенный №117670 // Концентрационный лагерь Маутхаузен. URL: https://collections.arolsen-archives.org/en/search/people/1421371/?p=1&s=Stanislaw%20Dubiel&s_lastName=asc (дата обращения: 18.06.2019).

3. *Станислав* Дубель, заключенный №6059 // База данных узников концлагеря Аушвиц. URL: http://base.auschwitz.org/wiezien.php?lang=en&ok=osoba&id_osoba=60628 (дата обращения: 13.06.2019).

4. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

5. *Arrival* list of CC Mauthausen, 1.1.26.1/1320290 // ITS Digital Archive, Arolsen Archives.

6. *Centropa:* a journal of central European architecture and related arts. N.Y., 2004. Vol. 4.

7. *Commandant* of Auschwitz. The Autobiography of Rudolf Hoess. Cleveland; N. Y., 1959.

8. *Correspondence* file T/D — 143039, 6.3.3.2/86967363 // ITS Digital Archive, Arolsen Archives.

9. *Correspondence* file T/D — 143039, 6.3.3.2/86967365 // ITS Digital Archive, Arolsen Archives.

10. *Correspondence* file T/D — 143039, 6.3.3.2/86967370 // ITS Digital Archive, Arolsen Archives.

11. *Finder G., Prusin A.* Justice behind the Iron Curtain: Nazis on Trial in Communist Poland. Toronto, 2018.

12. *Harding T.* Hanns and Rudolf: the true story of the German Jew who tracked down and caught the Kommandant of Auschwitz. N. Y., 2013.

13. *KL Auschwitz* seen by the SS. Höss. Broad. Kremer. Oswiecim, 1972.

14. *Langbein H.* People in Auschwitz. Chapel Hill ; L., 2004.

15. *List* of liberated prisoners in sub-camp Ebensee of CC Mauthausen, 1.1.26.1/1303827 / ITS Digital Archive, Arolsen Archives.

16. *Lombardo J., Robson D.* The Horrors of Auschwitz. N. Y., 2017.

17. *Rees L.* Auschwitz: The Nazis and “The Final Solution”. L., 2005.

18. *Wachsmann N.* KL: a history of the Nazi concentration camps. N. Y., 2015.
19. *Weber H.* Holocaust Mosaic. N. Y., 2006.
20. *Zeznanie* Adolfa Maciejowski z dnia 13 września 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/135. S. 305—306.
21. *Zeznanie* Alfreda Barabasza z dnia 13 września 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/85. S. 139—140.
22. *Zeznanie* Erwina Olszówka z dnia 25 września 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/137. S. 381—385.
23. *Zeznanie* Henryka Lierscha z dnia 17 września 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/137. S. 360—363.
24. *Zeznanie* Jerzy Malcherczyka z dnia 20 stycznia 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/171. S. 309—312.

25. *Zeznanie* Józefa Głuszaka z dnia 9 grudnia 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/89. S. 242—245.
26. *Zeznanie* Józefa Janusa z dnia 17 września 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/135. S. 312—313.
27. *Zeznanie* Kazimierza Smoleńa z dnia 30 lipca 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/135. S. 199—204.
28. *Zeznanie* Mieczysława Kotlarski z dnia 3 grudnia 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/163. S. 265—280.
29. *Zeznanie* Stanisława Dubiela z dnia 15 marca 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/107. S. 77—119.
30. *Zeznanie* Stanisława Dubiela z dnia 7 sierpnia 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/85. S. 51—58.

Об авторе

Сергей Сергеевич Ходячих — канд. ист. наук, пресс-атташе, Ассоциация «Баскетбольный клуб "Химки"», Россия.
E-mail: khodyachikh@gmail.com

The author

Dr Sergey S. Khodyachikh, PhD, press-officer, Association Basketball club Khimki, Russia.
E-mail: khodyachikh@gmail.com

УДК 339.97

О. Н. Яницкий

МОСКВА И ЕЕ РЕГИОН: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Рассматривается структурно-функциональные трансформации Москвы и региона, инициируемые такими факторами, как изменение способа производства в России в результате «перестройки», а также тех перемен, которые явились результатом комплекса глобальных сдвигов, инициированных Четвертой промышленной революцией (далее НТР-4) и изменением геополитической роли России в современном мире. Важнейшие сдвиги: зависимость от глобальных геополитических перемен, мобильность и ускорение трансформаций, в результате которых снижается способность населения к рефлексии и критической оценке происходящих перемен. Одновременно идет формирование Большой Москвы, сращивание Москвы и ее периферии, углубление разрыва между богатыми и бедными, возникновение феномена «глубинной России», не зависящей от столицы. Москва как социальный институт рассматривает интегрированную ею периферию как «трудовой резервуар» и место для переработки промышленных и бытовых отходов. Возникает социальная асимметрия: Москва богатеет и развивается, а ее периферия беднеет и теряет свой социальный капитал. Вывод: идет интенсивное сращивание природных, социальных и технологических структур и процессов, в результате которых современный мегаполис трансформируется в сложную социобиотехническую (далее СБТ-систему), закономерности формирования и динамики которой еще предстоит изучить. Однако для этого потребуется тесная интеграция естественных, социальных и технических наук и разработка концепции городского метаболизма. Необходимо сформировать этос междисциплинарного исследования, базовыми принципами которого должны быть равенство социальных статусов отдельных наук, интерес к сложным проблемам и способность к взаимопониманию между представителями разных наук.

The article shows various structural-functional transformations of Moscow and its region generated by the changes in mode of production in Russia as a result of 'perestroika' as well as of the results of a combination of global changes triggered by the Fourth industrial revolution (hereafter the STR-4) and by the change in Russia's geopolitical role in the modern world. The author identifies the main trends as Moscow's dependence on global geopolitical transformations, growing spatial and other forms of mobility resulted in a decline of its population's reflection. At the same time, the Greater Moscow is being shaped through the integration of Moscow and its 'periphery', a gap between the rich and poor is widening, and the phenomenon of a 'Deep Russia' independent form Moscow is emerging. Such mega-cities usually see their 'periphery' as the supply of a labor force and the waste processing sites. As a result, a social asymmetry has emerged: Moscow is developing and becoming

© Яницкий О.Н., 2020

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 91 – 102.

wealthier while their periphery has got exhausted and loses its social capital. The general outcome of this process may be seen in an intense merge of natural, social and technical structures that results in a transformation of modern mega-city into a very complex sociobiotechnical system (hereafter the SBT-system) which regularities and dynamics have to be carefully investigated. It requires a close integration of natural, social and technical sciences, and an urban metabolic concept. An ethos of an interdisciplinary study based on equality of social states of different sciences, their interest to study the complex issues and the ability for mutual understanding of various scientists is to be developed.

Ключевые слова: адаптация, глобализация, город, метаболизм, мобильность, НТР-4, структурно-функциональные трансформации, Россия.

Keywords: adaptation, globalization, city, metabolism, mobility, STR-4, structural-functional transformations, Russia.

Введение: цели и задачи исследования

Москва — не только столица РФ, она один из центров мировой геополитики, а также этноконфессиональной и культурной политики. Цель статьи — проанализировать основные структурно-функциональные тренды этой сложной СБТ-системы в ее взаимоотношениях со страной и миром, с одной стороны, и с собственным населением столицы и ее региона, с другой стороны.

В задачи данного исследования входит изучение названных выше характеристик под воздействием смены способа производства и качественно-количественных перемен, связанных с «переходом на цифру». Москве и стране в целом предстоит тройной переходный период: создание индустрии нового типа, существенные изменения в институциональной структуре общества и Москвы, и всеобщий «переход на цифру», плюсы и минусы которого еще только предстоит оценить.

Методология и теория

Структурно-функциональный анализ — основа используемого теоретико-методологического аппарата. Однако конкретные методология и теория зависят от тех задач, которые были упомянуты выше. Политика всегда была концентрированным выражением потребностей экономики, а сегодня еще и глобальной геополитической ситуации. Поэтому, с моей точки зрения, системный подход был и остается основополагающим теоретико-методологическим принципом структурно-функционального анализа. Естественно, что с развитием мира и российского общества сфера применения данного подхода будет изменяться и расширяться. Москва уже давно не географическое, а «системное образование», структурно-функциональные границы которого никогда не совпадали с кольцами городских стен или административным делением на районы.

В течение прошедших 60 и более лет отправной точкой теоретического анализа структурно-функциональной организации Москвы и

многих других крупнейших городов мира бы процесс урбанизации, то есть изменение (увеличение населения) этих городов за счет сельского населения [8, с. 706—707]. Естественно, что процесс урбанизации сопровождался или периодически нарушался войнами, когда часть городского населения устремлялась в деревню, чтобы добыть хоть какие-то продукты питания. Напротив, голод на Волге или на Украине (как в мирное, так и в военное время) стимулировал обратный поток, жители сел и малых городов устремлялись в Москву и другие большие города.

Иными словами, урбанизация — это одна из сторон миграции из села в город, из мирных стран в воюющие и т.д. Например, после Первой мировой войны начался массовый отток европейского населения в США. Это привело к созданию Чикагской школы человеческой экологии [23]. Роберт Парк создал также концепцию маргинального человека, то есть человека на рубеже двух культур, которая актуальна и до сих пор [17—19; 23—25].

Я особо выделяю работы Чикагской школы, так как полагаю, что социально-экологический подход более всего подходит к системному изучению структурно-функциональной организации прошлых и современных городов с коррективами и модификациями, которые внесла в эту теоретическую концепцию Четвертая промышленная революция [28].

Сегодня в условиях НТР-4 методологически изучать любые структурно-функциональные изменения городов можно только в контексте тех глобально-локальных перемен, которые она внесла в жизнь не только РФ, но и всего человечества [15]. Это не значит, что другие факторы, как, например, изменение климата, не имеют значения. Напротив, все глобальные новации социально значимы. К тому же воздействия природных и социальных сил на общественную жизнь всех городов должен быть исследован и учтен. Многие исследователи современных городов, как и автор этой статьи, подчеркивают методологическую и теоретическую значимость исследований городского и глобального метаболизма [27].

Необходима разработка этоса междисциплинарного, то есть интегрального исследования, основами которого должны быть равенство социальных статусов отдельных наук, их общий интерес к сложным (комплексным, гибридным) проблемам и способность к взаимопониманию представителей разных наук.

Этапы изучения структурно-функциональной трансформации мега-городов

Теоретические подходы советских и российских урбанистов и городских планировщиков можно разделить на следующие периоды.

Первый период. После установления советской власти начались интенсивные поиски концепции «идеального социалистического города». В РФ и позже в СССР образовались две группы, развивавшие это направление. Одна группа исходила из того, что нужно взять все лучшее из градостроительного опыта Европы. Таким «образцом» был со-

циальный проект «города-сада», созданный британским ученым и политиком Э. Говардом [22], у которого в дореволюционной России было много последователей.

Второй период. С 1920-х до начала 1930-х гг. наступило время поиска модели социалистического города будущего. Это был редкий в истории советского урбанизма случай, когда развернулась широкая общественная дискуссия по этому поводу, где сошлись в жесткой схватке две диаметрально противоположные концепции: урбанизм и дезурбанизм. В той дискуссии участвовали не только «правые» и «левые», но такие государственные деятели как Г.М. Кржижановский, А.В. Луначарский и Н.К. Крупская, а также Ле Корбюзье, Э. Май и другие европейские урбанисты. К сожалению И. Сталин свернул эту редкую по значимости и разнообразию дискуссию, и Москва отныне должна была стать образцовым социалистическим городом. Но некоторые элементы урбанизма и дезурбанизма были реализованы в ходе строительства Магнитогорска, Сталинграда и других гигантов социалистической индустриализации [12].

Третий период. После Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., нужно было восстанавливать тысячи городов. Развернулось массовое жилищное строительство, тем более что трудились на этом трудовом фронте не только вернувшиеся с войны люди, но и военнопленные. Строились и качественные жилые дома, и деревянные бараки, но это было массовое строительство. Неожиданно, новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев в 1954 г. развернул повсеместную борьбу с «излишествами в архитектуре». Урбанизм был, таким образом, разделен на «простое строительство» и «архитектуру». Места генплану и районной планировке в этом «гениальном» решении Хрущева не нашлось.

Четвертый период. Это 1960—1970-е гг., которые я называю смешанным периодом. Одно из его направлений — это массовое индустриальное строительство жилых и общественных зданий. В нем скорее не архитекторы и планировщики, а инженеры и гигиенисты играли ведущую роль. Какое бы здание или сооружение ни строилось, его возведение было подчинено Строительным нормам и правилам (СНиП), в составлении которых участвовало множество других специалистов: гидрологи, гигиенисты, теплотехники, специалисты в области строительной физики и техники и многие другие. Эта «команда» ученых и практиков определяла всю градостроительную политику.

В другом его направлении теоретики в области урбанизма упорно продолжали поиски оптимального «нового элемента расселения» [5]. С моей точки зрения, это было тупиковое направление теоретических поисков, так как всякий, даже самый малый город — это единый организм. Кроме того, такие отдельные, фактически замкнутые элементы расселения никак не вписывались в нарастающий процесс урбанизации страны.

Третье его направление — это попытка реанимировать идею «социалистического быта», где все возрастные категории населения (дети,

работающие, пенсионеры) жили бы отдельно в условиях максимального обобществления быта. Сторонники этой идеи были противниками общепринятой концепции семьи как основной социальной ячейки общества.

Пятый период. Возрос интерес городских теоретиков к структурно-функциональной специфике процесса урбанизации в условиях научно-технической революции [2; 28]. Тогда советская урбанистическая наука лидировала в мире, и этот факт вынуждены были признать некоторые наши зарубежные коллеги. Но для этого потребовались годы упорного труда [17; 18].

Шестой период. Это время неопределенности. С началом перестройки и до сего времени теоретико-методологический анализ процессов урбанизации и градостроительной и политики отошли едва ли ни на последнее место в политической повестке дня РФ. Это естественно, потому что цели общественного развития страны и ее институциональная организация коренным образом изменились. Соответственно, изменялась и структурно-функциональная организация Москвы и других городов. Ее ключевые моменты — это смена социалистического способа производства на капиталистический, выход на первый план целей бизнеса и обогащения, быстрое социальное расслоение общества на бедное большинство [13] и богатеющее меньшинство, резкое сокращение территории и изменение внешней политики, поскольку индустриально развитый Запад стал одним из ориентиров внутренней политики. Соответственно, большие и малые города были обречены на выживание собственными силами, и это им удалось, несмотря на большие производственные и социальные потери.

В известной мере повторялась история 1918—1922 гг., когда население Москвы было вынуждено перейти на «самообеспечение», то есть на различные формы мешочничества и самозанятости [7]. Часто городское население просто было вынуждено расхищать общественные и индивидуальные ресурсы, например, материалы и оборудование заброшенных предприятий и совхозов, сдавать в металлолом все, что «плохо лежит» и т. д.

Именно в тот тяжелый для страны период возникло множество криминальных структур и просто уличных банд, которые позже превратились в крупных и малых «силовых предпринимателей» [11]. «Силовое предпринимательство» есть и сегодня, однако в более скрытых и изощренных формах. Так или иначе, начался процесс деиндустриализации страны и капитализации нетрудовых доходов. Только после дефолта 1998 г. и ряда других экономических потрясений урбанистическая политика стала возвращаться в государственную повестку дня. Тем не менее все первые постперестроечные годы страна жила за счет добычи и экспорта нефтегазовых и других ресурсов. Производственные мощности еще предстояло возродить или создать заново. Естественно, что в этот переходный период разработать фундаментальную теорию урбанизации этого периода было невозможно. Каждый город и регион страны решал эту задачу по-своему.

Седьмой период. Что происходит с мегаполисами мира в XXI в.? Началось переформатирование структурно-функциональной организации общества и мира в целом как результата НТР-4. Структурно-функциональная организация российского общества должны была адаптироваться ко всему комплексу произошедших перемен. Детальный анализ этого процесса неоднократно производился в ходе международного проекта «Куда идет Россия?» (руководители: академик РАН Т. И. Заславская и профессор Т. Шанин), продолжавшегося 10 лет, но детального анализа его итогов нет до сих пор. Не было еще тогда необходимого эмпирического материала, чтобы комплексно оценить трансформацию СССР в РФ. Хотя этот проект собрал лучшие научные силы России, многие из этих ученых и экспертов все же не смогли системно охватить произошедший перелом.

Именно поэтому академик Т. И. Заславская не была удовлетворена результатами этого перелома, потому что «процессы социальных преобразований, целенаправленные реформы «сверху» сменились спонтанной трансформацией общества, в основе которой лежала борьба интересов множества самых различных групп». Итог, подведенный Заславской, был неутешительным: страна расколота и еще долго будет двигаться в направлении, противоположном мировому развитию. Соответственно, адаптация россиян к переменам происходила на базе нисходящей мобильности [6, с. 392, 395, 397]. В том же направлении происходила и структурно-функциональная трансформация российских мегаполисов.

Что же произошло с российскими мегаполисами? Их, по международным меркам, осталось всего три-четыре: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, но безусловным лидером является Москва. Российские мегаполисы пока не могут конкурировать с такими мировыми центрами, как Нью-Йорк, Лондон или Токио. Я имею в виду не их размер, а ту роль, которую они играют в мировой экономике и геополитике. Это не означает, что Нью-Йорк «лучше» Москвы, однако западные мегаполисы притягивают российскую молодежь и наиболее квалифицированных специалистов более высоким уровнем жизни и широкими возможностями социальной и профессиональной мобильности.

В жизни крупнейших мегаполисов индустриально развитых стран Запада ведущую роль играют транснациональные компании, в РФ таких практически нет. Причем, как отмечают западные урбанисты и социологи, физическая «оболочка» западных мегаполисов под воздействием таких компаний почти не меняется, преобразуется только их социально-экономическая «начинка».

Однако все мегаполисы мира подвержены общим опасностям глобального характера: экономическим и социальным кризисам, изменению климата, перемещению огромных масс мигрантов из бедных или воюющих стран Юга на более благополучный Север. И, как показали недавние события, растет опасность глобального распространения смертельно опасных вирусных заболеваний, которые, в свою очередь, порождают кризисные процессы экономического и социального харак-

тера. К сожалению, у человечества нет коллективной «памяти». Иначе человечество помнило бы, что Первая мировая война унесла приблизительно 20 млн жизней, а последовавшая за ней «испанка» — в пять раз больше!

«Переходный период» к глобальному сообществу, основанному на информационно-коммуникационных технологиях, еще продолжается. Не только РФ, но и весь мир сегодня развивается нелинейно и поэтому предсказывать его ближайшее и отдаленное будущее становится все труднее. Иными словами, мы все уже живем не в мире, где прошлое детерминирует будущее, а в некоем «вероятностном» мире, в котором траектории динамики отдельных стран и целых регионов могут сильно различаться. Мы все живем во все более «открытом» мире, в котором понятие безопасности становится еще более проблемным. Это означает, что подвергается сомнению такое фундаментальное понятие, как «приватность», право на частную жизнь. Наконец, не только сама рыночная конкуренция, но и новые коммуникационные технологии с каждым днем увеличивают мобильность населения. Но разрыв между непрерывно растущей мобильностью части человечества и теми бедняками, которые остаются привязанными к одному месту всю жизнь, увеличивается [21]. Кроме того, столь большое разнообразие событий и мобильность людей стирает из их памяти значимые для них память и памятники культуры. Человеческое восприятие реальности становится калейдоскопическим, коллажным.

Трансформации Москвы и региона в 2000-х гг.

Москва и ее регион стали первым и ведущим структурно-функциональным образованием не только на социально-экономическом и политическом пространстве РФ. Параллельно постепенно возрастала централизация экономики и управления в столице, и этот фактор тоже способствовал росту экономической и политической мощи Москвы.

Разрушение прежней индустриальной системы и медленное формирование новой, лишив население всего московского региона прежних источников дохода, заставило молодых и старых искать работу в столице, что имеет несколько долговременных последствий. Одно из них — это превращение столицы в разновидность «спального района», когда значительная часть трудоспособного населения близлежащих городов и деревень превратилась во временных мигрантов: две недели здесь — две недели дома.

Напомню, что до распада СССР наша страна считалась самой образованной страной мира. Но работа в торговой сети или на овощных базах грузчиками или продавцами не требует образования. Этих очень уставших молодых людей из прилежащего к столице региона Москва как центр образования, науки или культуры не интересует. Им нужен хоть какой-то заработок, до и только.

Москвичи сегодня разделились на две группы: массу трудящихся и немногих богатых молодых бездельников, — естественно, что эти группы являются антагонистами. Последние настолько укрепились в сознании своего превосходства, что не стесняются публично называть первых «нищебродами».

Но дело не только в богатых бездельниках. Сегодня возможно купить или построить себе усадьбу размером от двух до четырех га в старом центре города. Усадьбу совершенно изолированную от остальной городской жизни, со всеми необходимыми удобствами и службами, с охраной и т.д. Более того, в самом центре старой Москвы уже появились улицы с подобными усадьбами. Такие улицы журналисты прозвали «золотой милей».

В столице реализуется обширный план «реновации». Публично он обосновывается необходимостью замены ветшающего жилого фонда хрущевских пятиэтажек. Массовое переселение населения старой Москвы на ее периферию неизбежно разрушит сложившийся образ жизни людей. Для инженеров и властных структур — это мелочи жизни, которые легко преодолеваются. Это так, если вам 20 или 40 лет. А вот если вы пенсионер и, тем более, прикованный к инвалидному креслу, то такое переселение становится проблемой выживания. И жалобы от «переселенцев» в Большую Москву уже поступают: нет необходимой транспортной доступности к месту работы, нет озелененных мест, автостоянок недостаточно и т.д. Особенно если учесть, что Большая Москва застраивается сорока- и восьмидесятиэтажными жилыми домами.

В 2011 г. был утвержден план «Большой Москвы», в результате чего ее территория увеличилась в 2,5 раза! Удивительно, что в основу этого плана был положен проект «Большой Москвы» инженера С.С. Шестакова, созданный им в 1921—1925 гг. Во-первых, почему такое ответственное дело решили без широкого общественного обсуждения? Во-вторых, почему в основу нового плана Большой Москвы был положен инженерный план, хотя в СССР и в РФ существовал специальный для таких дел Государственный институт проектирования городов? Как можно было взять за основу план 1921—1925 гг., когда экономическая и социальная ситуация в стране была иной?

Исторически Москва имела радиально-кольцевую структуру, и ломать ее не имеет никакого смысла, не говоря уже о том, что эта структура влияет на формирование структурно-функциональной организации всей жизни московского мегаполиса. Планируемые и уже строящиеся сегодня транспортные магистрали, разрезающие эту радиально-кольцевую структуру, кардинально не улучшат положения, потому что отношение «автомобиль — дорога» это некий вечный двигатель: чем лучше и свободнее дорога, тем больше на ней автомобилей.

Реализуемые сейчас программы «Моя улица» и «Мой район» в основном посвящены благоустройству этих элементов городской инфраструктуры, они выполняются часто недостаточно квалифицированными бригадами строителей и озеленителей, а не самими жителями этих улиц и районов. Несмотря на огромную территорию Новой Москвы и существовавший поначалу план вывода туда комплекса правительственных зданий, центр Москвы так и остался политическим центром всей страны со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Одновременно Москва все больше становится торгово-развлекательным центром, а библиотеки, ВУЗы и научные учреждения выводятся на периферию города. Неужели «вирус» потребительской куль-

туры и образа жизни так быстро овладел нашим сознанием? На мой взгляд, дело в другом. Непрерывная и назойливая реклама по радио и на телевидении вытесняет из сознания людей интерес к научным и культурным событиям.

Наконец, еще один тренд. Хорошо, что в Москве непрерывно происходят международные конференции и встречи самых разных специалистов, о международных спортивных мероприятиях и говорить нечего. Но, работая в науке уже более 50 лет, я никогда не слышал, чтобы кого-нибудь из молодых ученых послали на стажировку за рубеж на год или два за счет института, в котором он работает.

НТР-4 и отношения «центра» и «периферии»

НТР-4 принципиально изменяет структурно-функциональную организацию мегаполиса. В условиях НТР-4 человек живет и действует в двух пространствах, материальном и виртуальном. Материальное пространство — это пространство физическое, с фиксированными социально-пространственными параметрами. Это не значит, что оно всегда стабильно, но оно каждый раз имеет определенные характеристики времени и пространства. Например, психологи уже давно пользуются понятием «динамического стереотипа», обозначающим относительно постоянные временны́е и пространственные параметры образа жизни индивида [1].

Виртуальное пространство организовано и действует вне физического пространства, оно — сетевое по своей структуре и имеет свои информационно-коммуникационные «узлы», которые периодически изменяются. Виртуальное пространство может сжиматься и расширяться, оно может быть доступным любому пользователю или, напротив, быть зашифрованным. Наконец, виртуальное пространство — не только «носитель» или средство передачи информации или средство коммуникации, оно является орудием производства и может обладать страшной разрушительной силой. Это пространство способно нести знания или оказывать давление на нежелательного противника.

Поэтому если политический центр всегда ассоциируется с Москвой, то бизнес и вся другая жизнь становится все менее привязанной к определенному месту в столице. И одним из главных стимулов подобной «мобильности» являются именно информационно-коммуникационные сети и их узлы. Они не только принуждают людей к частой территориальной мобильности, но и дают возможность работать «дистанционно», не связывая себя с определенным местом жительства. Кроме того, растет контингент «вахтовиков» самых разных профессий, которые периодически мигрируют между домом и работой.

Понятия «центра» и «периферии» периодически изменяются: развиваются науки и собственно информационное производство, другие виды деятельности, растет число мест периодического или постоянного отдыха или развлечений, на смену старшим приходит новое поколение с иными интересами и потребностями.

Но если вернуться к России, то в ней сегодня достаточно четко прослеживается различие «центра» и «периферии». В данном случае я имею в виду то, что урбанист и теоретик архитектуры профессор В.Л. Глазычев [4] назвал «глубинной Россией».

По моим представлениям, эта та Россия малых городов и населенных мест, которая не зависит напрямую от Москвы, а живет жизнью, основанной на самообеспечении. В этих малых городах и поселках идет собственная жизнь, со своими интересами, правилами и сообществами. Есть среди них такое уникальное явление, как город Мышкин, который «сделал себя сам», возвысившись до роли одного из городов России, входящих в Малое Золотое кольцо страны не без участия столичных ученых [16].

Наконец, по факту, Москва как совокупный социальный институт рассматривает интегрированную ею периферию как «резервуар» для захоронения или переработки промышленных и бытовых отходов.

Выводы

Таким образом, жизнь современного мегаполиса может лишь условно называться «городской» в привычном смысле. Чем дальше, тем больше мегаполис живет глобальной жизнью, которая непрерывно изменяется. Хотя здания, сооружения и дороги остаются на тех же местах, реальная жизнь все больше перемещается в виртуальном пространстве. Конечно, люди где-то едят, спят, порой встречаются лицом к лицу и даже создают семьи, однако большая часть их жизни происходит в другом пространстве, которое к тому же также может сжиматься и расширяться, благодаря виртуальным сетям. Эта ситуация не исключает того, что в критических условиях природных, социальных или техногенных катастроф масса людей будет стремиться избежать зоны их поражения или же где-то спрятаться. Однако понятие убежища сегодня также является относительным, потому что на планете уже не осталось или очень скоро не останется абсолютно безопасных мест.

Понятие современного мегаполиса, будь то Москва или Нью-Йорк, становится относительным, и эта относительность их нормального или критического состояния способна неожиданно изменяться самым непредсказуемым образом. Множество стран предпринимает сегодня беспрецедентные усилия, чтобы предотвратить пандемию коронавируса, но именно вследствие всеобщей зависимости и взаимной проницаемости стран, городов, потоков мигрантов или туристов и просто круговорота веществ в биосфере обеспечение стопроцентной безопасности сегодня уже невозможно.

Я не призываю к торможению науки, но люди должны знать, что созданные ими гибридные биологические культуры, социальные силы или же технические средства могут обернуться гибелью всего живого на Земле.

В итоге складывается такая картина. В виртуальной сфере идет непрерывное переформатирование сетей и их узлов, а на Земле сохраняется «россыпь» относительно малых, мобильных в плане их взаимоот-

ношений с внешним миром, но стабильных человеческих сообществ. Современные мегаполисы — это сложные, многосторонние комплексы с неравноправной периферией. В них идет интенсивное сращивание природных, социальных и технологических структур и процессов, в результате которых современный мегаполис трансформируется в СБТ-систему, которую еще предстоит изучать. Однако для этого потребуется тесная интеграция естественных, социальных и технических наук и детальная разработка концепции городского метаболизма.

Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования "зеленых" городов России», грант №17-78-20106.

Список литературы

1. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М., 1980. С. 268.

2. *Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н.* Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. №2. С. 43—53.

3. *Волков В.В.* Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб., 2012. С. 352.

4. *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2002—2003. М., 2003. С. 335.

5. *Гутнов А., Лежава И., Бабуров А. и др.* Новый элемент расселения: на пути к новому городу. М., 1966. С. 256.

6. *Заславская Т.И.* О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003. С. 390—397.

7. *Как люди* делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В.А. Ядова. М., 2010.

8. *Коган Л.Б., Покшишевский В.В.* Урбанизация // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 706—707.

9. *Лисичкин Г.* План и рынок. М., 1966. С. 96.

10. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М., 2003.

11. *Мяло К.* Время выбора. Молодежь и общество в поисках альтернативы. М., 1991. С. 254.

12. *Сабсович Л.М.* Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929.

13. *Тихонова Н.Е.* Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.

14. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. Проблема города будущего. М., 1980. С. 373.

15. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М., 2017. С. 208.

16. *Шомина Е.С.* Самоорганизация жителей на локальном уровне // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под. ред. Л. И. Якобсона. М., 2008. С. 263—289.

17. *Яницкий О.Н.* Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Критика американской буржуазной социологии. М., 1975.

18. *Яницкий О.Н* Взаимодействие человека и биосферы как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1978. №3. С. 75—83.

19. *Яницкий О.Н.* Методологические вопросы исследования социально-экологических проблем // Вопросы философии. 1982. №3. С. 91—99.

20. *Яницкий О.Н.* Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика, 2013. №3. С. 6—32.

21. *Bauman Z. A* Chronicle of Crisis: 2011—2016. L., UK, 2017. P. 163.

22. *Howard E.* The Garden Cities of Tomorrow. L., 1965.

23. *Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D., Wirth L.* The City. Chicago, 1926.

24. *Park R.* Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. P. 882—893.

25. *Park R.* Human Communities. The City and Human Ecology. Glencoe, 1952.

26. *Stokols D.* Social Ecology in the Digital Age. Solving Complex Problems in a Globalized World. Univ. of California, 2018. P. 399.

27. *Wolman A*. The Metabolism of Cities // Scientific American. 1965. №213 (3). P. 178—193.

28. *Yanitsky O*. Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice // International Social Science Journal. 1982.Vol. 34, №3. P. 469—480.

Об авторе

Олег Николаевич Яницкий — д-р филос. наук, проф., Федеральный научно-исследовательский центр социологии РАН; Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

The author

Prof. Oleg N. Yanitsky, Federal center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences; Kazan Federal University, Russia.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

УДК 332.133;991.6

А. С. Михайлов, Д. В. Хвалей, П. Сингх, В. К. Сингх

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ РОССИИ)

Связи России и Индии в научной сфере имеют длительную историю формирования. В современной истории две страны выступают стратегическими партнерами и нацелены на совместное развитие приоритетных областей знания с высоким потенциалом к коммерциализации результатов и генерации инноваций. Цель данной статьи оценить потенциал к активизации российско-индийского взаимодействия в разрезе различных областей научного знания. Объектом исследования выступили 268 городов Индии и 44 города Западного порубежья России. Научная гипотеза базировалась на предположении, что в развитии научной кооперации между Индией и Россией фактор территориальной удаленности может быть компенсирован сходными уровнем научно-технологического развития и приоритетами национальных научных систем. В основу методики исследования положен подход пространственной наукометрии. Источник данных – международная реферативная база научного цитирования Dimensions. Выявлен недостаточный уровень имеющегося научного сотрудничества между Индией и Россией, выражающийся сравнительно небольшим количеством совместных публикаций в 2000 – 2019 гг. Наиболее научнопродуктивными с позиции прироста числа российско-индийских научных статей и цитат на них являются пять областей знания: физические, инженерные, химические, математические и медицинские науки. Гуманитарные и общественные науки в наименьшей степени вовлечены в процесс сопроизводства знания российскими и индийскими учеными. Среди основных сдерживающих факторов к реализации имеющегося потенциала российско-индийского научного сотрудничества выявлены: языковой барьер, приоритетность государственной поддержки определенных областей знания, территориальная удаленность и сопутствующая этому сложность в построении социальных связей, разность в системах оценки эффективности научной деятельности.

Relations between Russia and India in the academic and research space have been developing long. In modern history, the two countries act as strategic partners that aim at common development of priority areas of knowledge with high potential for the commercialization of results and the generation of innovations. The article assesses the potential for enhancing Russian-Indian interaction in various fields of scientific knowledge. The geography of the study is 268 cities of India and 44 cities of the Western borderland of Russia. The research hypothesis supports the assumption that in Indian-Russian scientific cooperation, the factor of territorial remoteness can be compensated by a similar level of scientific and technological (S&T) development and the priorities of national scientific systems. The research methodology is based on

© Михайлов А.С., Хвалей Д.В., Сингх П., Сингх В.К., 2020
Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 103 – 117.

spatial scientometrics. The data source is the international abstract scientific citation base Dimensions. The authors reveal an insufficient level of existing scientific cooperation between India and Russia which is expressed in a relatively small number of co-authored publications in 2000—2019. The most productive in terms of an increased number of collaborative articles and citations are five fields of science, i.e. physics, engineering, chemistry, mathematics, and medicine. Humanities and social sciences are least involved in the process of co-production of knowledge by Russian and Indian scholars. The main constraints to the implementation of the existing potential of Russian-Indian scientific cooperation are the language barrier, the priority of state support for certain areas of knowledge, territorial remoteness and the related complexity in building social ties, the difference in the systems for assessing the effectiveness of scientific productivity.

Ключевые слова: Большая Евразия, Индия, международное научно-технологическое сотрудничество, география знания, пространственная наукометрия.

Keywords: Greater Eurasia, India, international scientific and technological cooperation, research collaboration, geography of knowledge, spatial scientometrics.

Введение и постановка проблемы

В 2017 г. исполнилось 70 лет с момента установления дипломатических отношений между Россией и Индией. Эти страны имеют длительную историю сотрудничества в сфере науки и инноваций, инициированного еще в советский период и получившего закрепление в форме комплексных долгосрочных программ (1987—2000 гг.; 2000—2010 гг.; 2010—2020 гг.) [12]. На современном этапе стратегический приоритет индийского вектора партнерства для России был неоднократно подчеркнут в рамках официальных встреч лидеров двух государств, в том числе в ходе 20-го российско-индийского саммита («Через доверие и партнерство — к новым вершинам сотрудничества», 2019 г.); 11 саммита БРИКС («Экономический рост для инновационного будущего», 2019 г.), саммитов Шанхайской организации сотрудничества и Большой двадцатки (G20), ряда других. Правительства двух стран видят существенный и еще не реализованный потенциал в двусторонней научно-технологической кооперации и заинтересованы в ее укреплении.

Особую актуальность развитие сетей научно-технологического сотрудничества между Россией и Индией имеет в контексте реализации концепции Большой Евразии, получившей как научное осмысление в трудах российских [5; 13; 19] и зарубежных [18; 20] ученых, так и политическое закрепление в качестве идеи создания Большого евразийского партнерства [14].

В настоящее время работают Межправительственная российско-индийская комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству (с 1993 г.) и Российско-индийский комитет высокого уровня по научно-техническому сотрудничеству (с 2017 г.).

Среди приоритетных направлений взаимодействия: математика, теоретическая и прикладная механика, науки о Земле, физика и астрофизика, экология и охрана окружающей среды, химические науки, науки о жизни, биотехнология и иммунология, материаловедение, лазерная наука и техника, катализ, ускорители и их применение, гидрология, вычислительная техника и электроника, биомедицинские науки и технологии, нанотехнологии, океанология и ресурсы океана, технические науки [8].

Реализуется ряд совместных инициатив, направленных на поддержку общих исследовательских проектов и коммерциализацию полученных результатов [4; 7; 15].

1. В 6 городах Индии (Нью-Дели, Аллахабад, Хайдерабад, Буланд-шахр, Ченнаи, Тируванантапурам) и в 1 городе России (Москва) ведут свою деятельность 8 российско-индийских центров передового опыта по сейсмологии, биотехнологиям, порошковой металлургии и новым материалам, производству полиомиелитных и других вакцин, компьютерным технологиям, изучению газовых гидратов, аюрведическим исследованиям.

2. В 2010 г. для повышения эффективности взаимодействия в инновационной сфере учрежден Российско-Индийский научно-технологический центр (РИ НТЦ), а в 2012 г. начало работу его отделение в Дели.

3. При участии Департамента науки и технологий Индии, Российского фонда научных исследований (с 2007 г.), Российского научного фонда (с 2015 г.) на конкурсной основе осуществляется финансирование совместных научно-исследовательских проектов.

4. Получило развитие кластерное сотрудничество на базе инновационного центра «Сколково».

5. В 2015 г. учреждена Российско-индийская ассоциация вузов, в рамках которой получила развитие академическая мобильность и двусторонние научно-образовательные программы.

6. В 2020 г. при поддержке Департамента науки и технологий Индии, Федерации индийских торгово-промышленных палат и Фонда содействия развитию форм предприятий в научно-технической сфере России запущена двусторонняя программа оценки технологий и ускоренной коммерциализации, в рамках которой планируется поддерживать перспективные стартапы в прорывных высокотехнологичных видах деятельности, и ряд других.

Данная статья сфокусирована на оценке потенциала и перспектив российско-индийского научного сотрудничества по генерации научной продукции на примере Западного порубежья России. Европейский вектор сотрудничества в научно-исследовательской сфере один из наиболее развитых, в том числе в контексте трансграничной кооперации приграничных субъектов европейской части РФ [9; 21]. Однако в связи с геополитической нестабильностью последних лет в российско-европейских отношениях на государственном уровне наметился инте-

рес к развитию восточного вектора. Одним из крупнейших партнеров на данном направлении является Индия. Наша научная гипотеза построена на предположении о схожем уровне развития и структуре научных систем двух стран, что позволит установить тесные научные связи в разрезе комплементарных областей знания между городами Индии и приграничья Европейской части России, несмотря на фактор их территориальной удаленности.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели выбран пространственно-наукометрический подход, позволивший оценить как объем и динамику генерации научной продукции в территориальном разрезе, так и ее структуру по областям знания [9—11]. Основным источником данных для исследования выступила одна из крупных международных реферативных баз научного цитирования Dimensions, что обеспечило сопоставимость результатов исследования научных профилей городов Индии и России. Сбор данных производился через инструмент Dimensions API во втором полугодии 2020 г. Временной период исследования — 2000—2019 гг. Данные ограничены типом научной публикации «статья» («article»). Для каждого города идентифицирован уникальный номер в наукометрической базе (например, для г. Нью-Дели идентификатор 1261481), по которому осуществлялась выгрузка.

География исследования по Индии охватывала 1000 городов, имеющих научные публикации в журналах из международной базы Dimensions. Из них выбран топ-268 городов в порядке убывания количества научных статей с нижней границей 179 за 2000—2019 гг., что в среднем — менее 9 статей в год. География исследования по России на первом этапе охватывала 283 городских населенных пункта 16 регионов Западного порубежья, генерирующих научную продукцию. На втором этапе исключены все города, у которых в базе Dimensions за 2000—2019 гг. не было проиндексировано ни одной научной статьи или не представлено распределение статей по областям знания. Итоговая выборка составила 44 города Западного порубежья России. Далее по российским и индийским городам составлена база данных, включившая количество научных статей и цитат за каждый год; распределение статей по 22 областям знания за период.

Результаты исследования

В 2000—2019 гг. Россия и Индия продемонстрировали активный прирост ежегодного количества научных статей, публикуемых в журналах из международной базы Dimensions. На рисунке 1 представлена динамика публикационной активности двух стран, в том числе в разрезе совместных статей, и изменение темпов прироста их количества в

каждый исследуемый год. За 20 лет объем научной продукции, ежегодно генерируемой Россией и Индией, вырос в 4,3 и 7,3 раза соответственно. При этом если в 2000 г. количество российских статей в 1,3 раза превышало индийские, то к 2019 г., благодаря укреплению Индией позиций в мировой науке, сложилась обратная ситуация (рис. 1). Начиная с 2016 г., ежегодное количество научных статей, публикуемых индийскими учеными и индексируемых в базе Dimensions, перешло рубеж в 100 тыс. и в 2019 г. достигло 127 тыс., что в 1,3 раза выше российского уровня (98 тыс. статей).

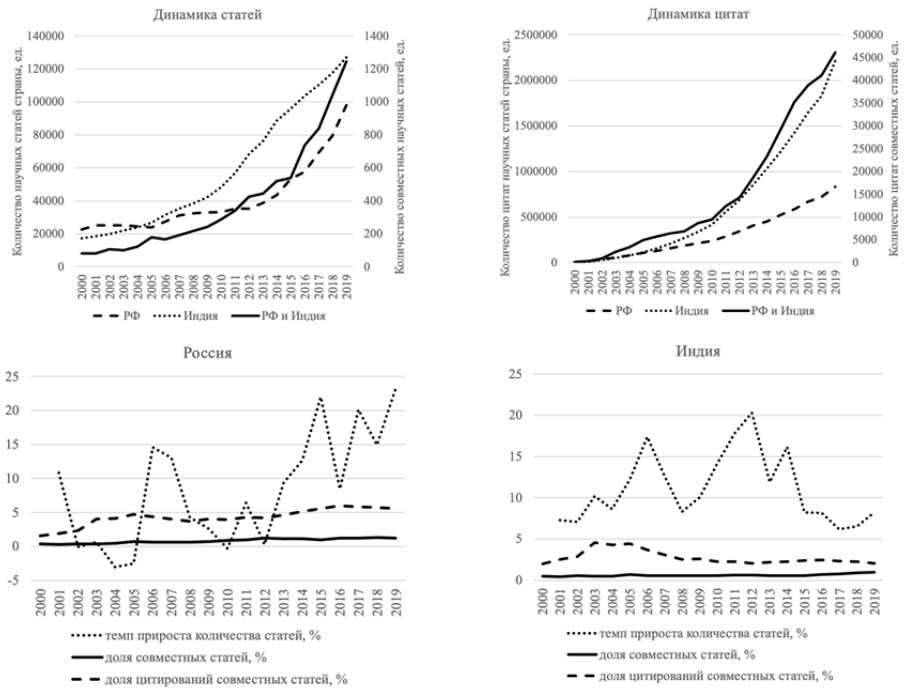


Рис. 1. Динамика публикационной активности Индии и России в журналах из международной базы Dimensions, 2000—2019 гг.

Сходная тенденция характерна для динамики цитат, по количеству которых в 2019 г. Индия в 2,7 раза превосходила Россию. До 2007 г. две страны демонстрировали растущий, но сопоставимый уровень цитирования в расчете на одну научную статью: в 2000 г. 0,2 цитаты, а в 2006 г. около 5 цитат. С 2007 г. Индия начала увеличивать разрыв с Россией по данному показателю, достигнув к 2019 г. значения в 17,4 цитаты на статью против 8,5 цитат для России.

По объему генерируемой научной продукции за 2000—2019 гг. среди исследуемых городов Индии нами выделены: 1 крупнейший с более 100 тыс. статей (Нью-Дели); 28 крупных с 10—100 тыс. статей (Ченнай, Мумбаи, Бангалор, Калькутта, Хайдерабад, Пуна, Лакхнау, Чандигарх,

Дели, Тируванантапурам, Харагпур, Веллор, Варанаси, Ахмадабад, Гувахати, Бхубанешвар, Коимбатур, Канпур, Рурки, Манипал, Пудучерри, Бхопал, Джайпур, Майсур, Мангаллира, Тиругор); 141 средний с 1—10 тыс. статей; 126 малых с менее 1 тыс. статей. Аналогично среди городов Западного порубежья России — 1 крупнейший (Санкт-Петербург); 2 крупных (Краснодар и Ростов-на-Дону); 10 средних (Воронеж, Гатчина, Белгород, Калининград, Курск, Петрозаводск, Архангельск, Мурманск, Севастополь, Апатиты) и 31 малый.

Всего за 2000—2019 гг. в базе Dimensions проиндексировано 7906 российско-индийских научных статей, на которые получено 307,9 тыс. цитат. В относительном выражении на долю Индии в массиве публикаций России приходится в среднем 0,8 % (от 0,4 % в 2000 г. до 1,3 % в 2019 г.), для Индии вклад статей с российским участием — 0,6 % (от 0,5 % в 2000 г. до 1 % в 2019 г.) (см. рис. 1). На совместные статьи приходится 5,5 % всех цитат, учтенных в базе Dimensions с привязкой к России, и 2,1 % — к Индии. Ведущие области научного сотрудничества — физические и инженерные науки, в которых генерируется 55,1 и 13,9 % совместных статей, 75,0 и 8,5 % цитат соответственно. Также взаимодействие ведется по химическим, математическим и медицинским наукам. Наиболее слабые научные связи в области общественных и гуманитарных наук.

География научного сотрудничества охватывает ряд индийских и российских городов. В Индии основными городами, реализующими партнерские научные связи с Россией, являются Мумбаи (3249 статей), Чандигарх (2501 статья), Калькутта (1867 статей), Нью-Дели (1839 статей). Со стороны России — Москва (5426 статей) и наукограды Дубна (2372 статьи), Протвино (2285 статей), а также национально значимые научные центры — Новосибирск (1717 статей), Санкт-Петербург (1344 статей) и соседствующая с ним Гатчина (1955 статей). Сотрудничество ведется с Томском, Екатеринбургом, Казанью, Челябинском, Ростовом-на-Дону. Таким образом, у трех городов российского Западного порубежья уже есть сформированные сети партнерства с индийской стороной, а индийский вектор международного научного сотрудничества имеет определенную основу для развития.

Распределение статей по областям знания позволило оценить сложившийся научный профиль городов выборки. Для городов Западного порубежья России ведущим научным направлением по объему генерируемой научной продукции является физико-техническое, в которое включены математические, физические, технические, инженерные, информационные и компьютерные науки; для городов Индии — медико-биологическое, объединившее медицинские, биологические, химические, сельскохозяйственные и ветеринарные науки.

На рисунке 2 представлено территориальное распределение российских и индийских городов, имеющих потенциал для научного сотрудничества по физико-техническому направлению.

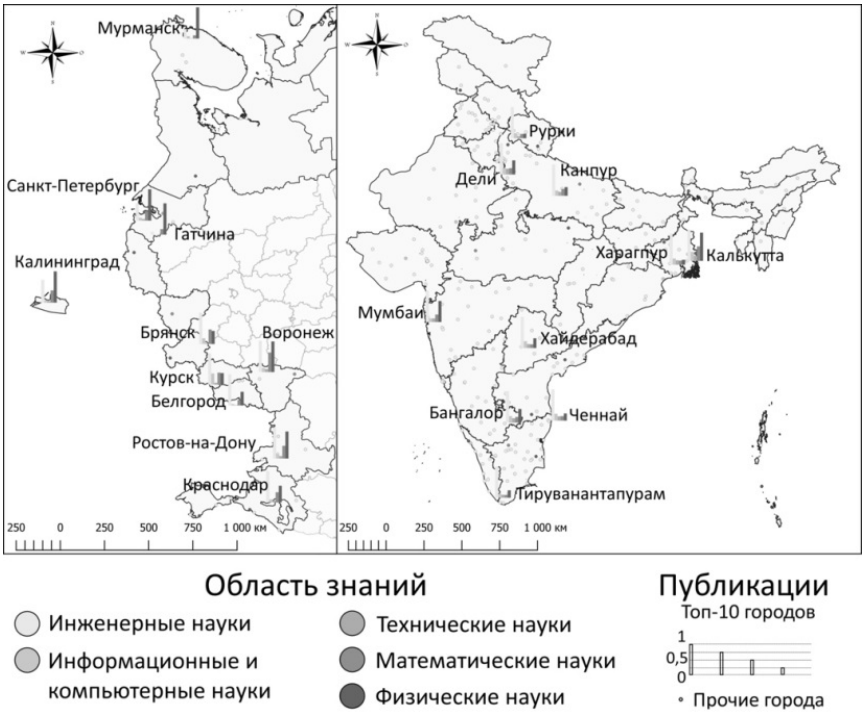


Рис. 2. Распределение научных статей Индии и Западного порубежья России по физико-техническому направлению, 2000—2019 гг.

Примечание: для топ-10 городов столбиками представлено распределение статей по областям знания в разрезе научного направления. Высота столбика отражает соотношение количества статей в каждой области наук относительно лидирующей для этого города. Для прочих городов цветом отмечена область знания с наибольшим количеством статей по направлению. (Пространственные пределы Республики Индия показаны авторами и включают спорные территории, признаваемые таковыми в Российской Федерации. — *Ред.*)

Лидерство среди городов выборки по количеству публикаций в области физических и математических наук удерживает Санкт-Петербург (29,7 и 8,9 тыс. статей). На 2 и 3 местах — Мумбаи и Калькутта. В топ-20 по физико-математическому профилю вошли российские Гатчина, Воронеж, Ростов-на-Дону. По объему публикаций в технических, инженерных и компьютерных науках ведущая роль у индийских Ченнаи, Нью-Дели, Бангалор, Мумбаи, Калькутта, Харагпур, а среди городов Западного порубежья России — у Санкт-Петербурга. В 2000—2019 гг. среди 312 городов выборки большинство имело менее 100 статей по техническому направлению в разрезе областей наук, в том числе инженерных — 41,3 %, физических — 58,3 %; математических — 66,7 %; информационных и коммуникационных — 68,9 %; технических — 73,4 %.

На рисунке 3 представлено территориальное распределение российских и индийских городов, имеющих потенциал для научного сотрудничества по медико-биологическому направлению.

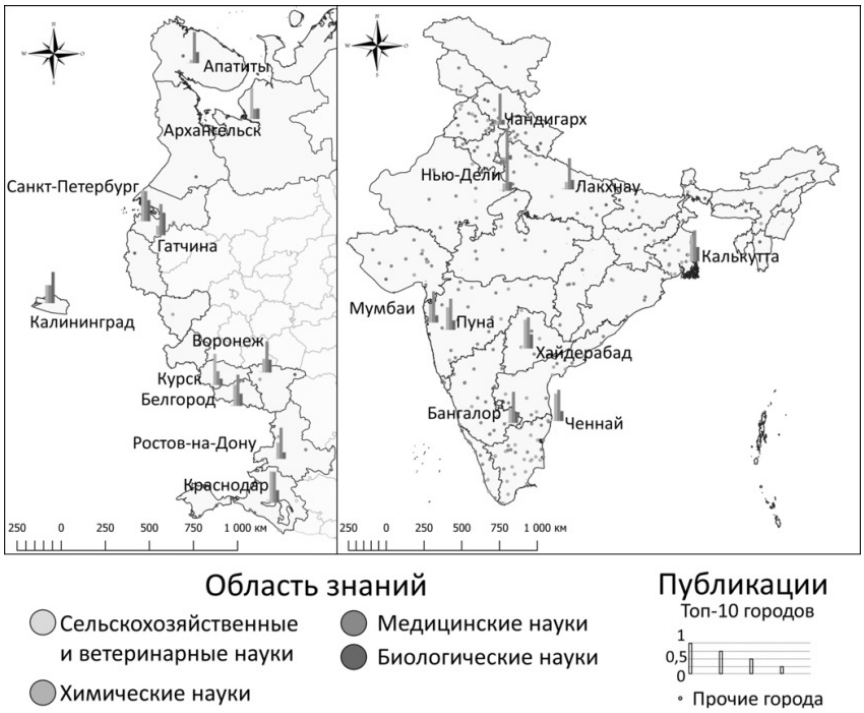


Рис. 3. Распределение научных статей Индии и Западного порубежья России по медико-биологическому направлению, 2000—2019 гг.

Примечание: см. примечание к рисунку 2.

Медицинские науки являются ведущей специализацией для большинства городов Индии, а лидирующие позиции у Нью-Дели (59,7 тыс. статей), Мумбаи (30 тыс. статей), Бангалор (26,3 тыс. статей), Ченнаи (21,6 тыс. статей), Чандигарх (19,6 тыс. статей), Лакхнау (17,7 тыс. статей), Калькутта (17,4 тыс. статей), Дели (15,9 тыс. статей), Хайдарабад (15,7 тыс. статей). Среди городов Западного порубежья России в топ-3 по медицинским наукам вошли Санкт-Петербург — 14,5 тыс. статей (10 место), Ростов-на-Дону — 2,9 тыс. статей (32 место), Воронеж — 1,3 тыс. статей (56 место).

Также городами Индии накоплены значимые компетенции в области химических и биологических наук. Прежде всего активные исследования ведутся в Ченнаи, Мумбаи, Калькутта, Хайдарабад, Нью-Дели, Бангалор. Отметим, что среди российских городов выборки сопоставимое с индийскими городами-лидерами количество научных статей, и лишь у Санкт-Петербурга (15,0 и 10,2 тыс. по биологическим и химическим наукам). У следующих за ним Ростова-на-Дону и Воронежа по биологическим наукам — 1,5 и 1,3 тыс. статей, а по химическим наукам — 0,61 и 0,55 тыс. статей.

Геонауки — третье значимое направление российских и индийских исследований. Однако количество публикуемых в разрезе него статей меньше, что в значительной мере обусловлено и спецификой самих областей научного знания. На рисунке 4 представлено территориальное распределение российских и индийских городов, имеющих потенциал для научного сотрудничества в области наук о Земле, экологии и антропогенной среде и дизайне.

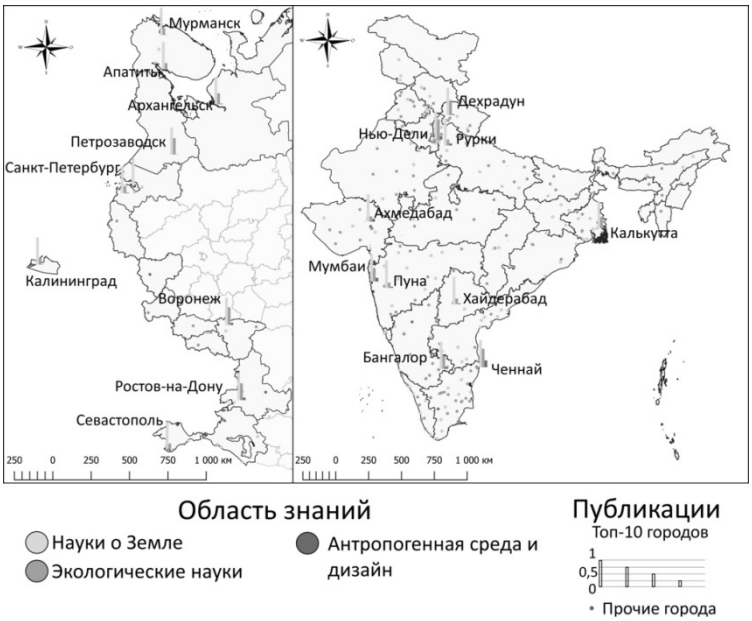
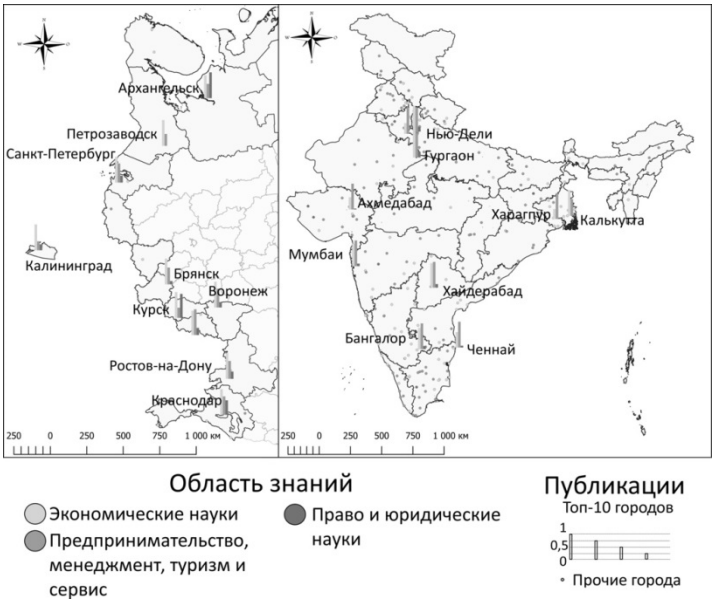


Рис. 4. Распределение научных статей Индии и Западного порубежья России по направлению геонаук, 2000—2019 гг.

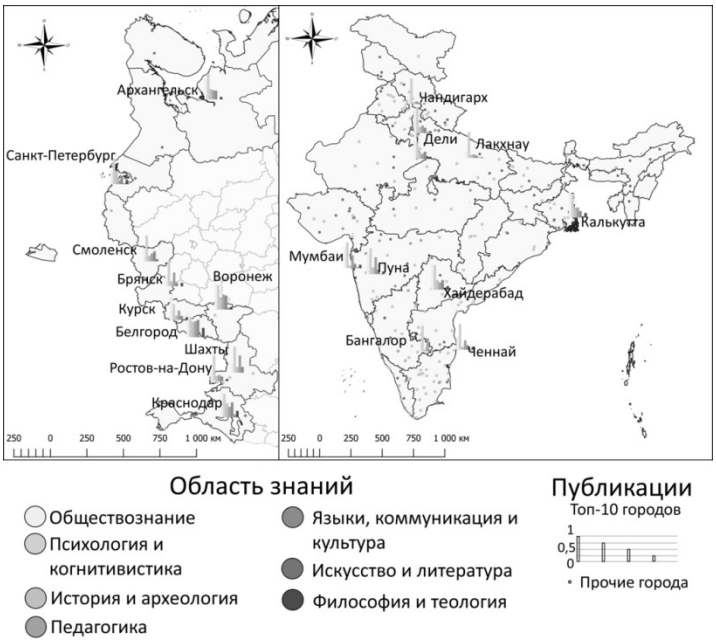
Примечание: см. примечание к рисунку 2.

Среди городов выборки в топ-50 по числу публикаций за 2000—2019 гг. вошло 7 городов Западного порубежья России: Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Севастополь, Мурманск, Апатиты, Воронеж, Петрозаводск, Калининград. В Индии основные исследовательские центры по данному направлению сформировались в районах городов Нью-Дели — Рурки — Дехрадун; Хайдерабад и Калькутта.

Наименьшей привлекательностью с позиции развития российско-индийского научного сотрудничества характеризуются общественные и гуманитарные науки. Это обусловлено как стратегическими приоритетами стран по поддержке естественнонаучных исследований с высоким инновационным потенциалом, так и нередко разностью объектов изучения российских и индийских ученых в данных областях наук. На рисунке 5 представлено территориальное распределение городов, в которых публикуются научные статьи по общественно-гуманитарному профилю.



а



б

Рис. 5. Распределение научных статей Индии и Западного порубежья России по общественно-гуманитарному профилю, 2000—2019 гг.:
а — экономика и право; *б* — гуманитарные науки

Примечание: см. примечание к рисунку 2.

Лидирующие позиции в области экономики и права у индийского Нью-Дели с 2,2 тыс. статей по экономическим наукам; 2,0 тыс. статей по предпринимательству, менеджменту, туризму и сервису; 0,5 тыс. статей по праву и юридическим наукам. Санкт-Петербург, будучи ведущим в данных областях знания среди городов Западного порубежья России, более чем в 3 раза отстает от Нью-Дели по количеству статей. Также следует отметить высокие позиции российских Курска, Воронежа, Краснодара и Ростова-на-Дону относительно других городов выборки.

Среди гуманитарных наук наибольшее количество статей генерируется по обществознанию; психологии и когнитивистики, а наименьшее — по искусству и литературе; философии и теологии. В Индии наиболее активно гуманитарные исследования ведутся в Нью-Дели, Мумбаи, Бангалоре, а среди городов Западного порубежья России — в Санкт-Петербурге и Ростове-на-Дону. В разрезе отдельных областей знания следует отметить Краснодар (искусство и литература; языки, коммуникация и культура; философия и теология), Калининград (философия и теология), Воронеж (образование, искусство и литература; языки, коммуникация и культура).

Резерв для укрепления российско-индийского научного сотрудничества

Индия и Россия сформировали тесные устойчивые торгово-экономические и дипломатические отношения в рамках целого ряда проектов промышленного, оборонно-технологического, научно-образовательного, культурного и гуманитарного сотрудничества. Во второй половине XX века Россия, наряду с США, Великобританией и Германией, сыграла важную роль в создании национально значимых научных организаций Индии, в том числе индийских институтов технологий, а также формировании кадрового потенциала страны и распространении русского языка среди индийцев [3; 16]. Обе страны выступают стратегическими партнерами в сферах ядерной, тепловой и гидроэнергетики, военной обороны и безопасности, космоса, геологоразведки и нефтедобычи (активно разворачивается сотрудничество в Арктике [6]), промышленной инфраструктуры и других [1; 2].

Однако на современном этапе дальнейшее расширение российско-индийского научно-исследовательского сотрудничества требует преодоления ряда негативных факторов, в первую очередь обусловленных:

— языковым барьером между учеными, который усложняет доступ к результатам исследований, публикуемых на национальных языках, и затрудняет реализацию совместных научных проектов. Расширение сотрудничества индийских научных учреждений с научными учреждениями англоязычных стран Европы и США во многом связано с простотой совместной работы за счет использования одного языка — английского [17]. Большинство индийских высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов используют английский в качестве основного языка. Это создает естественные условия для формирования общей языковой среды в контексте мировой науки, однако выступает барьером к сотрудничеству с неанглоязычными странами;

— географической удаленностью научных центров (особенно в случае Западного порубежья России). Географические расстояния между двумя странами являются еще одним препятствием на пути к более высокому уровню сотрудничества и формированию личных доверительных связей между отдельными учеными. Определенная компенсация негативного влияния этого фактора происходит за счет программ финансовой поддержки совместных российско-индийских исследовательских проектов. Однако, как правило, их действие распространяется не на все, а лишь приоритетные области знания. В случае взаимодействия Индии с другими научными державами положительным фактором преодоления территориальной удаленности выступает наличие уже сформировавшихся индийских диаспор ученых и исследователей, которые продолжают поддерживать социальные связи с коллегами внутри страны [17];

— наличием различий в научных системах двух стран и национальных методиках оценки их эффективности. Выдвигая на передний план стратегию глобального позиционирования, предполагающую вхождение в мировые академические рейтинги, научные организации России и Индии становятся заложниками определенных унифицированных критериев. В этой связи нередко привлекательность международного научного сотрудничества рассматривается с позиции достижения желаемых значений показателей, используемых в оценке без интереса к другим формам взаимодействия.

Отметим, что сходный процесс протекает в сфере образования, где привлекательность России для студентов из Индии ограничивается целым рядом факторов, среди которых малое разнообразие программ бакалавриата на английском языке; необходимость дополнительно учить русский язык; несовпадение российской и индийской образовательных систем высшего образования; проблема трудоустройства после прохождения обучения [16].

Выводы

Научное партнерство России и Индии, будучи исторически устоявшимся, переживает период, когда реализация накопленного потенциала требует от двух стран совместной выработки новых институциональных механизмов международного научно-технологического сотрудничества, в том числе в рамках многосторонних форматов — межгосударственного объединения БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и др., и развития идеи Большой Евразии. Результаты нашего исследования продемонстрировали недостаточный текущий уровень научной кооперации между российскими и индийскими учеными по совместной генерации нового знания, формализованного в форме научных статей. В структурном выражении более активное взаимодействие ведется по естественно-научному профилю, что поддерживается межправительственной стратегией развития научных связей, в то время как общественно-гуманитарный профиль практически не затронут данным процессом.

Города Западного порубежья России, находясь на существенном территориальном удалении от Индии, также вовлечены в российско-индийское научное сотрудничество. Однако его объем при существующем потенциале более чем скромен. Крупнейший научный полюс российского Западного порубежья — Санкт-Петербург, имея сходный с ведущими индийскими городами-миллионерами уровень научной продуктивности по широкому кругу областей знания должен играть более активную роль в развитии российско-индийских научных связей, в том числе продуцируя их на менее крупные города РФ (например, эксклавный Калининград [21]). По нашему мнению, внедрение новых программ поддержки совместных исследований, в том числе в области общественных и гуманитарных наук, может послужить катализатором для расширения научного сотрудничества между двумя странами.

Статья подготовлена по результатам доклада на Международной научно-практической конференции «Регионы в условиях глобальных изменений», проводимой при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-05-22007.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции» и гранта РФФИ № 18-010-00015 А «Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного порубежья России в систему «горизонтальных» межрегиональных экономических связей в контексте формирования «Большой Евразии».

Список литературы

1. *Акарашов И.С.* Международные проекты в области космоса и атомной энергетики: российско-индийское сотрудничество // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Государственное и муниципальное управление. 2017. № 4 (4). С. 333—342.

2. *Акарашов И.С.* Российско-индийские отношения: от «Паузы» в середине 1990-х гг. до «Стратегического партнерства» начала XXI века // Манускрипт. 2017. № 12-4 (86). С. 16—19.

3. *Белоусова Т.В.* Индийские институты технологий: принимая вызовы международных рейтингов // Инновации. 2015. № 4 (198). С. 81—85.

4. *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Индия во внешней культурной политике России: основные направления российско-индийского культурного и научного сотрудничества на современном этапе // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. № 180. С. 318—330.

5. *Большая* Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 1, ч. 1. М., 2018.

6. *Бхагват Д.* Россия и Индия в Арктике: необходимость большей синергии // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 73—90.

7. *Гусаков Н.П., Коновалова Ю.А.* Состояние и перспективы российско-индийского сотрудничества в высокотехнологичных отраслях экономики // Финансы и кредит. 2017. № 23-5 (725). С. 292—308.

8. *Комплексная* долгосрочная программа сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии. 21 декабря 2010 г. Нью-Дели. URL: http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=8fe5ca84-76a8-4448-9d42-5fb05931b175 (дата обращения: 12.10.2020).

9. *Михайлов А.С., Венд Я.А., Пекер И.Ю., Михайлова А.А.* Пространственно-временные закономерности трансфера научных знаний в приграничье // Балтийский регион. 2020. Т. 12, №1. С. 132—155.

10. *Михайлов А.С., Кузнецова Т.Ю., Пекер И.Ю.* Методы пространственной наукометрии в оценке неоднородности инновационного пространства России // Перспективы науки и образования. 2019. №5 (41). С. 549—563.

11. *Михайлов А.С., Михайлова А.А., Хвалей Д.В.* География знания: кластеризация национальных центров компетенций в России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2020. №1. С. 5—17.

12. *Загородникова Т.Н., Кашин В.П., Шаумян Т.Л.* Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее. М., 2011.

13. *Котляков В.М., Шупер В.А.* Россия в формирующейся Большой Евразии. М., 2019.

14. *Сотрудничество* на евразийском периметре: длинный путь в будущее. Сессия клуба «Валдай» «От Владивостока до Ченнаи: новая дуга сотрудничества в возвышающемся Римланде». 23.01.2020. URL: https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/sotrudnichestvo-na-evraziyskom-perimetre/ (дата обращения: 16.10.2020).

15. *Таркинский Я.Р.* Развитие российско-индийских отношений в сфере науки и техники в XXI веке // Вестник Российской международной академии туризма. 2016. №3. С. 27—29.

16. *Устюжанцева О.В.* Образовательное сотрудничество в российско-индийских отношениях // Сибирские исторические исследования. 2016. №3. С. 43—64.

17. *Altbach P.G., Jalote P.* When will India build world-class research universities? University World News. 26 September 2020. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200921112203767 (дата обращения: 17.10.2020).

18. *Diesen G.* The Geoeconomics of Russia's Greater Eurasia Initiative // Asian Politics & Policy. 2019. №11 (4). P. 566—585. doi: 10.1111/aspp.12497.

19. *Entin M., Entina E.* The new role of Russia in the Greater Eurasia // Strategic Analysis. 2016. №40 (6). P. 590—603. doi: 10.1080/09700161.2016.1224060.

20. *Lewis D.G.* Geopolitical Imaginaries in Russian Foreign Policy: The Evolution of «Greater Eurasia» // Europe-Asia Studies. 2018. №70 (10). P. 1612—1637. doi: 10.1080/09668136.2018.1515348.

21. *Mikhaylova A.A.* In pursuit of an innovation development trajectory of the Kaliningrad region // Baltic Region. 2019. №11 (3). P. 92—106. doi: 10.5922/2079-8555-2019-3-5.

Об авторах

Андрей Сергеевич Михайлов — канд. геогр. наук, ведущ. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

Дмитрий Витальевич Хвалей — студ., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: DKHvalei1@kantiana.ru

Парашасти Сингх — студ., Университет Банарас Хинду, Индия.
E-mail: prashasti.singh10@bhu.ac.in

Вивек Кумар Сингх — д-р компьютерных наук, проф., Университет Банарас Хинду, Индия.
E-mail: vivek@bhu.ac.in

The authors

Dr Andrey S. Mikhaylov, Leading Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

Dmitry V. Hvaley, Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: DKHvalei1@kantiana.ru

Prashasti Singh, Student, Banaras Hindu University, India.
E-mail: prashasti.singh10@bhu.ac.in

Dr Vivek K. Singh, Professor, Banaras Hindu University, India.
E-mail: vivek@bhu.ac.in

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук — 20—30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов — не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят ***внутреннее*** и ***внешнее рецензирование***, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: *http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/*

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта *http://journals. kantiana. ru/submit_an_article* и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве — в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: *http://www.naukapro.ru/metod.htm*);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках *(до 12 слов)*;

3) аннотацию на русском и английском языках *(150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков)*. Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках *(4 – 8 слов)*. Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы *(примерно 25 источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены ***в электронной форме*** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная ***информация о правилах оформления текста***, в том числе ***таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы***, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: *http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/*.

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: *http://journals.kantiana.ru/authors/imk/*.

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия

Гуманитарные и общественные науки
№ 3

2020

Редактор *Н. П. Антонова*. Корректор *О. М. Бамов*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 30.04.2021 г.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 10,5
Тираж 1000 экз. (1-й завод 40 экз.). Цена свободная. Заказ
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6